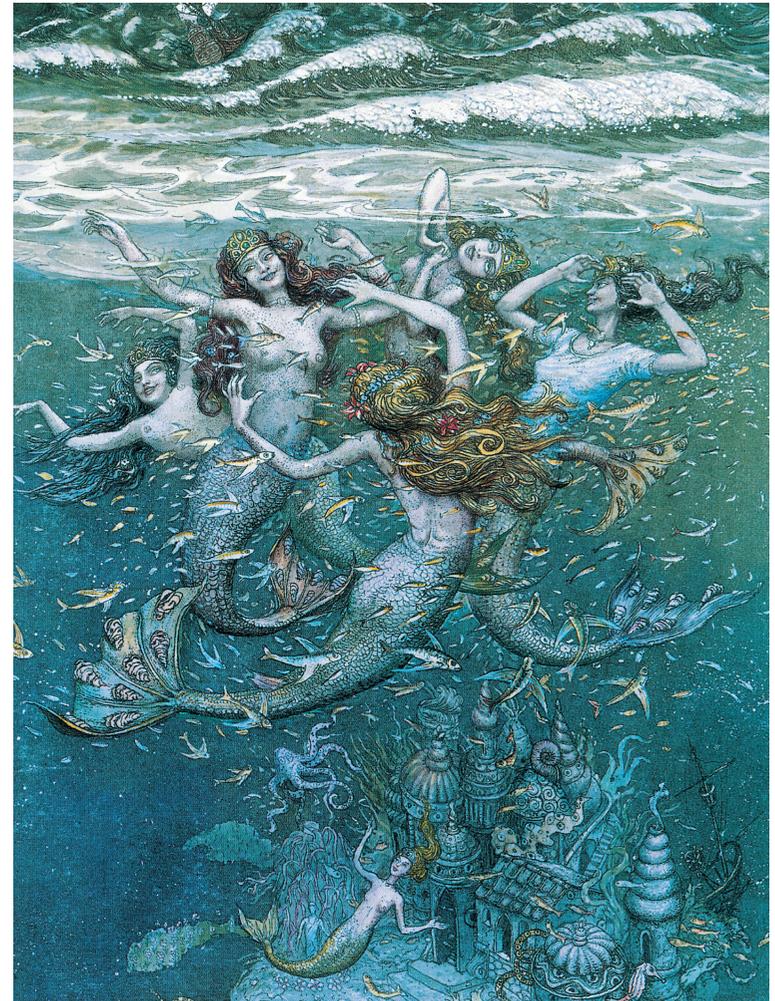
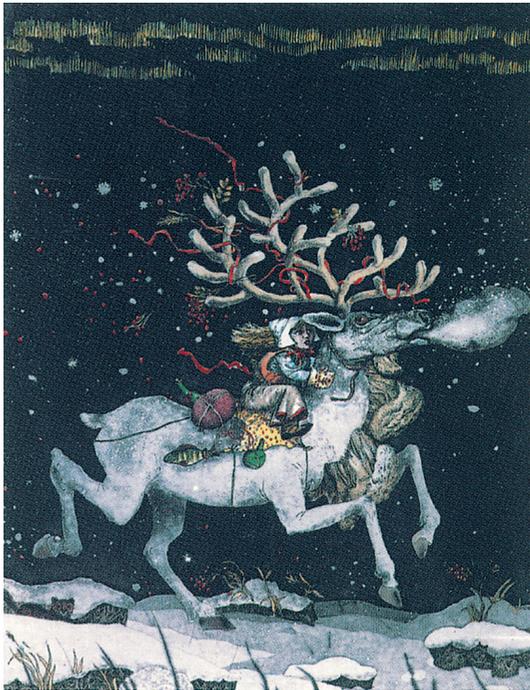

ВЫШГОРОД 5-6'2005

ВЫШГОРОД

5-6'2005

ISSN 1023-1099

ВЫШШГОРОД

5-6'2005

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Издается с марта 1994
Выходит 6 раз в год

ТАЛЛИНН • ЭСТОНИЯ
2005

ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

**МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ
ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ФОНДА KULTUURKAPITAL

Ирина БЕЛОБРОВЦЕВА • Майму БЕРГ
Арво ВАЛТОН • Тийу ВАЛЬМ
Рейн ВЕЙДЕМАНН • Лариса ВОЛЬПЕРТ
Людмила ГАНС • Екатерина ГЕНИЕВА
• Юрий ДРУЖНИКОВ •
Лола ЗВОНАРЕВА • Тээт КАЛЛАС
Любовь КИСЕЛЕВА • Михаил ЛОТМАН
Александр МЕЛИХОВ • Светлан СЕМЕНЕНКО
Юхан СИЛЛАСТЕ • Юло ТУУЛИК
Борис ТУХ • Иви ЭНМАА

©

Журнал «Вышгород» № 5-6, 2005

©

Оформление В. Станишевского

©

Компьютерная графика О. Костанди

©

Название журнала - «Вышгород» - Ю. Зотова

Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями...

Ин 15:15

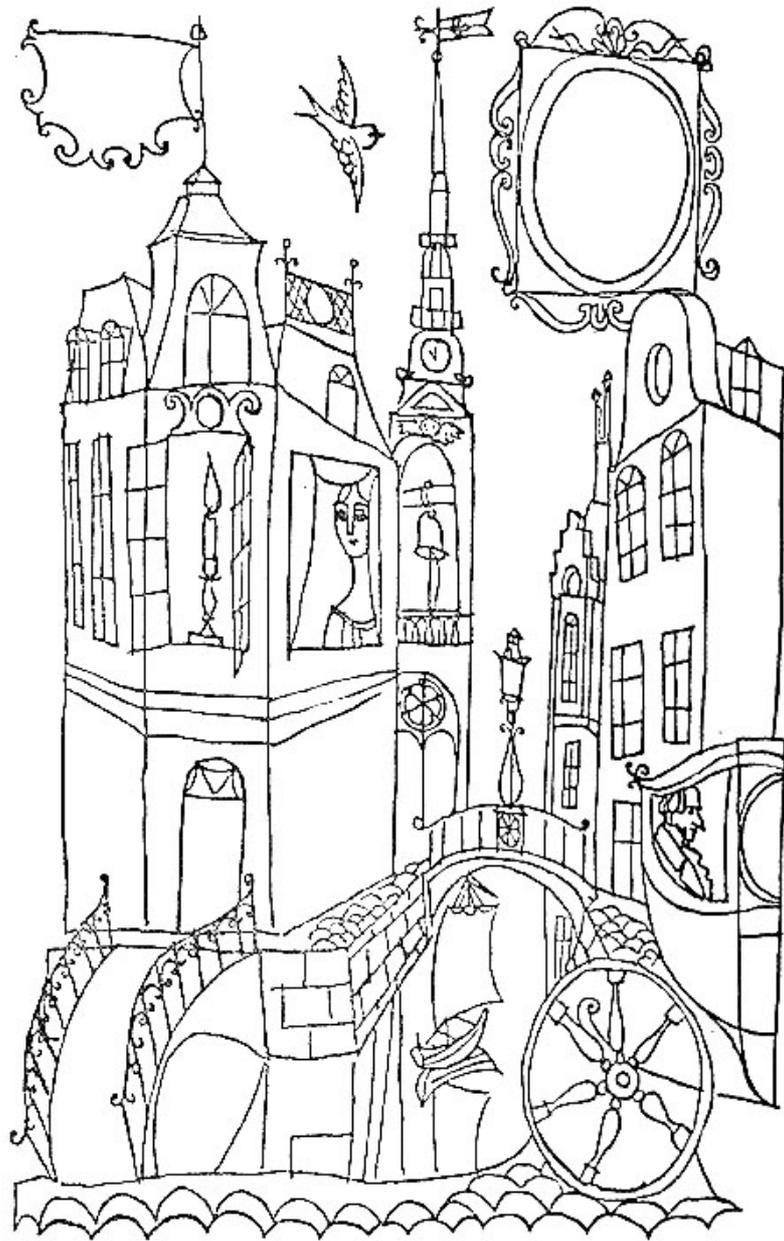
*“Ужо тебе!...”
И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось....*

*Медный Всадник
Петербургская повесть*

Здесь самое место указать разницу между авторитетом и властью. Власть - способность данного человека или определенной группы людей навязать свою волю и свои решения другим. Авторитет - нечто совершенно другое. В каком-то смысле, авторитет безвластен, авторитет принадлежит убедительности истины.

*Антоний
митрополит Сурожский
“Первенство” и “преимущества чести”
Вестник РХД № 189, с. 40*

Игра в утренних сумерках

I

Покой субботнего вечера вместе с первым настоящим снегопадом нисходил на самый большой из маленьких городов Европы.

Снегопад занялся сразу же после полудня первыми, еще как бы неуверенными снежинками, кружившими некоторое время в воздухе, прежде чем отважиться опуститься на улицы и крыши. Вместе со сгущавшимся сумраком сгущался и снегопад, и город в конце концов окутала белая мгла, которая прямо пахла предвоскресным настроением.

По крайней мере так казалось Йенсу Булю, когда он, стоя у окна в своем доме по Нью Вестергаде 13, наблюдал, как темнеющая стена Дворца Принца постепенно исчезает, поглощается белой пеленой.

Не только свет уличных фонарей, но и глухие удары ратушных часов еле пробивались сквозь эти мягкие белые покровы. И обычно пронзительный перезвон трамвая, поворачивающего сюда с Вестер Фольдгаде, доносился сейчас приглушенно.

Часы на ратуше как раз пробили пять, и воскресный покой тем самым наступил официально. Запах свежих булочек, проникший даже сквозь тщательно прикрытую дверь, указал на то, что Мартина закончила свои дела и скоро уходит, так что Йенс наконец может теперь чувствовать себя в доме полноправным хозяином. Добросовестная душа, завершив свой последний обход, не забыла плотно затворить печную заслонку. Она перестала доверять это Йенсу после того памятного случая, когда он отравился угарным газом, отделавшись, к счастью, лишь головной болью.

Йенс бросил прощальный взгляд на опустевшую улицу, не надеясь кого-нибудь увидеть там, и менее всего у

парадного, где на медной дощечке значилось лишь имя, Йенс Буль, без какого-либо намека на его необычную и даже слегка сомнительную профессию. Однако, несмотря на это, его адрес успел обрести известность, особенно благодаря двум газетным статьям, где ему удалось какими-то пустячными проблемами привлечь к себе большой интерес. За неимением никаких более крупных событий ни местного, ни международного масштаба приходилось хоть чем-то заполнять газетную площадь. Пару часов назад он как раз поставил точку на одной такого рода малообещающей, но занявшей у него немало времени историйке, и супруге крупного торговца Каал-Мадсена были доставлены ее пропавшие любовные письма. (Хотя единственным компрометирующим элементом в этих письмах было правописание).

Он включил лампу на высокой ножке у своего уютного кресла и сомкнул тяжелые бордовые гардины на окнах. Теперь он был готов полностью отдаться приятному субботнему вечеру. Его ожидало само по себе вполне невинное удовольствие. За ним не водилось никаких традиционных грехов, он не баловался кокаином и не играл на скрипке, он всего лишь собирался провести этот вечер в обществе Шпенглера: накануне вышел из печати второй том “Падения Запада”^{*} и приобрести его при постоянно звереющей инфляции в Германии не представило значительных материальных затрат. А что для своего чтения в свободное время он выбрал историческую книгу, объяснялось отчасти тем, что история была одной из немногих областей, ничего общего не имеющих с его повседневной работой, и можно было отдаться ей как чистому развлечению.

Прежде чем приступить к чтению, он переобулся в теплые, подшитые овчиной тапочки, поскольку пол комнаты из-за складского помещения внизу всегда был холодным. Подвинул кресло и лампу поближе к печи - и снова пожалел, что нет у него камина, который создал бы здесь особо уютный мирок. Сидеть с открытой печной

^{*}В русском переводе: Освальд Шпенглер, “Закат Европы” (1922) - так автор обозначает время действия. Через полвека, в начале 70-х, Ристикиви, как пишет в своем послесловии к эстонскому изданию “Двойной игры” Яника Кронберг (Karl Ristikivi. “Kahekordne mäng”, Varrak, Tallinn, 2003), предупреждал об опасности двойных игр в Европе, зараженной после Первой мировой войны революционной идеологией. История повторяется, - недавно и в других романах Ристикиви обращается к прошлому, к истокам истории, чтобы понять причинно-следственные связи будущих трагических событий. Рассматривая “Двойную игру” как расширенную метафору, Я.К. заканчивает свое “сопровождение” текста простенькой, но чрезвычайно мудрой сентенцией Юхана Лийва: кто не помнит прошлого, живет без будущего. - Прим. ред.

дверцей, как он раньше имел обыкновение, теперь было строжайше запрещено Мартиной. Вот и осталось единственной радостью взирать, порой отрываясь от книги, на изразцовые ветряные мельницы печи-голландки.

Снега на улице уже навалило порядочно, чтобы заглушить цокот копыт, да и возня с тяжелым креслом не дала расслышать звук дверного звонка. Поэтому энергичный стук Мартины в дверь застиг его столь внезапно, что он, вздрогнув, едва не подскочил. Не дожидаясь ответа, служанка распахнула дверь и лаконично объявила:

- К вам господин!

Потребовалось немало времени, чтобы внушить Мартине, что у ее хозяина нет определенных часов приема и посетителей можно впускать в любое время. Однако теперь, как назло, она стала придерживаться этого правила столь строго, что не удосуживалась даже спросить, готов ли он принять посетителя.

Только навряд ли в данном случае это имело бы какое-то значение, ибо еще до того, как Йенс успел что-либо ответить, гость, отстранив Мартину, почти ворвался в комнату. Он не обратил внимания на то, что служанка ждала его пальто и шляпу, и тут же с едва заметным поклоном повернулся к Йенсу и сказал по-немецки:

- Извините, что беспокою вас в такое неурочное время. Мне необходимо немедленно поговорить с господином Булем. Очень срочное дело.

Йенс намеренно выждал несколько секунд, оценивая, в какую бы графу поместить своего неожиданного гостя. Несомненно, это господин, привыкший свысока смотреть на других, лет эдак между тридцатью и сорока, темных кровей, узколицый, острые черты лица, подстриженные усы, похоже, выдавшие лучшие дни, ибо рука инстинктивно потянулась к ним, но сразу же и отдернулась. Очевидно, из офицеров, так как слегка прищелкнул каблуками в начале разговора. Но некоторая расхлябанность в походке подсказывала, что это не прусак. Возможно, южный немец, скорей всего, австрияк. В немецком Йенс был не настолько силен, чтобы в произношении гостя уловить что-либо определенное. Он не смог бы даже сказать, на родном ли языке говорил гость.

- Пожалуйста! - ответил он. - Если ничего не имеете против, можем поговорить тотчас. Извините, я в домашнем, но время сейчас...

- Понимаю. Я действительно явился в неурочное время. Я правильно понял, что имею честь говорить лично с господином Булем?

Йенс ответил молчаливым, чуть прохладным кивком. Хотя и не в первый раз клиенты принимали его за секретаря частного детектива Буля, но это всегда задевало.

Гость протянул визитную карточку, уголок которой венчала корона из пяти лепестков. В качестве прояснения словности значился и текст: “Граф Мориц фон Толнай”.

- Прошу садиться, господин граф.

Гость, слегка поколебавшись, опустился в низкое кресло, испытывая очевидную неловкость от своих длинных ног, пока не догадался закинуть их одна на другую. Инстинктивное движение руки выдавало, будто он еще не совсем свыкся с тем, что при нем нет шпаги.

- Вы говорите по-немецки, господин Буль?

- Стараюсь по мере возможности. Хотя практики у меня недостаточно.

- Читаете по-немецки? - Зоркий глаз гостя обнаружил на столе книгу с немецким названием. - Я, к сожалению, недолго пробыл в вашей стране и не успел выучить ваш прекрасный язык.

- В отношении красоты моего родного языка существуют очень противоречивые мнения, - с извинительной улыбкой заметил Йенс. Он сидел в кресле напротив гостя и попытался незаметно сдвинуть свои ноги в тапочках из освещенного светом лампы круга. Взгляд гостя неотступно преследовал каждое его движение.

- А вы моложе, чем я предполагал, господин Буль.

- Если вас интересует мой возраст, могу сообщить, что мне двадцать девять лет. Так что давно совершеннолетний.

- Прошу не счесть за обиду. То, что я читал и слышал о вас, позволяет мне предполагать, что у вас уже довольно большая практика. Ваше имя и репутация дают мне основание полностью довериться вам.

- Репутация может быть и незаслуженной. Во всяком случае, это не уберегло меня от некоторых неудач.

- Вы скромничаете. Редкость для вашей профессии.

- Ничуть. Только в книгах детективы всегда действуют безошибочно... Однако, я полагал, что у вас срочное дело...

- Извините, перехожу прямо к делу. Но оно требует некоторой подготовки. Боюсь, иначе трудно будет понять всю серьезность положения. Мы с вами, если можно так выразиться, из разных миров. - Граф бросил взгляд на Шпенглера. - Но вижу, вы, к моей радости, интересуетесь историей.

- Только ради развлечения.

- И все-таки - это придает мне смелости. Ибо проблема, с которой я обращаюсь к вам за помощью, тоже своего рода историческая.

Йенс, хоть и упражнялся систематически в том, чтобы никогда внешне не выказать внутренних чувств и переживаний - весьма необходимое для его профессии качество, - не очень-то в этом преуспел. Тем не менее он надеялся, что на этот раз ему удастся скрыть свое удивление и даже разочарование.

Напрасные надежды! Его слишком молодое лицо было все равно что открытая книга, которую сумел бы прочесть даже некий граф, офицер конной гвардии.

- Может, позвольте все-таки рассказать вам, в чем состоит вопрос. Было бы досадно предпринять эту поездку напрасно, да еще в такую погоду. Хоть я и сказал, что проблема моя историческая, но это всего лишь маленькая и незначительная часть ее. На самом деле проблема эта чисто криминального свойства. Кто убийца? Вернее, виновно ли в убийстве известное лицо, вот в чем вопрос. Только убийство это совершено около двухсот пятидесяти лет тому назад.

Йенс Буль слушал внимательно, даже с любопытством. Но вместе с тем мысли его все время были заняты другим - самым рассказчиком. Уж очень хорошо тот излагал, слишком хорошо для простого офицера в отставке, пусть и дворянина. Одно из двух - либо он основательно подготовил свой рассказ, либо действительно привык ораторствовать. Только уж не как коммивояжер, но - а-а, вот! - как дипломат.

- Двести пятьдесят лет назад, - повторил Йенс. - Вы же сказали, что дело срочное...

Граф удовлетворенно улыбнулся, наконец-то ему удалось пробудить любопытство.

- Я очень скоро дойду до этого, но, как я отметил, мне необходимо начать с самого начала. И вовсе не какой-то научный интерес или любопытство заставляет меня обратиться к вам. Я тоже не питаю особого пристрастия к истории. Кстати, эту книгу, которая, как вы сказали, скрашивает ваш досуг, я тоже читал и доложу вам, она представляет интерес не только для специалиста-историка, а как раз может прояснить и нашу ситуацию... Однако, возвращаясь к нашему делу многовековой давности, сразу замечу, что интерес у меня к нему чисто личный. Более того - разгадка этой истории, если можно так выразиться, для меня вопрос жизни и смерти.

Чтобы подчеркнуть значение этой фразы, граф Толнай сделал многозначительную паузу, и Йенс воспользовался ею, чтобы задать вопрос:

- А убийство, которое, как вы говорите, произошло

двести пятьдесят лет назад, было совершено здесь, в Копенгагене?

- Нет, это случилось в Вене. Ах, да, я понимаю - вы полагаете, что явился я сюда для того, чтобы распутать ту давнишнюю историю. Нет, с самой проблемой меня ничего не связывает. Но во время моего пребывания здесь все это всплыло наружу и приобрело актуальность. И если вы полагаете, что к этой истории можно было бы подойти, так сказать, с точки зрения преступления, то здесь я придерживаюсь прямо противоположного мнения. Нам все равно не удастся найти ни одного свидетеля или изучить место преступления. Нам остается довольствоваться лишь тем, что об этом написано - а этого достаточно.

- Это нечто новое для меня, - сказал Йенс. - Поэтому ничего определенного я обещать не могу. Но с удовольствием выслушаю все, что касается этого дела.

- Мне следовало бы с этого и начать, но я хотел сначала обрисовать общую ситуацию. Итак, сама история такова: в 1683 году была убита супруга барона Амалия Окс фон Виндегг. Убийцу так и не нашли. Но подозрение пало на моего предка, кардинала Толная, и эта тень до сих пор преследует нашу семью.

Йенс Буль, как ему показалось, не шевельнул ни одним мускулом лица, но посетитель усмотрел на нем тень улыбки. Он вдруг повысил голос, в котором теперь зазвучали нотки негодования.

- Да ну вас, протестантов! Вы так погрязли в своих предрассудках, что не хотите даже смотреть фактам в лицо и мыслить логически. По-вашему, у католических священников могут быть только внебрачные дети, а у них очень даже могут быть и законные наследники. Многие из них состояли в браке, и обет монашества они принимали только во вдовстве. Так именно и было с моим предком.

- Ваше негодование, поверьте, в данном случае ничем не обосновано, - заверил его Йенс. - Хотя вы, возможно, и правы, о таких случаях мы задумываемся реже. Однако, если вы прочли на моем лице некоторое удивление, то причина этого совсем в другом.

- И в чем же, позвольте спросить?

- Это, может быть, всего лишь мелочь, но довольно странное совпадение. Должен признаться, что ваше имя, граф, мне знакомо, и только сейчас я вспомнил, где я его встречал. Недавно, роюсь в антиквариате, я нашел книгу, которая заинтересовала меня только из-за имени автора. Это дневник некоего Кристиана Буля, который служил в войсках Леопольда и, кстати, принимал участие в сраже-

нии с турками под руководством принца Эугена. Так вот, в книге и фигурировало имя кардинала Толная.

- Тогда вам известна и вся эта история...

- К сожалению, нет. Это имя в книге моего однофамильца встречается лишь эпизодически, иначе я запомнил бы его более отчетливо.

- Но все-таки, согласитесь - какая игра судьбы! Кто-то из вашего рода, возможно, ваш дальний предок если не прямо связан с этой историей, то во всяком случае был современником ее и мог бы являться даже важным свидетелем в том деле.

Йенс Буль покачал головой и виновато улыбнулся.

- Это и впрямь было бы роковое совпадение. Но нет, это не так. У Кристиана Буля, насколько мне известно, не было детей. Что же касается его рода, то последний предок мужского пола этого весьма почтенного древа умер еще в 1814 году. Мои же прямые предки были простыми крестьянами из Йелланда, и лишь моему отцу удалось преуспеть - он стал пастором. Как видите, я это все основательно изучил, потому как, не скрою, вначале у меня и самого разыграло самолюбие, а не отношусь ли и я к этому родовому гнезду.

Гость, казалось, был слегка разочарован тем, что детектив, к которому он обратился, не такого же, как он, граф, высокого полета. Он даже сделал попытку встать, но низкое кресло своим неудобством для такого действия погасило его реакцию, и он сказал:

- Ну, конечно, вы ведь не виноваты. И потом, это совсем не имеет отношения к данному случаю. Вы правы - это лишь чрезвычайно любопытное совпадение. Но вы понимаете мое удивление, я и представить не мог, что кто-то, к тому же какой-то датчанин, напишет об этой истории, об этом злосчастном скандале. Я, понятное дело, не владею вашим языком. И думал, выскреб все, что об этом написано.

- В таком случае вы имеете все необходимые данные. И, как вы сами сказали, к ним добавить нечего.

- Я знаю, - печально сказал граф. - Я не требую невозможного, хочу только, чтобы вы ознакомились со всеми моими материалами и составили об этом свое мнение. Если сочтете, что тайну невозможно раскрыть, то ничего не напишешь, тогда ее никто не разгадает. Ведь к вам я обратился только потому, что, как мне известно, вы уже дважды распутывали такие дела - и нашли решение лишь на основании имеющихся материалов, из которых никто другой не смог ничего извлечь.

- Положение было несколько иное - там были свежие данные. Но соблазн слишком велик для того, чтобы отказываться от вашего предложения сразу, хотя это было бы самым разумным. Вы, граф, правы: я слишком молод и готов в любом деле попробовать свои силы. Эти материалы, о которых вы говорили - они при вас?

- Нет. И более того, они у меня дома, в деревне, куда я сейчас не могу попасть. Вы ведь знаете, что сейчас происходит с моей родиной, она раздроблена на куски и поделена между хищниками. Но дело не так безнадежно. Большинство материалов - почти все - были в свое время напечатаны, и я составил их полный список.

Граф вынул из кармана два плотно исписанных листка и протянул их Йенсу.

- Не знаю, сколько из них найдется в королевской библиотеке Копенгагена, но недостающие определенно есть в Вене и Будапеште.

- На это уйдет немало времени, придется их заказать оттуда.

- Знаю. Поэтому я и сказал, что дело срочное.

- Но позвольте, если вы сами так давно интересуетесь этим и собрали столько материалов...

- Почему этот вопрос вдруг всплыл снова? Об этом вы хотели спросить? Но именно это мне сейчас и трудно вам объяснить, да я и не надеюсь, что вы меня поймете до конца - слишком к разным мирам мы принадлежим. Лучше бы мне вообще молчать обо всем... Но уж коли начал, то должен поставить перед вами твердое условие - все, о чем мы сейчас говорим, останется только между нами.

- Это совершенно естественно. В этом смысле я как священник или врач.

- Даже в том случае, если то, что вам доверяется, не согласуется с законами вашей страны?

- Это уже более сложный вопрос. Я, конечно, не могу способствовать тому, что носит преступный характер. Однако я не понимаю, что в данном случае может быть противозаконного?

- Я сказал, если это будет противоречить вашим законам, но не значит, что может носить преступный характер. Так например, в вашей стране дуэли запрещены законом. Но называете ли вы это преступлением?

- Дуэли? Полагаю, что они запрещены в каждой стране.

- Официально - да. Но в действительности имеются большие различия, или, по крайней мере, были... Хорошо, я уже так много сказал, что лучше выложить все до

конца. Я не случайно привел пример с дуэлью, будь то запрещено законом или нет, но в нашем кругу, в моей стране, как и в большинстве европейских стран, есть один неписанный закон, который стоит выше всех официально написанных. Дуэль - нечто такое, от чего ни один честный человек не может уклониться, когда речь идет о его достоинстве, несмотря на противоречия с законом.

- Я слышал об этом, - ответил Йенс. - И я стараюсь это понять, хотя осознать до конца трудно.

- Можно ли в таком случае надеяться, что вы сразу же не передадите в полицию то, о чем я сейчас скажу?

- Не думаю, чтобы это имело большой смысл, ведь ничего предотвратить не смогут и они. Если вы, конечно, не укажете точно время и место действия - во что я не верю.

- Нет, этого я не сделаю. Да это исключено, поскольку ничего еще точно не назначено, и вообще все зависит не от меня. Но теперь вы, по крайней мере, понимаете, о чем идет речь. Это старое позорное подозрение возникло вновь. И когда тебе в лицо бросают такое обвинение, так просто его не проглотить. Много чего изменилось после этой несчастной войны, многое мне пришлось потерять. Но моя семейная честь еще при мне, и мой долг защитить ее. Могу только добавить, что вызов бросил не я. Впрочем, это не столь важно.

- С вашего позволения, господин граф, я бы подвел некоторый итог всему сказанному, прежде всего затем, чтобы выяснить, правильно ли я вас понял. Кто-то утверждает, что ваш предок, кардинал Толнай, виновен в смерти некоей дамы...

- Говоря прямо - что он и был убийцей.

- На что вы, конечно, ответили, что это ложь?

- Я сказал, что он лжет. Это большая разница.

- В ответ на это тот названный - вернее, не названный господин вызвал вас на дуэль?

- Так оно и есть.

- Скажем, если мне удастся доказать, что ваш предок не виновен, что тогда?

- Если это будет доказано, мой противник заберет свой вызов обратно.

- Ну, а если наоборот? Если результаты покажут, что виновен действительно...

- Тогда я принесу свои извинения и...

- Дуэль будет отменена?

Граф Толнай кивнул утвердительно, из чего можно было заключить, что он бы принял поединок только как неизбежное.

- Мне кажется, вы не желали бы дуэли. И мне это нравится.

- Так и я думал. Поэтому надеюсь, что вы сделаете все возможное, чтобы решить проблему мирным путем. Однако я все-таки должен пояснить, почему я хотел бы избежать дуэли. Не думайте, что я испугался бы.

- О-о, отнюдь...

- И все-таки это так. Я действительно боюсь. Но совсем по другой причине. О да - иной раз полагают, что дуэль просто комедиантство, и зачастую так оно и есть. Всякие типы - писатели, актеры и прочие - делают на этом рекламу. На самом деле, это очень серьезная вещь, ведь вопрос идет о жизни и смерти. А теперь я хочу сказать то, что вам покажется маловероятным, вы можете подумать, что это просто предрассудок. Мы живем в двадцатом веке, веке разума. Но стоит посмотреть вокруг: где же этот хваленый разум?

Йенс Буль только кивнул в ответ, не желая мешать лишними вопросами, похоже было, что гость решил поведать свою историю со всеми околичностями, и проще дать ему высказаться.

- Я родом из Баната, из той части Венгрии, которая дольше других находилась под турецким владычеством, - начал граф, теперь уже удобней устраиваясь в низком кресле. - Поэтому порой мы больше доверяемся судьбе, чем другие европейцы. И если кому-то суждено умереть, это принимается как неизбежное. Мы смерти не боимся, вернее, не стараемся уклониться от нее. Но случается, судьба определяет, что кто-то должен умереть от твоей руки... Правда, когда-то давно и в этом не было ничего особенного. Но мы все-таки люди современные, мы теперь думаем, возможно, даже больше, чем нужно. Пожалуй, что мы даже испорчены разумом. И кого-то убить из-за пары необдуманно сказанных слов сегодняшняя наша совесть уже не позволяет.

- Но ведь этого можно избежать, - не сумел удержаться от замечания Йенс.

- Я предвидел, что здесь вы меня не поймете. Вы не настолько верите в судьбу, как я. Если предназначено судьбой, этого не избежать. Я знаю. Я это уже пережил, даже дважды. Два раза мне пришлось драться на дуэли, и оба раза закончились неудачно. Дважды я испортил себе карьеру. Один раз я заставил глубоко страдать человека, которого очень любил. И теперь, когда у меня снова многое поставлено на карту, когда передо мной как раз открываются перспективы, будет просто роковой ошибкой,

если кто-то погибнет от моей руки. Скажу более, как бы это не показалось вам невероятным, но я убежден - так оно и случится, если дуэль состоится. Как бы я ни старался, она может закончиться именно таким образом. Стопроцентная возможность избежать этого - предотвратить дуэль. Но единственное, что можно сделать - раскрыть всю правду.

Граф Толнай умолк, и полное молчание вдруг показалось таким неуместным. Поскольку Йенс ничего не сказал, граф продолжал:

- Я понимаю, что все это кажется вам невероятным...

Йенс Буль подыскивал подходящие слова. Наконец он произнес:

- Не то, чтобы невероятным, скорее - чуждым. Чуждым в том смысле, что в жизни мне не приходилось сталкиваться с такого рода проблемами. Хотя в книгах я читал... Только в книгах и выдвигались такие проблемы. Поэтому для меня совсем внове... Хорошо, вы сказали, что дело срочное. Насколько?

- Я не знаю. Я же сказал, что не знаю ни дня, ни часа. Все зависит от того, кто делает вызов. Для начала мне дано право продлить срок на неопределенное время. Именно для того, чтобы представить неопровержимые доказательства. Согласны ли вы взять это дело на себя?

Йенс Буль улыбнулся, некстати ощутив, что может при этом показаться моложе своих лет.

- Я уже дал вам такое обещание, хотя, возможно, и легкомысленно. Но постараюсь сделать все от меня зависящее. В противном случае я становлюсь как бы вашим соучастником, если что-то случится.

Гость уже поднялся, чтобы уйти, и взял пальто и шляпу со стола, куда бросил их вначале.

- Мой адрес вы найдете на обратной стороне визитной карточки, - сказал он. - Адрес, правда, временный, но если мне придется его поменять, я вам тут же сообщу. А теперь не буду больше тратить ваше время...

Последние слова мало утешили Йенса, для которого уже стало ясно, что вечер ему придется провести не со Шпенглером, а совсем с другими материалами.

Он сам проводил гостя, поскольку Мартина уже ушла. Поэтому он смело направился в кухню, куда его давно манил запах свежих булочек. Хотя он и сознавал, что они предназначены для воскресного кофепития.

И тут, когда он вонзил зубы в теплую, с хрустящей корочкой булочку, его посетило чувство, будто он перенесся в то далекое время, в те детские годы на церковной

мызе Химмерланд, когда он вкушал запретные лакомства и читал запретные книги. Дуэли и кардиналы - только еще мушкетеров не хватало во всей этой истории, по крайней мере, для начала... В истории, где дуэлянт против своей воли убивает противника - как же, читали мы и об этом. А может, видели в кино? Конечно, в кино, теперь ясно вспомнилось, фильм еще назывался “Студент из Праги”, где злонамеренный двойник подменил главного героя, вот уж чистая фантазия. Хорошо еще, что граф Толнай не приплел и себе какого-нибудь двойника.

Но хотя вся эта история казалась сверхромантической - разве не могло быть так на самом деле? Есть вещь, которую называют подсознанием. Оно и могло сыграть злую шутку с самым разумным человеком, заставить его говорить или делать нечто такое, чего всеми силами стараешься избежать. Именно этим и объясняется, например, почему преступник совершает такие поступки или оставляет на месте преступления следы, которые становятся для него роковыми.

И все-таки его не покидало ощущение, что теперешняя проблема не психологическая, а чисто техническая. Как мог граф Толнай такую массу книг и журналов, да еще с такой тщательностью и аккуратностью, если не сказать, педантичностью, и уж вовсе не почерком вояки, выстроить в логический ряд. Дуэль, и особенно мистическое наваждение, преследующее его клиента, никак не вязались с этим. Что же касается самой проблемы, то о ней пока ему было известно меньше всего. Но сегодня вечером решить все эти загадки никакой возможности не представлялось, разве что еще раз перечитать дневник его когдатошнего однофамильца Кристиана Буля. Хотя он и понимал, что извлечь оттуда мало чего удастся. Разве что общую картину известного периода времени, когда и самого слова “полиция” еще не знали.

II

Стало уже незыблемой традицией, что каждое воскресенье Йенс Буль обедал у своей сестры. Это служило, конечно, основанием дать и Мартине свободный выходной. По правде говоря, Йенс ничего не имел бы против пообедать в каком-нибудь ресторане, потому как обеды сестры были питательны, но очень уж убоги по фантазии. Вибекке Могензен, урожденная Буль, была на четырнадцать лет старше брата и настолько же дольше прожила под кровом дома бедного сельского наставника, насквозь пропитавшись духом экономности и пуританством жиз-

ненного уклада. Йенс, поди, уже давно бы стряхнул с себя последнее семейное ярмо, если бы не то обстоятельство, что сестра была замужем за полицейским инспектором Могензенем, и обеды эти приносили весьма существенную пользу для постоянных контактов с уголовной, или, как это официально именовалось, государственной полицией.

Йенс для сестры всегда оставался мальчишкой, требующим материнской опеки и, если нужно, небольшой встрепки. К счастью, сам Лауриц Могензен не разделял этой позиции, хотя и он усматривал в Йенсе пока что лишь недоросля, только-только выросшего из коротких штанишек. Однако опыт уже научил его ценить своего шурина, особенно последние два года, когда тот взялся за стоящие дела.

Вообще-то, вне всякого сомнения, Вибекке Могензен обладала острым взглядом на вещи и почти неоспоримой способностью читать чужие мысли. Мир ее мог быть и ограниченным, но своим ограниченным мирком она правила вполне суверенно. Еще до того, как сестра за стол, она, метнув на брата свой следовательский взор, заметила:

- Что это ты опять задумал, а? Смотри, чтобы это не кончилось для тебя, как в последний раз!

А последний раз, о котором не уставала напоминать сестра, произошел полгода назад и мог бы действительно закончиться для него печально, если бы в последний момент не подросла полиция.

- Во-первых, сам я ничего не задумывал, - приступил Йенс к привычной самообороне. - Во-вторых, на этот раз речь идет не о темпераментном итальяшке, и в-третьих, все причастные к делу уже примерно двести пятьдесят лет как почили в бозе. Так что, если не считать призраков, то...

Разговор пришлось прервать, поскольку пожаловали Битте и Дитте, племянницы Йенса, и пора было садиться за стол. К тому же один из самых строгих законов Вибекке гласил, чтобы при детях о преступлениях ни слова. Бедняжка, она изо всех сил старалась сохранить их невинные души - хотя для них не была никаким секретом ни профессия их отца, ни то, чем занимается их дядя. Но когда трапеза закончилась и маленькие могогензенские барышни, эти краснощекие льноволосые ангелочки, были выпровожены, инспектор Могензен закурил свою традиционную сигару и подмигнул шурина, что готов его выслушать. То, что этот ритуал точь-в-точь совпадал с тем, которым он пользовался на своем служебном месте, давно не смущало Йенса.

Сопровождаемый бдительным оком сестры, блуждающим от мужчин к светлым гардинам в голубой цветочек на окнах, Йенс тоже зажег свою янтарную трубку - привычка, которую он укрощал разве что в самых торжественных моментах. Правда, эту свою слабость он настолько ревностно оберегал от посторонних глаз, что даже самые дотошные карикатуристы не изобразили бы его с этой приметой детектива-профессионала.

И сейчас он рассказывал о своем приключении давешнего вечера и необычном поручении, упустив, правда, ту часть, которая касалась дуэли. Наверняка поэтому слушатели не выказали особого удивления. А ему самому стало мерещиться, что за невинной по сути проблемой скрывается нечто более глубокое и угрожающее. Нет, вопрос заключается не в том, был ли кардинал Толнай участником убийства баронессы Окс. Но большего он сейчас сказать не имел права, не желая нарушать данного слова.

- У тебя, конечно, уже есть своя теория, а может, и решение готово, - выслушав, добродушно заметил зять.

В домашней обстановке инспектор Могензен выглядел вполне обычным отцом семейства средних лет, склонным к полноте, с красными щеками, унаследованными от него дочерьми, и редеющими седыми волосами. Сейчас он просто беседовал и наслаждался послеобеденной сигарой - ни дать ни взять коммерсант, банковский служащий или, если хотите, священник. Йенсу он порой напоминал своим обликом отца. Это, возможно, и остановило на нем выбор Вибекке, хотя в глубине души она до конца так и не смирилась с профессией мужа.

- У меня еще нет даже нужных деталей, - признался Йенс. - И до завтрашнего утра, пока не откроются библиотеки, мне и делать-то нечего. Единственным моим источником является дневник Кристиана Буля. Да и это абсолютная случайность, что он нашелся в моей домашней библиотеке.

- Ой ли? - прищурился инспектор Могензен.

Йенс бросил быстрый взгляд на зятя, но тот, казалось, все внимание сосредоточил на своей сигаре. Однако вопрос настиг его как палец массажиста, точно нащупавший самое больное место.

- Что ты имеешь в виду? Что это не просто случай? Откуда кто-то мог знать, что есть у меня в библиотеке?

- Я ничего не имею в виду. Мне только помнится, ты сам неоднократно повторял: то, что кажется случайным, как правило, не является таковым.

- А ты, возможно, и прав, - задумчиво сказал Йенс. -

Хотя в несколько другом смысле. Сама по себе книга почти ничего не дает. Я вчера вечером перечел ее еще раз, но ничего, кроме парочки предложений, не нашел. В них только кратко упоминается о смерти баронессы и о том, что кардинала Толная в чем-то подозревают.

- Я этой книги и в глаза не видел, но если ты говоришь, что за вечер успел ее перечесть, значит, она не слишком толстая. Может, это только часть дневника Кристиана Буля? Разве не могли его сократить при публикации, выбросив то, что шокировало излишней откровенностью читателя того времени?

- Я тоже подумал об этом. Но получение рукописи книги очень уж трудоемкое дело, и я не хочу на это тратить время, пока не просмотрю другие материалы. Прежде всего я хочу встретиться с профессором Хаузером.

- Слышал я о нем как о ходячей энциклопедии. Вполне возможно, что он даже знает о скандалах семнадцатого века.

- Если бы это случилось в Париже, пожалуй, и да. Но как ходячая энциклопедия он должен все сопоставить и указать какое-то ключевое слово. Конечно, это превратится в длинную и нудную беседу, а я хотел бы узнать у него лишь пару адресов.

- Уж не собираешься ли ты сам туда прокатиться?

- Ехать в Вену для того, чтобы искать следы! В Вену! - возмутилась Вибекке.

- Нет, не собираюсь. Ясно одно - отпечатки пальцев я там не найду.

- И каково же мое участие в этой истории с привидениями?

Йенса не особенно удивил вопрос зятя: ничего общего с чтением мыслей. Всегда, когда он так пространно излагал свою проблему, это кончалось тем, что он обращался к официальной полиции с неофициальной просьбой. Но на сей раз он колебался.

- У меня и в мыслях не было просить тебя о чем-либо. Если мне и потребуется чья-то помощь, то скорей всего историка, например, профессора Хаузера. Чем больше думаю об этом, тем загадочней мне представляется вся эта история. Хотя, на первый взгляд, все просто.

- Так я и думал. Ты нам, скорей всего, не рассказал всех подробностей?

Йенс позорно покраснел.

- Да, правда. Надеюсь, ты на меня не в обиде. Я дал слово... Дело, видишь ли, в том, что мне хотелось бы как можно больше узнать о своем клиенте. Кто он? У меня,

конечно, есть визитка, но я не знаю, тот ли указан на ней, кто мне ее подал. Вероятно, так оно и есть, но я не хочу ничего строить на предположениях. А у меня сложилось впечатление, что этот человек имеет отношение к дипломатическим кругам. Тогда есть основания для осторожности. Не мог бы ты разведать, не принадлежит ли граф Мориц Толнай к дипломатическому корпусу? К австрийскому или венгерскому, по некоторым признакам можно полагать, что это навряд ли может быть Румыния или Югославия. И конечно, хорошо бы заполучить фото или, на худой конец, подробное описание. Хотя полицейское описание личности обычно годится для каждого третьего.

- Хм-м... Это не по моей части, но я сделаю, что смогу, не повезет - обращусь к своему старому недругу, полковнику Люнге.

- Не понимаю, зачем тебе все это надо, - опять вмешалась Вибекке. - Если это такая невинная история, как ты утверждаешь... Впрочем, ты так же говорил и в прошлый раз - с той оперой...

- Я поклялся, что моей ноги не будет в опере еще года три, не меньше. У меня аллергия даже на итальянский язык.

- Будто это теперь поможет, просто как ребенок клянется. Да, кстати, хотела тебя спросить, не составишь ли мне компанию на оперу "Кавалер роз"?* Лауриц по каким-то обстоятельствам никак не может.

- Я же говорил, что буду занят в тот вечер... - Каким бы непререкаемым ни был авторитет Могензена на службе, но дома, с женой, его голос становился до неузнаваемости жалобным.

И Йенсу пришлось тут же сдаться.

- Хорошо, по крайней мере, она хоть на немецком языке. Постой-ка! Черт возьми, а не там ли один из героев некий барон Окс?

- Только по чистой случайности, - донеслось из клуба сигарного дыма.

- Нет, правда, - сказал Йенс. - Думаю, так же может быть вымышленным имя, каким мне представился этот Черный Граф. Но ведь оно значится и в дневнике Кристиана Буля!

- Я ничего такого не выдумывал, - сказал Могенсен. - Это ты все время твердишь о каких-то роковых случайных совпадениях.

Однако Йенс был не из тех, кто не отвечает на выпад.

**Комическая опера Рихарда Штрауса. - Ред.*

- Оставь. Расскажи-ка лучше, что нового в деле с убийством Дамхуса. Убийство совершено еще весной, а, как известно, полиция ни на йоту не приблизилась к его раскрытию.

- Иной раз полезней негласное выжидание, - парировал инспектор уголовной полиции. - Могу тебя заверить, что мы еще не поставили точку в этом расследовании. Может, у тебя есть какие-то идеи на этот счет, ведь прошло только шесть месяцев, а не двести пятьдесят лет?

- Двести сорок, - поправил Йенс. - Да к дьяволу такую точность. Зато я теперь возвращаюсь в высшем обществе, сплошь кардиналы да баронессы... Баронесса фон Окс. Черт возьми, а не было ли у самого этого проходимца Кристиана Буля каких-нибудь шашней с баронессой, и книгу действительно сократила цензура...

<...>

Игра в замке

I

Если бы Йенс Буль в то время, “между чумой и турками”, как назвал его летописец, оказался в Вене, ему и в голову не пришла бы мысль о поющем и танцующем городе. Еще меньше оснований для этого было у его однофамильца Кристиана Буля, никогда не слыхавшего о городе и поэтому ничего похожего и не ожидавшего увидеть. Это был степенный, если не сказать, угрюмый город, долгие годы выполнявший роль крепости на границе востока с западом. И теперь, уже по прошествии более тридцати лет со времени проигранной войны, он все еще был бедным городом, особенно для тех, кто повидал мир и брался сравнивать его с Парижем, Венецией или Амстердамом. Кристиан Буль мог бы сказать то же самое, хотя для сравнения у него был только Копенгаген, которому проигранные войны были по времени еще ближе.

Возможно, некий патриот Вены, хорошо знающий историю - повстречайся ему таковой - и смог бы порассказать ему то или иное из прошлого своего родного города и даже утверждать, что когда-то этот город действительно был поющим и танцующим. Но тому скоро пятьсот лет, как на вершину власти взошли Бабенберги и Вальтер фон дер Фогельвейде пел при дворе герцога Леопольда VI. Того самого герцога Леопольда, который взял в плен короля Ричарда Львиное Сердце и упрятал его в скалистом замке Дюрнштейн. Что в свою очередь подвигнуло некоего второго миннезингера, Блонделя, пуститься в

странствия по дорогам Австрии, распевая песни и играя на лютне. Политические интриги и прекрасные искусства в те седые времена уже были известны Вене. Он мог бы, имея пристрастие к античным временам, добавить, что император-философ Марк Аврелий закончил в этом городе свой земной путь и его божественное тело, обращенное в пепел, развеяно на Хойе Маркте.

На Кристиана Буля, как и на любого другого молодого новобранца, за неимением лучшего завербовавшегося в императорское войско, это навряд ли произвело бы какое-то впечатление. Хойе Маркт, несмотря на свое звучное название, был всего лишь рыночной площадью, тесной и грязной, и в жалкие кабаки вокруг нее заходили только самые простые солдаты утолить жажду. И уже позже, возможно, найти какую ни есть бабенку на улице, носившей звучное имя Марка Аврелия, но ведущей в совсем уж бедный пригород за городской стеной.

Легко можем себе представить, сколь глубоко разочарован был Кристиан Буль и сколь угнетали его одновременно и чувство отчужденности, и чувство тоски по родным местам. Правда, был он далеко не желторотый юнец - ему стукнуло двадцать три, и семь лет миновало с его первого боевого крещения в сражении при Лунде. К сожалению, и этим гордиться было нечего. Словно в отместку, носил он теперь драгунский желтый френч, цветом и фасоном до боли напоминавший о зачатом шведском недруге. Его высокие шикарные ботфорты вскоре были забрызганы грязью кайзеровских улиц, а звона шпор на них в общем уличном гаме было и не расслышать. Вряд ли он замечал, какие взоры бросали встречные кумушки и девицы на молодого высокого и широкоплечего красавца, глаза которого источали невинную синеву, а непокорные светлые кудри выбивались из-под модного парика, - не обрати его внимания на это шагавший рядом новый друг и брат по оружию Казимир Течен.

- *Parbleu!* - воскликнул Течен - изъяснялись они между собой на немецко-французском языке, как все мало-мальски уважающие себя господа. - Если бы можно было пожирать глазами, то от тебя ничего не осталось бы, кроме перьев на шляпе и шпор.

Баварец был на пару лет старше него, однако, как и он, начинал с прапорщика Штамницкого драгунского полка. Веселый парень ни к чему не относился всерьез и был по-своему немного необычным воякой, ибо просиживал вечерами, уткнувшись в какую-то толстую тетрадь в черном переплете, и писал, писал, нередко час, а то и

больше. Сам Кристиан умудрялся лишь изредка черкнуть пару строк сестре и теткам в Копенгаген, да и то почти одинаковых по содержанию. И никогда не писал своему брату, даже не передавал ему пожелания здоровья.

Солдатское прошлое - личное дело каждого, и они с Казимиром никогда об этом не рассуждали. Кристиан мало знал о том, что привело молодого баварца в дворянское войско императора, которое, по сути, было самым бедным в королевствах Европы и с которым их даже не связывало общее вероисповедание. Впрочем, и он не распространялся о своем прошлом, даже о битве при Лунде. Но Казимир, гораздо раньше прибывший в Вену, мог бы многое порассказать о положении здесь и в империи и даже о других странах Европы. И не затем, чтобы пополнить его общее образование, но подготовить к грядущим событиям. Ибо воин этот завербовался не столько из желания воевать, сколько уяснить себе, где, когда и против кого нужно бороться. Почему ему нужно сражаться, было уже не его делом. Это знал князь Лобкович: он не только организовал императорскую армию, но был первым советником императора, и Казимиру довелось однажды столкнуться с ним лицом к лицу.

- Даю голову на отсечение, что первый натиск будет против венгров, - рассуждал Казимир, когда они сидели в кабаке "У черного медведя" и пили пиво, ибо никто из них не был обучен уважать вино. Да и тамошнее пиво, по их мнению, не могло идти ни в какое сравнение с датским или баварским и вообще называться пивом. - Все эти приготовления сводятся лишь к тому, чтобы сломить шею этому бунтарю Тёкёли. Прикинь-ка, такой позор - объявить себя князем Венгрии!

- Я слышал, - ответил Кристиан, в основном для того, чтобы не показаться совсем уж "вчерашним". - Я слышал, что за всем этим стоит турок и что Тёкёли не кто иной, как пособник султана.

- Это, конечно, тоже, - согласился Казимир. - Тем больше оснований у императора наступать им на пятки.

- Но мне как-то трудно поверить, чтобы христианин шел против христианина с помощью турок, - возразил с сомнением Кристиан Буль.

Казимир удержался от смеха, чтобы не обидеть нового друга. Он лишь усмехнулся.

- Неужели ты действительно думаешь, что вера имеет хоть какое-то значение, когда речь идет о богатстве и власти? Только бедные люди могут считаться воистину правовеерными, потому что им нечего терять, кроме веры.

За нее они готовы идти в огонь - или с удовольствием перерезать противнику глотку. Но большие правители думают иначе - также и духовные отцы. Возьми, к примеру, Ришелье, папского кардинала, боровшегося заодно с протестантами против католического мира. Как с верой, так и с народами. Тёкёли именно тем и воодушевляет своих солдат и бунтующих крестьян: "Думайте о том, что вы мадьяры!" И его войска ему вторят: "*Хой, хой, хайра!*" Но подвернись ему удобный случай, не моргнув глазом Тёкёли продаст их турецкому султану, либо императору Германии - смотря кто больше заплатит.

Кристиан из всего сказанного сделал один единственный вывод, отчего его густые светлые брови почти сошлись над переносицей.

- Ты полагаешь, что и я как протестант принял взятку от католического императора...

Казимир Течен великодушно махнул рукой.

- Нет, я так не думаю, да это и неважно. Если хочешь знать, то и я в сущности протестант по вере, которую унаследовал от своих предков еще раньше тебя. Я никого не осуждаю, просто стараюсь смотреть на вещи трезво. И Ришелье был на самом деле мудрый мужик. Таких и нам бы не помешало, я имею в виду - императору. Возможно, Маленький Ришелье и есть тот, кто нужен. Многие так считают. Конечно, только не Лобкович и Хохер - их ему обойти трудно.

- Маленький Ришелье - кто это?

- Как, ты не знаешь? Но ты наверняка слышал о кардинале Толнае?

Кристиан Буль не слышал о кардинале Толнае, и не стыдился этого. Какое ему, солдату, дело до прелатов!

- Он что, тоже венгр? Судя по имени...

- Имя может быть обманчивым, особенно у дворян. До того, как получить звание кардинала, он был граф Толнай, многие до сих пор так его называют. Имя еще не значит, что он венгр, он с таким же успехом может быть немцем, хорватом или даже турком.

- Турком? - с недоверием воскликнул Кристиан.

- Это к слову, как бы вообще. Имя может быть унаследовано от старого родового поместья или от замка. И прежние владения кардинала тоже расположены в Банате, в той части Венгрии, что под владычеством Турции. Ими сейчас правит его сын.

- Сын кардинала? - Молодой датчанин совсем запутался.

- А чему удивляться! Ах да, понимаю. Ты как честный северный протестант сразу подумал о греховном образе

жизни католических святош. Монашеский обряд и так далее... Нет, граф Толнай человек в возрасте и вдовец, многодетный отец, посвятивший свою жизнь церкви. Но он сильно продвинулся, что указывает на то, что человек он далеко не глупый. Имя его, Маленький Ришелье, тоже не ветром надуло.

Однако намного больше, чем политики и прелаты, полководцы и бунтующие венгерские князья, Кристиана Буля интересовала совсем другая сторона жизни Вены. Как здесь можно развлечься, как с приключениями галантного свойства? Казимир Течен и в этом смысле успел понабраться полезных сведений, которыми можно было поделиться с другом. Но его вводный курс в эту область прозвучал весьма удручающе.

- Вена смертельно скучный город, - сказал он. - Самый скучный из всех городов Европы. И не только для таких чужаков, как мы с тобой, но и для самих венцев. Они сугубо моральный народ, который даже протестантам даст много очков вперед. Потому что, имей в виду, они не станут лицемерить, как протестанты, а по-настоящему честны. К примеру, этот император Леопольд, а тем более его высокочтимая супруга. Даже самые благопристойные венские дворяне присовокупляют к своим молитвам такие слова: сохрани нас от зла и от императорских приемов. Боже упаси, чтобы на балу у императора танцевали менуэт! Если там вообще танцуют. Леопольд обожает музыку, но только такую, от которой можно уснуть.

- Я тоже не умею танцевать менуэт, - смущенно признался Кристиан.

- Вот это жаль. Я знаю кое-какие местечки, где его с удовольствием танцуют. Но для того, чтобы в Вене повеселиться, нужно из Вены уехать. Я как раз и хотел тебя взять с собой. Госпожа баронесса Окс фон Виндегг...

- Как бы побыстрее выучиться танцевать? - со вздохом спросил Кристиан. - И кто такая баронесса Окс фон Виндегг?

- Учителей танцев в Вене навалом, и все они дорогие, потому что у них мало работы. Что же касается барона, то он правая рука Лобковича и помогает снабжать его войско. Эту высокую должность он унаследовал от отца, которого за заслуги во время тридцатилетней войны возвели в дворянское сословие. Не за отвагу в бою, заметь, а именно за смекаливость в коммерческих делах. Так что он, кроме всего прочего, сколотил себе неплохое состояние. Вот вам и новый дворянин, от которого, впрочем,

многие нос воротят. Зато богатый дворянин, еще более редкий случай.

- Значит, у баронессы есть еще и барон? - разочарованно протянул Кристиан. - Не пойми меня превратно, я не питал злого умысла против почтенной пожилой дамы.

- Баронесса отнюдь не пожилая, но почтенная - это точно. Она из старинного венгерского рода. А барона опасаться нечего - он большую часть времени проводит вне дома, выполняя свои почетные обязанности. Госпожа Амалия - вот истинная душа общества. Она все еще красива, сам видел. А еще я слышал, что она больше всего любит все красивое - в том числе и красивых молодых мужчин.

Самого Казимира Течена красивым можно было назвать с большой натяжкой, но он не лишен был известной притягательности, свойственной большинству здоровых сильных парней. Однако когда они были с Кристианом вместе, взгляды всех дам упирались только в последнего - там и застревали. Это, правда, нисколько не вызывало зависти баварца, по крайней мере, сейчас. И он продолжал знакомить друга с Амалией Окс фон Виндегг.

- Ты не верь всему, что о ней говорят! Все для завистника безобразны, ему ненавистны и те, кто едят, если у самого колики в животе, он даже за грех сочтет, когда другие едят. Госпожа Амалия выбирает своих гостей по собственному вкусу и усмотрению, и те, кто утверждают, что ноги их не будет у Виндеггов, никогда не были званы туда. Обедневший жалкий дворянишка не будет признавать барона только за то, что тот посвящен в дворянство всего лишь в прошлом поколении, и никогда ему не забудут, что отец его был в молодости мясником Оксом, пусть даже и мастером своего дела. Ты наверняка слышал презрительное выражение "записной дворянин". Так вот и прокисшие старые дамы-дворянки бесплодно надеются дожидаться для своих худосочных дочерей знатных сватов и не могут простить баронессе ее красивейших изысканных одежд, а более того, что под ними кроется.

- Мне как-то все равно, что на женщине, - заметил Кристиан. - У меня самого одежонка никуда не годится.

- Будь спокоен, и Амалии все равно, во что одет мужчина. Если она и красуется своими нарядами, то лишь для того, чтобы вызвать зависть. А больше для того, чтобы показать, что она сделала неплохую партию, выйдя за нового дворянина.

Так оно и случилось, что в один прекрасный зимний вечер Кристиан Буль и Казимир Течен скакали в замок

Виндегг. Находился он в двух часах езды от Вены - если лошадь приличная. А своей лошастью, единственным своим имуществом, молодой Буль мог гордиться. Другим, впрочем, ни умением танцевать менуэт, ни праздничной одеждой, обзавестись он так и не успел.

Даже если бы Кристиан не был столь наслышан от своего друга о хозяйке замка и до предела не взвинчен любопытством, с него хватило бы и одного взгляда в глаза госпоже Амалии, хотя там было немало и других дам и девиц, и надо сказать, прехорошеньких.

Было бы даже несколько сомнительно назвать госпожу Окс красавицей - тяжеловатые, почти мужественные черты лица, несколько вздернутый нос, рот, пожалуй, великоват. И наверняка около сорока, хотя этот порог она еще не переступила. Судить о ее красоте можно было, конечно, только по лицу, поскольку модные в ту эпоху одежды не позволяли строить какие бы то ни было домыслы о теле, надежно упрятанном невероятно многочисленными воланами ее зеленовато-синего, цвета морской волны, шелкового платья, взбитого кружевами до состояния пенистого водопада.

Было в ней нечто другое, что очаровывало и затмевало всех других - ее пленительный облик, ее дружеское обхождение, какая-то особая теплота, исходящая от нее. Не покидало ощущение, что она несколько отстранена от остальных, как бы парит над ними. Она была как солнце, которое светит всем одинаково, одинаково одаряя своим вниманием как мужчин, так и женщин, а если и находился кто-то обойденный, она быстро вовлекала его в общий круг.

Кристиан никогда не согласился бы причислить себя к робкому десятку в отношении женщин, и тем не менее чувствовал себя здесь немного стесненно. Ни его немецкого, ни французского явно недоставало, чтобы свободно вести беседу, не говоря уж о том, чтобы блистать остроумием. Да и к дамам никак не получалось подступить, хотя они вызывающе поглядывали на него, словно ждали: ну подойди, ну развлеки меня!

Только госпожа Амалия не ждала, чтобы ее развлекли. Высокий стройный драгун вскоре привлек ее внимание, и Казимиру Течену оставалось лишь завершить вторую половину пути до их встречи - познакомить ее со своим другом. А когда Кристиан признался в своем неумении танцевать, баронесса произнесла:

- Предоставьте это моим заботам! Я и не таких медведей обучила танцам. Справлюсь как-нибудь и с полярным медведем.

Кристиана Буля такое сравнение несколько не сконфузило, напротив, оно ему даже понравилось, и с этого момента прозвище так и осталось за ним.

Однако не все на этом празднике шло гладко. Сам барон Окс, как правило, редко посещавший приемы своей супруги, был на этот раз собственной персоной. Отчего-то Кристиан с самого начала почувствовал к нему острую антипатию, хотя никаких видимых причин для этого не было. Барон никоим образом не старался доминировать, не был даже пьян более, чем подобало. Он все время был как бы на втором плане, в основном вел беседу с двумя пожилыми господами. О чем уж они говорили, о коммерческих делах или о политике, Кристиан не интересовался. Ему вполне хватило напыщенной важности этого господина - его насупленных глаз и высоко вскинутых бровей, обличавших вздорного, всегда готового броситься в атаку типа, - и почувствовать, как в нем что-то вскипает всякий раз, когда хозяин замка встречался с ним взглядом.

Когда он уходил, баронесса, прощаясь с ним, сказала:

- Не забывайте, что я обещала научить вас танцевать и вообще навести на вас лоск настоящего кавалера. А уж если я что-нибудь говорю, то думаю об этом серьезно. Поэтому не старайтесь отлынивать, я ведь хорошо знакома с бароном Штамницем и велю в таком случае привести вас сюда силой.

- Ну ты, брат, счастливчик! - сказал Казимир Течен, когда они спускались по лестнице к выходу. И Кристиан не стал с ним спорить. Похоже, его одомашнивание в этой стране началось отлично, и если он на обратном пути испытывал легкую тревогу и пытался осмыслить, чем все это может обернуться для него в дальнейшем, то уж во всяком случае какими-либо трагическими предчувствиями тут и не пахло.

*Перевела с эстонского
Людмила СИМАГИНА*

Карл Ристикиви (1912, волость Саулепи - 1977, Стокгольм), тончайший прозаик-интеллектуал, родом из самых низов крестьянской Эстонии. Страстный читатель с детства, он и писать начал рано. Увлекаясь детективными и приключенческими романами, он заваливал молодежные газеты своими рассказами о небывалых странах и путешествиях. Освоил мировую классику - в диапазоне от Достоевского до Честертона с его средневековыми мотивами. Широту литературных интересов и вообще жизненных взглядов, пожалуй, определила судьба. Профессиональные навыки, мастерство приходили одновременно с учебой в таллинской вечерней гимназии, Торговой школе, в Тартуском университете (география и лекции по философии, 1936-1942). Во время немецкой оккупации служил добровольцем-писарем, в 1943 бежал в Финляндию, с 1944 жил в Швеции и до самой кончины (одиноким чиновником) много издавался. В его творческом наследии три трилогии. Это исторические романы, большинство из них - "рыцарские", остросюжетные. "Двойная игра" (1972) - совершенно невероятная криминально-детективная история, развернутая не только в разных географических точках, но и параллельно в двух временных пластах. В 1922 году одному частному сыщику-любителю в Копенгагене, в Дании, некий таинственный граф поручает распутать загадочное "дело" об убийстве в Австрии, в Вене, происшедшем... 240 лет назад. Тогда, в 1683 году, опасные придворные интриги чуть было не спровоцировали нападение турок...

Печатаем несколько глав из первой и второй части романа, который подготавливается к изданию на русском языке.

Переводчица Людмила Симагина не впервые знакомит русского читателя с произведением Карла Ристикиви. В 2002 году в издательстве "Варрак" (Таллинн) вышел роман "Жилище праведника". Сейчас у нее в работе "Hingedede öö" - "Ночь духов".

"Навья ночь" - так назвала свой перевод этого ирреально-фантастического романа москвичка Нина Бавина (см. "Вышгород" 5-6, 96). Для "пушкинского" номера ("Вышгород" 1-2, 95) Н.Б. перевела новеллу Ристикиви из сборника "Ворота Сигтуны" (1968) "Кузнец своего счастья" - о средневековом поэте, авторе скандальных эпиграмм... Нет, прошлое у Ристикиви никогда не было фоном, оно всегда выступает на первых ролях... Оно самым неожиданным образом вторгается в день настоящий. - Прим. ред.

Исландия, по всем показателям занимающая первое в мире место - от вылова рыбы до Мисс-Универсум и лауреатов Нобелевской премии (Халдор Лакснесс, 1955), разумеется, на одного жителя, - с полным правом гордится своей насчитывающей вековую историю литературой. А сами исландцы - страстные книголюбы и читатели. Два года назад автор этих строк смог убедиться в том, посетив в Рейкьявике Дом писателей *Gunnarshus*. Один из корифеев исландской литературы XX века Гуннар Гуннарсон (1899 - 1975) завещал свой собственный дом Союзу писателей. В этом здании, признанном жемчужиной исландской архитектуры, любознательного эстонского профессора принимали Адалстейнн Асберг Сигурдссон, четвертый год возглавлявший Союз писателей, Андри Снаер Магнасон, автор переведенной и на эстонский язык детской книги “История голубой планеты” и менеджер Союза писателей Рагнхейдур Трюгвадоттир.

Эстонец, вынужденный признать падение интереса к литературе у себя на родине, узнал, что в лице исландцев мы имеем дело с народом, для которого чтение такой же естественный процесс, как еда, а литература - одна из престижных духовных сфер. Большинство из 340 членов Союза писателей Исландии (на каждых 700 исландцев приходится по одному писателю!) постоянно в центре внимания народа. Адалстейнн Сигурдссон приводит в подтверждение такой пример: когда на концерт эстрадной звезды пришел один из популярнейших на тот момент писателей, собравшийся народ обступил не поп-звезду, а любимого автора.

Рейн Вейдемманн - писатель, публицист, журналист, профессор Тартуского и Таллиннского университетов, наш постоянный автор, член редакционного совета журнала.

Чтение книг для исландцев - стиль жизни. Об этом говорят и относительно высокие тиражи. В среднем прозаические произведения издаются в пределах до двух тысяч, а стихи - от сотни до пятисот. Однако нередки случаи, когда тираж поднимается до пяти тысяч, а рекордный составил 18 000 экземпляров. Если поделить это число на количество жителей (около 280 000), то выходит, что наиболее популярные литераторы могут рассчитывать, что их книгу купит каждая третья исландская семья. Средняя исландская семья состоит из пяти человек.

Представьте себе, что в один прекрасный день написанную Хандо Руннелем или Яном Кроссом книгу купит каждая третья в Эстонии семья. Значит, отпечатают сто тысяч экземпляров! Пока же даже создатели модных и раздутых прессой книг вынуждены мириться, в лучшем случае, с пятитысячным тиражом.

Но и этим не ограничивается мое восхищение исландцами и зависть к ним. Адалстейнн и Андри подробно рассказали о механизмах поддержки писателей в Исландии. Оказывается, 60-ти из них государство платит, по сути, зарплату. Адалстейнн, к примеру, получает ежемесячное государственное пособие уже с 1982 года. Зарплата Адалстейнна и его коллег такая же, что и у профессоров Рейкьявического университета, составляя на эстонские кроны 30-40 тысяч.

Пособия выделяются на период от трех месяцев до трех лет. Для их получения необходимо представить план книги и рекомендацию издательства. Решение принимает комитет из трех человек, состав которого постоянно обновляется. Решение комитета утверждает, в свою очередь, министр культуры. Критерии положительного решения - позитивные отзывы издательства и критиков. А еще лучше, если книга переведена на какой-нибудь иностранный язык. У Андри Магнасона теперь хорошие перспективы на продление стипендии, поскольку его "История Голубой планеты" переведена на эстонский.

Однако коллеги слегка охлаждают мой восторг по поводу материальной обеспеченности исландских писателей, поясняя, что такие стипендии заслужить непросто, а тем, кто их получает, не положен гонорар. Несмотря на то, что наш фонд Культуркапитал предпринимает все, что в его силах, для мало-мальской поддержки эстонских авторов, наши писатели, тем не менее, находятся в несопоставимых с их исландскими коллегами условиях. Такой профессии, как писатель, у нас, собственно, нет, и гонорары за многие книги ограничиваются суммами, которые выделяет издательствам учреждение целевого капитала.

Интересуюсь также, в какой мере влияет на современную исландскую литературу западное развлекательное читиво. И не грозит ли возросшему на сагах исландскому литературному языку спад и вульгаризация?

“Это, безусловно, международная тенденция, - замечает Адалстейнн, - но в исландской литературе она не доминирует”. Исландские писатели, как большинство исландцев, гордятся родным архаическим языком и подходят к нему творчески. Соотношение оригинальной и переводной литературы примерно один к одному. Если несколько лет назад книги других народов переводили на исландский язык через датский, немецкий и норвежский, то теперь - только с языка оригинала. Из эстонских авторов быть представленными на исландском языке имеют честь Яан Каплинский и Вийви Луйк.

Складывается впечатление, будто исландский читатель верен прежде всего своим писателям и получает от них все, на что рассчитывает. И это неудивительно, ведь могучая традиция саг, исходящая от “Эдды”, питает и читателей и писателей. “Властелин колец” и Гарри Поттер дошли и до Исландии, но этим книгам трудно соревноваться с полетом фантазии великих повествователей саг и мистическими событиями волшебного мира.

Возвращаясь не спеша из дома Гуннарссона в отель, я присел на скамью в ботаническом саду Рейкьявика. Передохнуть решил на этой же скамье похожий на усталого викинга пожилой господин. Мы обменялись вежливыми любезностями. Мой сосед знал, что Исландия была первым государством, признавшим в 1991 нашу независимость. Я поблагодарил его, а через него всех исландцев за их приобщение таким образом к истории Эстонии. И тогда пожилой викинг сообщил, что он писатель. Я не стал спрашивать, как его зовут, поскольку и без того убедился, что любой представитель народа, создавшего саги, и сам является сочинителем одной из саг.

*Перевела с эстонского
Татьяна ТЕППЕ*

Татьяна Теппе - филолог, занялась переводами еще на 2-м курсе Тартуского университета. Несмотря на родной русский, домашний язык - эстонский (из ответов на анкету). Благодаря ей впервые по-русски издан сборник Яана Каплинского “Титаник” и льды”, куда вошли одноименная повесть, детективно-философский микророман “Гектор” и повесть-эссе “Лёд и вереск”.

Уходил - обещал, что вернется: женится.
Как ждала! Так, наверно, дитя - роженица.

Похоронку два года родители прятали.
Не поверила:
“Правда ли... Правда ли?..
Правда ли!?!”

Бабы стали жалеть:
“Ох, подрублены крылья-то!”
В монастырь бы ушла,
только нынче не принято.

- Саша, Саша! -
в душистую полночь сентябрьскую
и в мороз задубелый -
беду свою тяжкую.

После все-таки замуж пошла за приезжего -
на работе заметного, дома прилежного.

Вот и дети, и дом:
все по совести срублено.
И притом
что-то все-таки сгублено,
сгублено!

Римма Федоровна Казакова - поэт, Первый секретарь Союза писателей Москвы. В "Вышгороде" 6,99 печаталась подборка ее стихов "Я уеду - в полымя из огня". Таллинн ей не чужой, приезжала, выступала с эстрады, получала добрые отзвуки зала, давала интервью. Одно из них вошло в двухтомник Павла Макарова Credo (VE, Таллинн, 2004): "Мать зовет меня под утро "мама". Это строчка из ее стихотворения, посвященного материнской жизни, которая "уходит в небеса". Такая же пронзительная строчка, как все то, что Римма Казакова пишет про женскую долю.

И, губу закусив за шитьем иль за дойкою,
станет вдруг недоступной, чужою, недоброю.

Ну а муж не поймет:
что за блажь неуместная?
Усмехнется:
- Чего это ходишь невестою?..

Ах, невеста, невеста...
Мне тоже невесело.
Есть во всех наших женщинах
что-то невестино.

Даже если плакучими станем ракетами,
не оплакать холмов,
что по свету раскиданы.
Не оплакать парнишек,
никем не утешенных.
Не оплакать
нам их обещаний не сдержанных.

И земля
в подвенечных снежинках -
невестою, -
не мигая глядит
в черноту занебесную.

В СОРОК ВТОРОМ

В сорок втором ходил к нам интендант,
наук каких-то хитрых кандидат.
За мамой он ухаживал упрямо.
Но интенданта избегала мама.
Не потому что папа воевал,
хотя уж это что-нибудь да значит!
Все обстояло здесь совсем иначе:
отец тогда не больно б горевал.
Была на фронте у него жена,
а если говорить грубей и проще -
там, на войне, с ним женщина жила,
а нам он деньги посылал по почте.
Мать знала. Донесла-таки молва!
Но мать обиду молча проглотила
и на почтамт, как прежде, приходила.
А как тут быть?
Что мать моя могла?
Работала. Все научилась делать.

Сажала огород. Капусту квасила...
Не плакала. И даже губы красила.
Лишь в зеркало чуть пристальней глядела.

А интендант был добр, как Дед Мороз.
Он приходил, пакетами увешанный...
Но мать ему решительно и вежливо
внушала:

- Николай Иванович, брось!..

Он чай поспешно ложечкой студил,
он уходил, растерянный, неловкий.
А ведь тогда, в тот долгий год нелегкий,
не знаю, кто бы маму осудил...
Двоих детей не просто поднимать.
И так не просто понимать при этом,
что в чем-то главном,

в самом главном -

предан!

...Мне не забыть сорок второго, мать.

**СЕРГЕЙ
ИСАКОВ**
**СКВОЗЬ
"ГИБЕЛЬ ЖИЗНЕЙ И НАДЕЖД"**

ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХИВА К.К. ГЕРШЕЛЬМАНА

В Эстонии 1918-1940 годов проживало, по меньшей мере, три десятка заслуживающих внимания русских поэтов и прозаиков. Судьба их печальна.

Русским писателям нелегко жилось тогда в Эстонской Республике, хотя в ней господствовали в общем-то демократические порядки, не исчезнувшие полностью даже после установления в 1934 году авторитарного режима Константина Пятса. Положение в Эстонии в 1930-е годы не шло ни в какое сравнение с тем, что в это время происходило в СССР. Но русские принадлежали к самой бедной части населения республики, их было не так уж много, и поддержать материально родную литературу они не могли. Поэтому никто из русских литераторов - кроме Игоря Северянина - не мог стать профессиональным писателем. Все они испытывали трудности с публикацией своих произведений. Некоторые творчески вполне определившиеся авторы, как Борис Назаревский и Карл Гершель-

Сергей Геннадиевич Исаков - профессор Тартуского университета, исследователь русской культуры в Эстонии, автор многочисленных статей и книг. Редактор и составитель двух Антологий: "Эстония в произведениях русских писателей XVIII - начала XX века", "Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг." (КПД, Таллинн, 2001, 2002). Только что в издательстве "Александра" (Таллинн) выпущены его "Очерки истории русской культуры в Эстонии", куда вошло и несколько первопубликаций журнала "Вышгород". Надеюсь, и "Потерянные строки" (авторское название новых изысканий) вскоре появятся в его монографии об архиве Гершельманов. Это имя давно интересует ученого: "Портреты" в книге "Русские в Эстонии 1918-1940" (Тарту, Компю, 1996); биографическая статья и подборка произведений К. Гершельмана в выше названной Антологии.

В журнале "Вышгород" 1-2,2005 после художественной выставки супругов Элизабет и Карла фон Гершельманов, устроенной в 2004 году в Таллинне (из коллекции, сохранившейся в Германии у их дочери и сына), были напечатаны заметки искусствоведа Май Левин "Идеал и реальность. Карл фон Гершельман - поэт-художник". - Прим. ред.

ман, так и не смогли выпустить в свет ни одной книги. Особенно тяжкое положение сложилось во второй половине 1930-х. Перестали выходить сборники “Новь”, прекратилось издание русских литературных журналов, малоформатные газеты очень неохотно печатали художественные произведения. В результате большая часть творчества русских писателей осталась в забвении или погибла.

Однако главные беды пришли чуть позже - с конца 1930-х. Они привели фактически к исчезновению такого любопытного феномена, как “Русская литература Эстонии”. Решающую роль в этом сыграла, конечно, советская аннексия стран Балтии летом 1940 года, но сам этот процесс, собственно, начался раньше.

Среди писателей, живших и работавших в Эстонии, и в здешней русской интеллигентной элите вообще, преобладали эмигранты. К 1939 году большинству из них уже было ясно, что новая война должна вскоре начаться и что не за горами захват (в результате войны или иным путем) Советским Союзом стран Балтии. Но некуда было уезжать, оставалось пассивно ожидать неизбежного.

В 1939 году власти Рейха обратились с призывом к зарубежным немцам вернуться на родину, утверждая, что в противном случае они не могут гарантировать жизнь и безопасность своих соотечественников за границей. Даже те, кто не были сторонниками Гитлера и национал-социализма, в этих условиях предпочли уехать в Германию (точнее, в захваченную немцами северо-западную Польшу, куда переселяли выходцев из стран Балтии). Среди них были Павел Иртель, его супруга Мета Роос, Карл Гершельман, Нина Рудникова, Александр Чернявский. Так начался массовый “исход” русских литераторов из Эстонии, пока еще добровольный или полудобровольный.

Некоторые из уезжающих крайне неохотно покидали ставшую им уже родной Эстонию. К. Гершельман, например, долго колебался. “Главной же причиной, удержавшей нас здесь, было нежелание обращаться в немцев - против Германии я ничего не имею, но все же она мне совершенно чужда. А для детей особенно наш переезд явился бы решающим - тогда они уже выросли бы настоящими немцами”, - писал К. Гершельман в ноябре 1939-го русской поэтессе В. Булич [1].

Но судьбоносные события начались, конечно, летом 1940 года. Сразу же после советской аннексии Эстонской Республики последовало закрытие органами новой власти всех русских обществ и организаций, газет и других изданий. Очень скоро начались репрессии в отношении рус-

ских общественных и культурных деятелей, местных писателей, прежде всего из числа эмигрантов. Были арестованы и погибли в сталинских лагерях крупнейшие русские прозаики Василий Никифоров-Волгин, Владимир Гущик, поэт Борис Семенов; поэтесса Мария Карамзина была выслана в Нарымский край, где в 1942 скончалась от голода и лишений. Остальные замолчали, стараясь ничем не выдавать себя.

Уничтожение русской литературы Эстонии завершила война. В годы оккупации поэт Борис Тагго-Новосадов редактировал выходившую в Печорах русскоязычную газету «Новое время». В 1944 он был арестован органами НКВД и в следующем году умер в тюремной больнице. В том же 44-м арестован эвакуировавшийся в советский тыл поэт Юрий Шумаков; его вычеркнули из литературы на долгие десятилетия.

Удары по русскому писательскому сообществу в эти годы наносились с двух сторон: со стороны органов советской власти, НКВД, и со стороны немецких оккупантов, точнее, чаще со стороны их пособников. В некоторых случаях их жертвами становились члены одной и той же семьи: так, прозаик Владимир Ефимович Гущик умер в сталинском лагере, а его сын Олег Гущик, молодой поэт и художник, успевший выпустить незадолго до войны свой первый и единственный сборник стихов «Следы», был казнен немецкими оккупационными властями.* В Париже был расстрелян один из основателей французского Сопротивления Борис Вильде, начинавший свой творческий путь в Эстонии и поддерживавший с нею постоянные связи.

Результатом сталинских и фашистских репрессий и был, так сказать, второй «исход» русских из Эстонии, на этот раз принудительный, чаще всего исход с трагическим концом.

Неудивительно, что в 1944 году, когда началась массовая эмиграция из оккупированной немцами Эстонии на Запад, в большом потоке беженцев, в основном состоявшем из эстонцев, оказалось немало русских литераторов: ничего хорошего от нового прихода «красных» они ожидать не могли. Из Эстонии перебираются на Запад Юрий Иваск и Борис Нарциссов, ставшие после войны видней-

**У нас в журнале печатались произведения почти всех названных писателей и очерки о них, в том числе об отце и сыне Гущиках. «Вышгород» 5-6, 95: Исчезнувшие имена. Сергей Исаков. Портрет с двойной тенью. / Владимир Гущик. Рассказы. Стихи. «Вышгород» 4, 98: Л.Г. О любви. / Олег Гущик. Стихи на лету. Из неизданного сборника, подаренного Лиде Йотейко, также погибшей. - Прим. ред.*

шими поэтами русской эмиграции, Иван Базилевский с супругой - интересной поэтессой Елизаветой Роос-Базилевской, Михаил Сидоров. 1944 год вообще был третьим и, в принципе, последним "исходом" русских из Эстонии.

Но в эту пору русская литература Эстонии понесла и, если так можно выразиться, естественные потери. В декабре 1941 умирает Игорь Северянин, в 1942 - поэт и прозаик Борис Свободин. В страшной круговерти военных лет теряются следы еще ряда русских писателей, в частности нарвской поэтессы Тамары Бух* и любопытного прозаика Бориса Назаревского.**

К концу войны от довоенного "состава" писателей остались считанные единицы (Ирина Борман, Леопольд Акс), но и они совершенно отошли от литературы или, вернее, были вытеснены из нее, по крайней мере, даже не пытались печататься и как-то участвовать в литературной жизни. Потери среди русской интеллигенции Эстонии, среди той прослойки, которая прежде всего питает литературу, были столь велики, что в первые послевоенные годы на литературную арену не вступает и молодое поколение писателей..

В годы войны русским авторам из Эстонии в общем-то было не до "писательства". Но истинные таланты не могут молчать ни в каких условиях. Владимир Гущик сочинял стихи в лагере, в Унжлаге. Борис Вильде в фашистском застенке написал свой знаменитый "Диалог в тюрьме" (известен и под другими названиями). Однако и уцелевшим печататься было негде, их произведения оставались неопубликованными. В непредсказуемой, часто и неожиданно менявшейся обстановке военных лет рукописи, естественно, терялись, пропадали, иногда и сознательно уничтожались авторами, если они приходили в противоречие с господствующей идеологией - национал-социалистической или коммунистической. Творчество местных русских писателей военных (да и предвоенных) лет в целом очень плохо сохранилось.

Надеюсь, что теперь читателям ясно, почему в печатных изданиях так слабо представлены произведения русских поэтов и прозаиков из Эстонии конца 1930-х - первой половины 1940-х гг. К тому же надо еще обязательно

*Собиратель русской эмигрантской поэзии (1917-2000), наш автор Михаил Юпп (Филадельфия) нашел один сборничек стихов Т.Н. Бух, изданный в 1937 в Нарве и случайно завезенный в Америку, и внес в свою "Роспись" (см. "Вышгород" 1-2,2004. Ю.З. Наверно воскресну).

**"Вышгород" 3,2001: Борис Назаревский. Рассказы. /Леонид Гордеев. "...на втором этаже - против Варваринской церкви". Дневники 30-х. - Ред.

учесть, что старые архивы большинства писателей погибли (при арестах НКВД) или были уничтожены в годы Второй мировой войны. Те, кто уехали в Германию в 1939-1940, еще имели возможность частично или полностью взять с собой свои сокровища, но они, как правило, вынуждены были расстаться с ними в начале 1945, когда пришлось вновь поспешно бежать от наступающей Красной Армии из Познани и Познаньской округи в Польшу на Запад. Эмигранты из Эстонии 1944 года уже чаще всего бросали архивы; правда, они позже по памяти воссоздавали кое-что из написанного в 1930-1940-е гг. Судьба некоторых писательских архивов попросту неизвестна. По-видимому, сохранила свой архив Ирина Борман, но после ее смерти в 1985 году, по слухам, он был увезен в Россию и где находится в настоящее время, мы не знаем.

После войны писатели из Эстонии за границей и в СССР (Ю. Шумаков) стали восстанавливать свои архивы, вернее, собирать новые. В них преобладают материалы послевоенных лет, но все же иногда сюда разными путями попадали и отдельные рукописи, относящиеся к периоду Второй мировой войны. Даже единичные материалы такого рода представляют большую ценность, поскольку они хоть в какой-то мере позволяют реконструировать творчество русских писателей Эстонии 1939-1945 гг., в целом нам почти неизвестное.

Один из интереснейших зарубежных архивов - Карла Гершельмана - до последнего времени находился в Западной Германии у дочери писателя Анны Рёдер. Недавно он передан в Эстонию и будет храниться в Отделе рукописей и редких книг Библиотеки Тартуского университета.

Карлу Карловичу Гершельману, поэту, прозаику, литературному критику и одновременно талантливому художнику [2], удалось в 1940 году увезти из Эстонии свой архив и картины. Он был поселен немецкими властями, в числе прочих переселенцев из стран Балтии, в Познани (немецкий Позен), где стал работать чертежником в городской мэрии. Страдавший тяжелой формой астмы, Гершельман не был мобилизован в немецкую армию. Он продолжал писать, правда, от стихов обратился к новому жанру - философской эссеистике (его всегда интересовала философия, сложные экзистенциальные проблемы бытия). В конце 1944, прекрасно понимая, что скоро придется покинуть Познань, Гершельман стал переправлять картины и часть своего архива в Западную Германию, где проживал его хороший знакомый по Эстонии В. Рославлев. Действительно, Гершельманам в январе 1945 пришлось

бежать из Познани. Перед бегством Карл Гершельман уничтожил - сжег - все то, что не успел отослать на Запад и не мог взять с собой. С декабря 1945 семья поселилась в баварском городке Эйхштадте, где Карл Карлович и прожил до смерти в 1951 году. В собранном, в основном, уже здесь обширном архиве преобладают черновые и белые рукописи, реже машинописные тексты послевоенных произведений Гершельмана, прежде всего философских эссе. Но все же сохранились и кое-какие рукописи более ранних работ.

Автор этих строк готовит к печати том "Избранных сочинений" К. К. Гершельмана (кстати, это будет первая книга - до сих пор его произведения печатались лишь в журналах и во всевозможных сборниках, хотя, например, его стихи были широко представлены в антологиях русской зарубежной поэзии). В книгу войдут и некоторые до сих пор неопубликованные вещи.

В архиве К. Гершельмана сохранились отдельные рукописи других русских авторов из Эстонии. Они почти все были хорошими знакомыми по Ревельскому цеху поэтов 1933-1935 гг. Многие после войны оказались на Западе, и Гершельман с иными из них поддерживал связь. В частности, он общался и переписывался с Юрием Павловичем Иваском. По-видимому, Иваск, покинувший Эстонию позже, в 1944, информировал Гершельмана о судьбе русских авторов и в отдельных случаях пересылал ему их тексты.

Ниже мы публикуем стихотворения русских поэтов, сохранившиеся в архиве К. Гершельмана.

О творческом наследии Елизаветы Альфредовны Роос-Базилевской [3] обычно судят по единственному сборнику стихов - "Домик у леса" (Таллин: Изд-во "Нови", 1936). Неизвестно ни одной ее более поздней публикации. У Гершельмана сохранилось два недатированных стихотворения Е. Базилевской, по всей вероятности, относящихся к концу 1930-х гг. и отражающих ее тогдашнее настроение. Ироническое стихотворение "Египетский кот" написано Базилевской в соавторстве с мужем.

Иван Викторович Базилевский (1898-1989) - фигура почти неизвестная большинству историков эмигрантской литературы: печатался он при жизни очень мало и всегда под псевдонимом *И. Варвацци*. Здесь представлено три его стихотворения, из которых одно, правда, уже было опубликовано. Это "Кочевник" (Новь. Сб. 4. 1932. С. 5). Поскольку сборники "Новь" тоже стали библиографической редкостью, мы решили повторить это стихотворение.

И.В. Базилевский - сын одного из богатейших людей

России, Виктора Ивановича Базилевского, владельца золотых приисков и большого имения Великино под Ямбургом (ныне Кингисепп). Он был известен как меценат, покровительствовал деятелям театра (в частности, оказывал помощь М. Савиной). Виктор Иванович славился многочисленностью своего семейства: от каждого из двух браков у него было более десяти детей. После революции 1917 года В. Базилевский лишился всего своего имущества, эмигрировал в Эстонию, поселился в Нарва-Йыэсуу, где писал свои мемуары, утраченные в годы Второй мировой войны, здесь же он и умер. Из Нарва-Йыэсуу В. Базилевский вел обширную переписку с представителями русской культуры за рубежом, а также и с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Ходили слухи, что В. Базилевский - один из последних хранителей тайны старца Федора Кузьмича, который был якобы императором Александром I [4].

Иван Базилевский родился в имении отца под Ямбургом, закончил в 1916 году Первый петербургский кадетский корпус, отправился офицером на Карпатский фронт [5]. В годы Гражданской войны воевал в Северо-Западной армии генерала Н. Юденича и вместе с нею оказался в Эстонии. В 1928-1929 студентом Тартуского университета изучал лесоводство, вслед за тем работал по лесному делу. В 1930 И. Базилевский женился на Елизавете Роос и вместе с женой поселился в лесничестве Пагари на севере Эстонии. По воспоминаниям современников, И. Базилевский был высококультурным человеком, прекрасным знатоком поэзии, увлекался стихами А. Блока и Н. Гумилева (влияние последнего чувствуется в стихотворении "Кочевник"). Друзья прозвали Ивана Викторовича Гумилевым, а его супругу - Анной Ахматовой (она была автором магистерской диссертации о поэтессе). Псевдоним *И. Варваци* Базилевский позаимствовал от одного из своих предков, грека, который сражался с турками за свободу своей родины и будто бы считался основателем города Таганрога.

В конце 1943 - начале 1944 немецкие оккупационные власти в Эстонии провели всеобщую мобилизацию. И. Базилевский тоже был призван в армию и оказался в рядах Эстонского легиона. Вместе с другими легионерами осенью 1944 он эвакуировался морем в Германию, но их корабль был потоплен советской авиацией. Ивану Викторовичу, одному из немногих, чудом удалось спастись. По окончании войны к Базилевскому в Германию приехала и его супруга. После самоубийства жены в 1951 году он переехал в Швецию...

Безусловный интерес представляют сохранившиеся в архиве К. Гершельмана стихотворения уже упоминавшегося выше Бориса Христиановича Тагго, обычно выступавшего под псевдонимом Б. Новосадов [6]. Они написаны в годы войны, в 1943-1944, и отражают взгляд многих русских эмигрантов из Эстонии на происходящие события [7]. Редактировавший в период немецкой оккупации русскую газету в Печорах, Б. Тагго-Новосадов должен бы занимать сугубо пронемецкую позицию, которой придерживалось немалое число русских эмигрантов в других странах Европы. Но это далеко не так. Тагго-Новосадов сурово осуждает и Дуче - Муссолини, и в особенности Адольфа Гитлера, этого "горлающего всеу отпетого бродягу-малыра", который затеял гнусную бойню и во имя "злой, кровавой славы" посылает на гибель миллионы людей. Правда, Б. Тагго-Новосадов не испытывает симпатий и к Красной Армии, к сталинской "орде". Такова сложная позиция многих русских эмигрантов Эстонии тех лет, для которых был одинаково неприемлем как гитлеровский, так и сталинский режим.

Наконец, в архиве К. Гершельмана есть одно стихотворение Ирины Борман, поэтессы, также мало печатавшейся в предвоенные годы [8].

П р и м е ч а н и я

1. Isakov S. G. *Переписка К. К. Гершельмана и В. С. Булич // Studia Slavica Finlandensia*. Т. XI. Helsinki, 1994. С. 205.

2. О нем см.: Исаков С. Г. *Русские в Эстонии, 1918-1940. Историко-культурные очерки*. Тарту, 1996. С. 313-315; *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг. Антология / Сост., вступит. статья, биограф. справки и коммент. С. Г. Исакова*. Таллинн, 2002. С. 22-23, 166-167.

3. О ней см.: Круус, Рейн. *Елизавета Роос-Базилевская // Радуга*. 1989. № 11. С. 36-37; *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг.* С. 23, 191.

4. См. об этом: *Круглова В. М. Тепло прошедших дней*. Б. м., 1998. С. 16.

5. *Биографические сведения о И. В. Базилевском даны в кн.: Pachmuss, Temira. Russian Literature in the Baltic between the World Wars*. Columbus, Ohio, 1988. P. 202-203.

6. См. о нем: Исаков С. Г. *Русские в Эстонии*. С. 356-359; *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг.* С. 20-21, 224-225.

7. См. об этом: Исаков С. Г. *Русские в Эстонии 1920-1930-х гг. и их дальнейшая судьба // Прекрасное ведет нас через все мосты. Сборник статей, посвященный русско-эстонским культурным связям*. Извара, 2004. С. 136.

8. См. о ней: *Левин Александр, Шумаков Юрий. Ирина Борман // Радуга*. 1989. № 5. С. 72-75; *Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918-1940 гг.* С. 23, 186-187.

Е.А. РООС-БАЗИЛЕВСКАЯ

По ночам вспоминаю тот вечер разлуки,
На воде силуэт корабля
И зловещий трубы рев томительно-гулкий,
В темноте небеса и земля.

Провожая тебя, моя бедная детка,
Я стояла одна у моста
И дрожащей рукой из косыночки ветхой
Тебе слала я знаки креста.

Ты прижала к окну твои бледные щеки
И смотрела с испугом в глазах.
Шум вечернего моря, глухой и далекий,
Приближался на черных волнах.

Унесло тебя в даль беспощадное горе.
Одиноко плелась я назад.
Только ветер, соленый и горький как море,
По дороге сушил мне глаза.

Я часто стою у холодной колонны
В церковной душистой прохладе.
Сиянье свечей освещает иконы,
В стеклянной колеблется глади.
Напрасно стараюсь сквозь слезы молиться,
Живого узнать Тебя, Боже.
Святых же спокойно-красивые лица
На камень бездушный похожи.

Открой мне, Всевышний, бессмертные тайны,
Нетленное, вечное счастье.
Ведь жизнь на земле создана не случайно,
Спасенье души в Твоей власти.

Свечей восковых золотое сиянье
Пусть ветра порывы задуют.
Пусть сердце пройдет через тьму и страданья,
Когда Тебя, Боже, найду я?..

Е.А. БАЗИЛЕВСКАЯ И.В. БАЗИЛЕВСКИЙ

Египетский кот

Меня кошмары мучат до утра,
В глазах мелькают призрачные лица.
Я был котом во храме Аммон Ра,
А ты была священной танцовщицей.

Рабыня мне приносит мой обед.
Я чую, молоко разбавлено водицей.
То черный маг, то Хайч Елизабет*
Котячьим молоком решила поживиться.

А вечером угрюмый Хозарсиф**
Приходит в храм с толпой феллахов.
Как мрачен он, и как он некрасив,
И как рабов колотит он с размаха.
Но в час ночной, когда погаснет свет,
Ты промелькнешь, разубрана цветами,
А я смотрю тебе безмолвно в след
Своими жгучими кошачьими глазами.

И ты придешь прикрыть меня плащом,
Упавшим с плеч твоих небрежно.
Я промурлычу задрожавшим ртом,
Лизнувши руки твои нежно,

Раз были мы Озирис и Изида.
Вдруг я услышу странный тихий звон.
Недаром я теперь в тебя влюблен,
Мне жизнь кошачья кажется обидой.

* Хайч Елизабет - хозяйка в Хатхи-иога в Швейцарии
(Примечание авторов).

** Хозарсиф (Моисей по-еврейски) - сын сестры фараона
(Примечание авторов).

И.В. БАЗИЛЕВСКИЙ

Кочевник

Я гоню свой табун сквозь высокий ковыль.
Я гарцую, арканом махая.
И вздымая за мной черноземную пыль,
Ветер треплет края малахая.

По бескрайней степи раздается мой клич,
Конь гарцует легко и красиво,
И в лицо, превращенное солнцем в кирпич,
Хлестко бьет золотистая грива.

Кто же станет платить за невесту калым
Да молиться пузатому богу,
Если в беге сравниться с конем молодым
Даже ветры степные не могут.

В леса далекие заброшенный,
Скитаюсь я как вечный жид,
И календарь угрюмым коршуном
Мои минуты сторожит.

И каждый день, зарей разбуженный,
Ищу забытые тропинки,
Брожу меж голубыми лужами,
С ветвей срывая паутинки.

А поздно вечером, измученный
Ходьбою по местам залятым,
Слежу за голубыми тучами
И умирающим закатом.

Вся чаша дня до капли допита.
Закат, багрово опьяненный,
Угас с беззвучно тихим ропотом
В последних птичьих перезвонах.

А в час покоя и прохлады,
В туманном свете новолунья,
Среди сосновой колоннады
Мелькает быстро шубка кунья.

Чуть видными лесными тропками,
Среди цветов, рососою пьяных,
Выходишь ты шагами робкими
На озаренную поляну.

Но с каждым шагом все прозрачнее
Черты нездешнего лица.
Я знаю, силы все растрчены
И не дойдешь ты до конца.

Как облако твой призрак тает
И, злую муку затая,
Слежу как тихо исчезает
Фигурка хрупкая твоя.

Один. Кругом леса дремучие,
Тропы знакомой не найти.
А небо с траурными тучами
Велит идти, идти, идти.

Подражанье Эдгару По

За окном мрачно буря ревела.
Ветра шум был печален и глух.
Ветра шум был могилен и глух.
И в молчаньи душа онемела,
И камин догорел и потух.
Ветра шум был могилен и глух.

А в окно беспокойно стучали
Темно-серые пальцы ветвей
И поблекшие листья взлетали,
То кружились, то вдруг пропадали
Хороводами бледных теней,
И всю ночь беспокойно стучали
Темно-серые пальцы ветвей.

Б.Х. ТАГГО-НОВОСАДОВ

К Дуче

Где слава римская, о Дуче?
Где счастье страны певучей,
Где скоротечная мечта -
Империя!.. Увы, тщета!
Увы, над городами тучи
Нещадной конницы летучей
И нету от нее щита.
Дворцы горят. А нищета
Лачуг Италии могучей
Клянёт судьбу свою, о Дуче!

Сталинград

О армия 6-я! - Триста тысяч,
Которые на смерть обречены
За тем, что тот, кого бы надо высечь,
Сменил на право мира и войны

Свое призвание - горлающего всуе
Отпетого бродяги-маляра,
А здравомыслие тевтонское, пасуя,
Ему ключи вручило от двора.

Царицын и Тулон*. Конец недоброй славы
Тевтонского охрипшего вождя.
И “хлопнет дверью” он, народов не щадя,
И озарит века развязкою кровавой

* Царицын и Тулон. Царицын - старое название Сталинграда; здесь намек на разгром немцев под Сталинградом. Тулон - основная военно-морская база Франции. Когда немецкие войска в 1942 г. оккупировали южную Францию, французские моряки, чтобы не отдавать флот немцам, потопили его на тулонском рейде, тем самым сорвав немецкие планы использования флота в своих целях.

Идушие на смерть мечтами небогаты.
Их не прельщает славы медный звон.
Им хочется назад, в свои поля и хаты,
Им хочется из этой бойни вон.

Им хочется... Но их несбыточны желанья:
Командные слова, присяга, долг, среда...
И шествуют они уныло на закланье,
Усталая и вшивая орда.

И с каждым Божьим днем изысканней, жесточе
Грозит им гибелью осатанелый враг.
- Такой же, как они. Не прозревают очи.
Глухая ненависть, отчаянье и мрак.

Войны жестокие забавы
И гибель жизней и надежд
Во имя злой, кровавой славы
Некоронованных невежд...

И.К. БОРМАН (ИрБор)

Вы

Три маски -
Первая вот:
Подвязки,
Гольный живот,
Бедро, кровать,
Целовать, спать.
Вторая? Вторая маска - лорнет.
Впрочем, отставить, лорнета нет.
Третья - глубже, почти что рожа -
Нагая рожа,
Кухаричий крик,
Высунут красный язык.
И громко и мысленно:
"Нате - плюю вам на лысину!"
Маски. Под масками - дверца.
За дверцею - сердце.
Сердце томится и плачет.
Можно разобрать при свете:
"Только бы иначе,
Не так, как эти!" -
Чего ни наделает гордость!
Но и это - снаружи: сердечное салыце.
Только колупнуть пальцем -
Строгость и твердость.
Застенчивость, скромность, усердие.
Дух целомудренный, даже суровый.
В общем знаете кто Вы?
- Сестра милосердия.

Публикация С.Г. ИСАКОВА

ЛАРИСА
ИВАНОВА
"...УПЛАЧУ
ВАМ
СВОЙ ДОЛЖОК"

Письмо Игоря Северянина В. Е. Гущику

В дни 100-летнего юбилея литературной деятельности Игоря Северянина, 1 февраля 2005 г.,¹ мы обратились к письму поэта, написанному 70 лет назад, 31 января 1935 года.

Возможно, это небольшое послание позволит еще немного расширить наши представления о круге общения Северянина в Эстонии.

Письмо адресовано Владимиру Ефимовичу Гущику (1892-1947).^{*} Имя этого русского прозаика не встречалось ранее ни в произведениях Игоря Северянина, ни в литературе о нем.² Родившись в Стрельне, под Петербургом, он окончил столичное коммерческое училище. Гущик в 1910-е годы жил в Гатчине, обратился к литературному творчеству и был председателем Союза любителей свободного искусства. Как известно, Гатчина и ее окрестности были с детских лет излюбленными местами дачного отдыха Игоря Северянина. Бывал он там и в 1910-е годы, на пике своей литературной славы. И хотя нам не удалось обнаружить сведений о встречах Северянина с Гущиком еще в ту пору, полностью исключить это предположение нельзя.

Судьба свела их в Эстонии, где с начала 1918 г. оказался "дачник" Игорь Северянин, а с конца 1919-го эмигрант В. Е. Гущик. В Таллинне, где поселился Гущик и куда нередко приезжал из Тойла Северянин, в немногочисленной русской литературной среде избежать общения было уже трудно. Знаменитый поэт и на-

Лариса Иванова (С.-Петербург), научный сотрудник Пушкинского Дома.

** См. "Вышгород" 5-6,95. Исчезнувшие имена. Сергей Исаков. Портрет с двойною тенью. - Ред.*

чинающий прозаик порой сотрудничали в одних и тех же периодических изданиях. 23 марта 1936 года в зале Христианского союза молодых женщин состоялся вечер Игоря Северянина при участии В. Гуцика, В. Никифорова-Волгина и Н. Кашталинской.³ 20 января 1938 в обществе “Витязь”, где литературной секцией заведовал В. Е. Гуцик, Северянин прочел лекцию “Путь к вечным розам”.⁴ Еще одним свидетельством общения Игоря Северянина и Владимира Гуцика служит публикуемое ниже письмо.

“Toila, 31. I. 1935 г.

Светлый

Владимир Ефимович!

В середине февраля буду в Таллинне, где мне обещают заработок, и тогда уж наверняка уплачу Вам свой должок, о котором я всегда помнил, но то вследствие неотложных нужд, то вследствие своей преступной халатности поэтической, не погасил, увы, до сих пор. Мне крайне неловко перед Вами, прошу от всего сердца простить мне мое легкомыслие и не осуждать строго.

В былые “пьяные” времена сколько взято у людей, сколько роздано!.. Что поделаешь: такова, видно, сущность богемы. Посылаю Вам одновременно с этой открыткой свою новую книжку. Если у Вас сохранился лишний экз<емпляр> Вашей последней, м<ожет> б<ыть>, пришлете мне?

Остановимся мы у Шульца, и, если зайдете днем (в день концерта), буду очень рад повидаться с Вами и лично урегулировать свои обязательства. Охотно верю, что и Вам нелегко приходится: знаю по своему горестному опыту. Жму Вашу руку. Еще раз - простите.

Искренне преданный Вам

Игорь-Северянин”.⁵

Из столь краткого послания трудно заключить - насколько близкими были отношения между адресатом и корреспондентом. Однако, видимо, достаточными для взаимовыручки в трудных обстоятельствах. Письмо относится к очень сложному периоду в жизни Северянина, можно сказать, времени кризисов: семейного (незадолго до расставания с Ф. М. Круут) и творческого (в это время он мало писал и, хотя занимался переводами, публиковался мало; отсюда - финансовые затруднения, о которых идет речь).

Свой “горестный опыт” был и у В. Е. Гуцика, в том числе и в материальном смысле: одного литературного заработка для семейного человека не доставало,

приходилось искать другие, далекие от писательства, виды работ. И все же в 30-е годы В. Е. Гущик выпустил в Таллинне несколько сборников рассказов. Один из них - "Люди и тени" (1934) сохранился в личной библиотеке Игоря Северянина, в Литературном музее имени Ф. Р. Крейцвальда (Тарту). Очевидно, именно об этой книге и просит Северянин в письме. Сам же он, скорее всего, послал Гущику только что вышедший "роман в строфах" "Рояль Леандра. (Lugne)" (Бухарест, 1935).

В публикуемом письме Игоря Северянина обозначен еще один его литературный контакт в Эстонии - с Александром Эдуардовичем Шульцем. Журналистом, в прошлом сотрудником петербургских "Биржевых ведомостей", а ныне "фактическим редактором" таллиннской газеты "Вести дня", где многократно печатали Северянина, а также статьи и заметки о нем. В этой же газете 29 ноября 1935 г. (№ 281) помещено стихотворение Северянина "Тоска небытия", написанное в Таллинне 3 ноября того же года, с посвящением Шульцу.

В письме к Августе Барановой от 1 февраля 1935 года Северянин сообщал: "Недавно был в Ревеле, где провел три с половиной дня. Вернулся вместе с редактором "Вестей дня" Шульцем. Он погостил у нас два дня".⁶

Датировать пребывание Шульца в Тойла помогает дарственная надпись Северянина на авторском издании "Рояль Леандра. (Lugne). Роман в строфах". (Румыния, Бухарест, 1935): "Дорогому Александру Эдуардовичу Шульцу с неизменной любовью Игорь-Северянин. Toila. 25. I. 1935 г."

Не случайно в том же письме к Августе Барановой Северянин пишет: "Сейчас опять приехал Шульц": столь скорое возвращение в Тойла Шульца именно в этот день, 1 февраля, очевидно связано с литературным юбилеем поэта.

Сохранилось еще одно издание Игоря Северянина с дружеской надписью: "Дорогому Александру Эдуардовичу Шульцу с искренней любовью автор, эгист врожденный! Таллинн. 5. XI. 1934 г." ("Медальоны. Сонеты и вариации о поэтах, писателях и композиторах". Югославия. Белград: издание автора. 1934.)⁷

Не располагая другими архивными и печатными свидетельствами и помня об аполитичности Игоря Северянина, мы, тем не менее, можем предположить, что его общение с В. Е. Гущиком и А. Э. Шульцем не простиралось далее чисто литературных интересов, вряд ли

его интересовали их идеологические или политические взгляды. Не станем этого касаться и мы.

Но вернемся к тексту публикуемого нами письма Игоря Северянина. Его дружеский и, несмотря на “кризисы”, спокойный тон, очевидно, объясняется ожиданием предстоящего чествования. Впереди - радостные волнения, приезд в Тойла гостей с поздравлениями, концерты, благоприятная пресса...⁸ Первоначально чествование намечалось в Таллинне, в середине февраля, однако организаторы отложили его. 12 февраля 1935 г. “Вести дня” (№ 37) сообщали: “В Таллинне юбилейный вечер Игоря Северянина и банкет в его честь состоится или в конце февраля, или в начале марта. Так как получены еще не все ответы от лиц, которые приглашены участвовать в вечере, то невозможно составить программу вечера и назначить день его”. Вечер состоялся 10 марта, в Нарве, в зале Русского общественного собрания. Чествование поэта “прошло с подъемом. Во время исполнения концертной программы Игорь Северянин выступил с чтением своих стихов, восторженно принятых публикой. Вызовам не было конца”.

Всего пять лет оставалось до следующего юбилея, - 35-летия литературной деятельности Игоря Северянина. Это пышное торжество, прошедшее также в приютившей поэта Эстонии, в Таллинне, состоялось в марте 1940 года. Следующий, 1941 год, стал последним годом его жизни.

1 Дату 1 февраля 1905 г., когда в журнале “Досуг и дело” (№ 2) было опубликовано стихотворение Игоря Лотарева “Гибель “Рюрика””, Игорь Северянин считал началом своей литературной деятельности.

2 См. статью С. Г. Исакова “Жизнь и творчество В. Е. Гуцика” в его книге “Русские в Эстонии. 1918-1940. Историко-литературные очерки”. Тарту, 1996. С. 239 - 254.

3 -ь. Литературный вечер // Вести дня. 1936. 24 марта. № 68. С. 2.

4 /Без подписи/ На докладе Игоря Северянина о поэтах начала XX века // Вести дня. 1938. 21 января. № 16. С. 2.

5 Рукописный отдел Пушкинского Дома (С.-Петербург). Фонд 820, №23. Л. 1. Небольшой архив В. Е. Гуцика передала в конце 1985 г. его невестка, Л. К. Гущик.

6 Игорь Северянин. Письма к Августе Барановой. 1916-1938 // Сост., подготовка текста, введение и комментарий - Б. Янгфельдт и Р. Круус. Stockholm, 1989. С. 99.

7 Оба издания хранятся в Отделе редкой книги Национальной библиотеки Эстонии. Благодарю заведующую Отделом Л. И. Петину за содействие в работе.

8 В подтверждение этих ожиданий см.: -ь. Как прошел юбилей Игоря Северянина // Вести дня. 1935. 6 февраля. № 32. С. 1; -ь. Тойлаский отшельник // Вести дня. 31 января. № 27. С. 2.

В самом первом номере “Вышгорода” (1994) были частично опубликованы письма И. Северянина из Тойла в Брюссель, к Софье Ивановне Карузо (1931-1940), подготовленные Л.Н. Ивановой: “Я живу в прелестной местности...” - Ред.

В 2005 году, 2 апреля, по решению ЮНЕСКО, весь мир отметил 200-летие со дня рождения Ханса Кристиана Андерсена (1805 - 1875). Россия - можно смело сказать - стала второй Родиной великого датчанина. Тиражи его книг доходили до 2 миллионов экземпляров, создана уникальная изобразительная андерсениана.

В 1851 году писатель удостоился звания профессора, а затем одаренный сын скромного сапожника и трудолюбивой прачки получил титул “рыцаря”. Русские переводчицы-издательницы М.В. Трубникова и Н.В. Стасова, в почтительном письме, которое Андерсен получил 18 июля 1868 года, так и обращались к нему: “Господин профессор и рыцарь!” А далее писали: “...Ваш проникновенный поэтический талант, глубокоуважаемый господин профессор, быстро завоевал популярность сборнику в России. Русская публика любит эти “Сказки и истории”, автор которых по праву причисляется к величайшим писателям современности. В 1868 году была издана вторая часть Ваших “Рассказов” под названием “Новые сказки” Андерсена. Русский художник, академик, господин барон фон Клодт, выполнил к ним рисунки, которые затем были выгравированы русскими художниками...”

Лола Звонарева (Москва) - доктор исторических наук, академик РАЕН, секретарь Союза писателей Москвы, популяризатор творчества писателей и художников русской эмиграции (в том числе Юрия Дружникова и Михаила Шемякина), организатор многих международных конференций. Вместе с Лидией Кудрявцевой (искусствовед, Москва), исследовательницей творчества иллюстраторов книг Ханса Кристиана Андерсена, они подготовили к 200-летию великого сказочника фундаментальную работу “Глазами русских художников”. Печатаем ее в сокращении. - Прим. ред.

Андерсен ответил в августе того же 1868 года. "...Вернувшись из поездки за границу, я обнаружил с удивлением и радостью прекрасное русское издание моих "Сказок и историй", созданное при Вашем участии и сотрудничестве. Я рад, что мои произведения читаются в великой, могущественной России, прекрасную литературу которой я немного знаю от Карамзина до Пушкина... Передайте, пожалуйста, мою благодарность и радость по поводу интереса, проявляемого ко мне как писателю, и мой самый сердечный привет всем моим друзьям..." Историю переписки сказочника и переводчиц широкому читателю передала известный исследователь творчества Андерсена Л.Ю. Брауде. Она же свидетельствует, что Андерсен не только читал Пушкина, но и бережно хранил в своем архиве пушкинский автограф - первый лист тетради поэта со стихотворением "Пробуждение" и началом элегии "Друзьям"...

<...>

Истинно творческое открытие Андерсена русскими художниками произойдет в XX веке. Реалисты, лирики, романтики, фантазеры, искусно владеющие рисунком и цветом, книжным дизайном, знатоки эпох и культур - они помогают читателям открывать все новые и новые смыслы этих сказок. В начале прошлого века родилась подлинно художественная русская детская книга, за которую столь страстно ратовал тогда глава объединения "Мир искусства" Александр Бенуа.

...Сюжет "Соловья" стал для Георгия Нарбута поводом, чтобы создать свой сказочный образ "Китая". Он подчинил этой задаче все мельчайшие детали оформления книги, ставшей уникальной в русском книгоиздании. В этом нарбутовском "Китае", созданном (на обложке) из черных и золотистых элегантных иллюминированных силуэтов, сочно-зеленых пейзажей с вкраплением красного (внутри книги), живет ностальгическое чувство художника по всему увиденному им в детстве и юности "китайскому" в интерьерах, посуде, в парковых беседках, в шпалерах, в кафельных печах в черниговском имении его знакомых украинских помещиков - "китайский стиль" был тогда в моде. "Соловей" дал возможность художнику окунуться и в атмосферу рокайля, столь любимого его учителями К. Сомовым и А. Бенуа. Возможно, поэтому так неизъяснимо волшебен этот "Соловей". Нарбут сделает для издателя И. Кнебеля еще несколько сказок Андерсена ("Прыгун", "Стойкий оловянный солдатик", "Старый уличный фонарь" - две последних не будут изданы), но "Соловей" останется непревзойденным.

Увлечение мирискусников красивой, стилизованной книгой отзовется еще в двух изданиях Андерсена, причем, одной и той же сказки "Свинопас". В 1917 году, видимо, до октябрь-

ского переворота (дата “1917” указана на каждой иллюстрации), “Свинопаса” оформит один из лучших графиков “Мира искусства” Мстислав Добужинский. Лишь в 1922 году эта детская книга будет выпущена в Берлине З.И. Гржебиным.

Прелестный сюжет “Свинопаса” М. Добужинский воплотит в лукавых, изысканных сценах, поместив их в галантный XVIII век, напоенный поэзией карнавала. Этому способствовал перовой штрих художника - то стремительный, то обрывистый, а светлые пятна акварели делали “картинки” еще артистичнее. Добужинский выбирал из сказки ключевые моменты и придавал им оттенок реальности, внося в изображение гротеск и остроту. Так, на одном рисунке император изображен толстым, нелепым стариком, со скипетром, засунутым в карман стеганого халата, в комической позе наблюдающим сверху, с балкона, за поцелуем, которым его дочь награждает “Свинопаса”...

Приблизительно в то же время в Берлине выйдет еще одно издание этой сказки с эффектными и условно-декоративными иллюстрациями в стиле модерн. В книге указаны лишь фамилии художника - Э. Нерман и издателя - И.П. Ладыжников. Где издатель нашел этого художника и кто он такой, установить не удалось. Придумана же была книга весьма экстравагантно. Она большого, альбомного формата, и на отдельных страницах крупные литографированные иллюстрации, почти все в два цвета - желтый и черный на белом фоне. Легкий карандашный контур подчеркивает шаловливую любовную комедию. Это оперетта, театр-кабаре 20-х годов прошлого века, когда Европа судорожно развлекалась после Первой мировой войны...

Книга, всеми забытая, хранится в Государственной Российской библиотеке всего в двух экземплярах...

<...>

Тоненькая девичья (а не детская) фигурка Дюймовочки на иллюстрации Бориса Покровского теряется на фоне огромных хищных роз, плавающих в большой тарелке. Подсвечник с оплывающей свечой, картонный домик, решетка из спичек, бабочка, летящая в белый ослепляющий круг... В образах-символах прочитывается тема внезапной трагической гибели.

Предметы отбрасывают густо-черные зловещие тени. Почти все художник строит на этих контрастах. Но порой открывается и другой Покровский: декоративный, легкий, певучий, хотя снова малозаметна фигурка девушки на черном фоне листа. Безличны и маленькая балерина в своем домике, и стойкий оловянный солдатик. Зато вокруг них кипит жизнь опреченного мира, и чертик из табакерки взвивается на бешеной пружине. Опять идет напряженная игра черного и белого. Ры-

ба показана с той скрупулезностью, которая уместна в атласе живой природы...

Работы Б. Покровского к сказкам “Дюймовочка” и “Стойкий оловянный солдатик” помечены 1922 годом. В них звучит несвойственная тексту тревожная нота - будто предчувствие чего-то неумолимого. Известен лишь год рождения художника - 1900. В 30-е годы книги с иллюстрациями уже не издавались, и дальнейшая судьба художника в эпоху репрессий неизвестна.

<...>

И в Европе, и в Китае, и в США русские эмигранты продолжали тосковать вдали от Родины. “Только детские книги читать, только детские думы лелеять!..” - словно о них писал О. Мандельштам. В Париже, в конце 30-х годов, над иллюстрациями к Андерсену работали почти одновременно Иван Билибин и Александр Алексеев. Билибин в 1936 году вернулся на Родину, в Советскую Россию, Алексеев с женой уехал в США.

Билибин прославился еще в самом начале XX века своими книжками-тетрадками русских народных сказок и двух сказок Пушкина, где он подчинил все оформление орнаментально-декоративному языку, доведя этот свой “билибинский стиль” до совершенства. “Русалочка”, выпущенная в 1937 году парижским издательством “Фламарион”, производит яркое впечатление невероятной отделкой и красотой деталей, изящной твердостью линии. Художника явно вдохновляли западно-европейские гравюры раннего Возрождения. Билибин достигает особой сказочной убедительности, обыгрывая каждый предмет, придает ему одновременно реальное и фантастическое звучание. Главная мысль писателя - за настоящую любовь приходится платить жизнью - оказалась близка художнику. Главной любовью его жизни оставалась, несмотря на эмиграцию, Россия... Он погиб от голода в 1942 году в Ленинграде.

<...>

В 1956-м в Детгизе вышла большая, нарядная для того времени книга - “Сказки” Андерсена тиражом 100 тысяч экземпляров. Рисунки на цветной обложке, заставки, концовки, полосные и полуполосные иллюстрации - все, по замыслу Валерия Алфеевского, должно было создать цельный художественный организм. “Мне четыре года. Зимними длинными вечерами мама читает мне сказки. За промерзшими окнами метет метель. В ночном небе - над Николо-Ямской - в санях, запряженных белыми конями, Снежная королева увозит Кая в свои ледяные чертоги. Много лет спустя я дважды иллюстрировал “Снежную королеву” - красивый роман о любви и преданности”.

Точно и поэтично воспроизводил художник знакомую сце-

ну, когда мальчик Кай смотрит вслед пронсящейся на санях Снежной королеве. Момент предощущения чуда в реальном. Черная тушь, подсвеченная акварелью, погружает городской пейзаж в мягкий желтый свет уличных фонарей. Этот свет перекликается с лунным серпиком, выглядывающим из-за зимних облаков. Сказочно красивый город, в котором так легко появиться сказке.

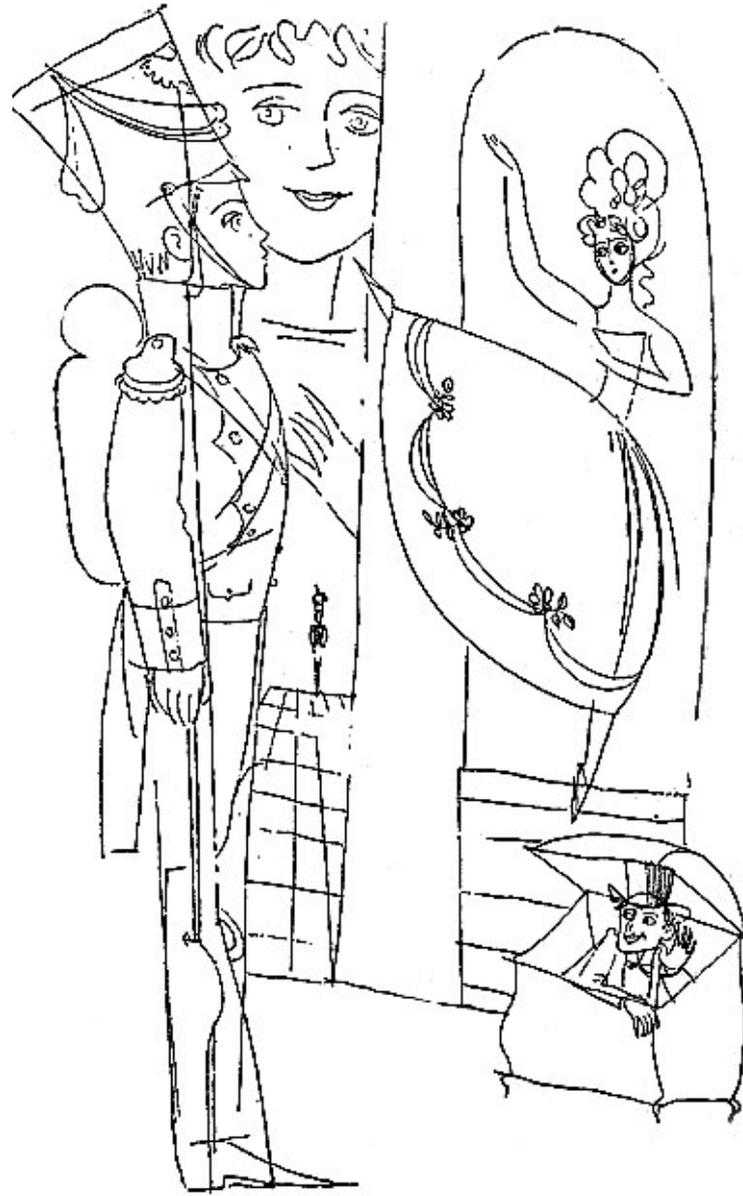
Алфеевский никогда не был в Дании. Рисунок - его представление о старом Копенгагене с ратушей на площади, островерхими башнями и уютными домиками горожан. Художник признается, что эти городские пейзажи он увидел в столице Эстонии Таллинне весной 1954 года. "Старый Таллинн был городом из сказки. По крайней мере, я его таким видел, надевая его своим воображением. Здесь моя работа над Андерсеном приобрела реальное содержание".

Размышляя над судьбами героев Андерсена, Алфеевский обронил любопытную мысль, назвав Принцессу на горошине "маленькой авантюристкой". Девушка, постучавшаяся в дождь в королевские ворота, у него мало похожа на капризную принцессу - всего лишь взлохмаченная девчонка ("Принцесса на горошине", издательство "Детская литература", 1964 год). Художник вообще не придавал значения историзму костюмов: "Какой же может быть историзм, если короли спят в короне и открывают в дождь двери принцессам?"

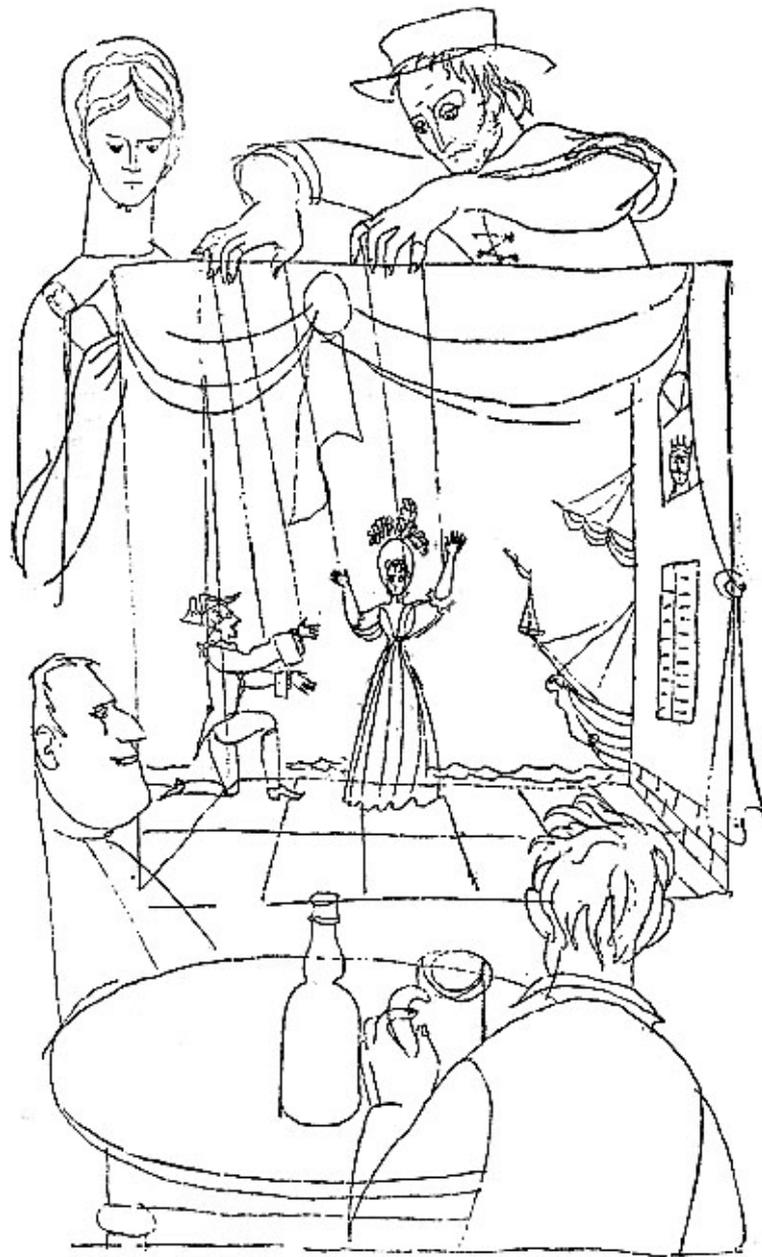
<...>

В 1963 году в Москве дебютировали сказкой Андерсена "Новое платье короля" в издательстве "Детский мир" тридцатилетние ленинградцы братья Александр и Валерий Трауготы, впоследствии много раз возвращавшиеся к произведениям своего любимого автора. В изящном томике "Детской литературы" (1969 год) иллюстраторы прочли сказки Андерсена как исповедь. Герои сказок - мечтатели-поэты и художники. Тонкие иллюстрации Трауготов исполнены пером и акварелью. Это и принц-свинопас, и старик, вырезавший из дерева Хольгера-Датчанина, и сын купца, ставший сказочником, и, конечно, стойкий оловянный солдатик. К восьми сказкам братья сделали более ста рисунков.

Трауготы отозвались не только на сочувствие сказочника к тем, кто умеет любить и творить, но и на его презрение к бездарным императорам и принцессам. Тут их перо и кисть не скупится на меткие ироничные характеристики. Так же они отнеслись и к толпе, хохочущей над голым королем, и на это у них есть свое объяснение. Такая интерпретация сказки - уже из другого сборника, подготовленного художниками в зрелые годы (издательство "Мальш", 1979). Ткачи-обманщики артистичны, похожи либо на продувных бестий, либо на вольных

художников. Трауготы как-то высказали предположение, что портные создают искусство. Искусство может твориться из ткани, не видимой толпе, “это трагедия для всякого художника”. “Когда мы читали о том, как они (портные - Л.З., Л.К.) работают ночью при свете свечей, мы проникались этим ощущением”, - делятся Трауготы своим восприятием и поясняют, что они тоже делают что-то, не видимое для них самих. “Когда мы изображали толпу, которая вопит, что король голый, то мы со всем отвращением к этой толпе подходили”, - такова личная трактовка сатирической сказки. Рисунки исполнены в иной, чем прежде, сложной живописной технике, без контура, а если он и появляется, то цветной, проведенный широкой, свободной кистью.

В рисунках к сказкам “Старый дом”, “Новое платье короля”, “Пастушка и трубочист”, “Дикие лебеди”, “Оле-Лукойе” загадочный, ирреальный “трауготовский” цвет говорит о мечтах - о поисках красоты и правды. Это - размышления о сути и смысле творчества, которые так остры в магических образах художников. Они подводят зрителя к трагическому и светлому, счастливому и мучительному миру творца, миру самого Искусства. Это вообще их индивидуальная тема. Следующее двухтомное издание “Сказки и истории” Андерсена с перовыми иллюстрациями Трауготов переиздавалось, начиная с 1969 года, 17 раз общим тиражом свыше 3 миллионов экземпляров.*

<...>

Нике Гольц, иллюстратору загадочных повестей Гофмана и сказок братьев Grimm, оказались необыкновенно близки и сам Андерсен, и его родина. Она путешествовала по Дании, восхищаясь природой, морем, дюнами и людьми. Почувствовала своеобразие Андерсена, увидев в нем “абсолютного датчанина”, того “чудака”, который обладал даром угадывать сказку в обыденной жизни, “осказывать” жизнь, утверждать торжество добра, счастья, что близко менталитету русской художницы,

**Беру с домашней книжной полки двухтомник песочного цвета, конечно, выцветший и зачитанный за 35 с лишним лет. Ганс Христиан Андерсен (здесь имя звучит именно так). Сказки и истории. Издательство “Художественная литература”. Ленинградское отделение, 1969. Художники Г.А.В. Траугот (уже марка?), тираж - с их перовыми рисунками, заставками, летучими росчерками, своей интерпретацией текста на полях - тираж издания 150 000 экз. А в предисловии о художниках - ни слова. Хотя они и для детей, и для взрослых становятся неотъемлемой частью сказок. Снова рассматриваю солдата и принцессу, а потом перечитываю “Огниво”, с которого начинается 1-й том. И точно так же поступаю во 2-м томе с “Супом из колбасной палочки”! Найдите у себя дома или в библиотеке сказки Андерсена с “картинками”, еще раз испытаете подлинное удовольствие. Ибо и писатель, и его иллюстраторы созвучны нашему времени, нашим сокровенным мечтам и мыслям. А пока остановите взгляд на трауготовских выдумках, на мелких-мелких детальках, играющих роль не статистов, но знаковой символики в руках талантливых “кукольников”... - Л.Г.*

стремящейся вносить в свои работы сердечность, отзывчивость на доброту. “Стойкий оловянный солдатик” был ее первой работой в детской книге (1956). Теперь с ее иллюстрациями выпущено шесть красивых сборников издательством “Эксмо”, оценившим ее мастерство и способность создавать романтические и, если это нужно, ироничные образы. Бесспорная находка художницы - образ гадкого утенка (2002 год). И это едва ли не самый лучший утенок-лебеденок во всей российской андерсениане. Серо-пушистое, глазастое, носатенькое существо вызывает сострадание, симпатию и другие нежные чувства. Следуя за великим сказочником, Гольц воссоздает свой драматический изобразительный рассказ о судьбе малыша, превращающегося в прекрасного лебедя. Все остальные персонажи - утки, индюк, курица - наделены острыми характеристиками. С такой же сказочно-реалистической точностью рисует Гольц персонажей других андерсеновских сказок - и Дюймовочку, и Снежную королеву, и голого короля, и крысиного (“Суп из колбасной палочки” - ее шедевр). А птицы и звери таят в ее рисунках неизъяснимое обаяние. “Цель художеств будет идеал, а не нравоучение”, - повторяет Гольц слова Пушкина, и этот афоризм целиком приложим к ее работам.

<...>

Более чем за сто тридцать лет в России сложилась богатейшая изобразительная андерсениана. Датский сказочник с его таинственным романтизмом, уникальным соединением бытового и фантастического, с его всеискупающей христианской любовью, глубокой философией и оригинальной символикой оказался созвучным душе русского художника.

В конце XX - начале XXI века это с особенной силой воплотилось в работах всемирно известного мастера Бориса Диодорова по трем сказкам Андерсена - “Снежная королева”, “Русалочка” и “Дюймовочка”. За первые две в 2000 году он получил из рук датской принцессы Гран-при Ханса Кристиана Андерсена в Дании, за “Русалочку” - золотую плакету на Братиславской биеннале (БИБ-2000) и диплом первой степени того же конкурса за иллюстрации к трем сказкам, великолепно изданным в одном сборнике московским издательством “Арбор”.

Метод Диодорова отличает глубокое прочтение самого текста, проникновение в его ткань, умение воспринять в целом замысел писателя, его стилистику, не упуская из вида общий духовный строй, свойственный именно этим сказкам. Диодоров с блеском воплотил это в сложнейшей технике офорта с акватинтой и акварельной подкраской.

В иллюстрациях к “Снежной королеве”, впервые опубликованных в парижском издательстве в 1993 году, художник достиг космического охвата мира. Таков полет Кая в санях и на

облаке со Снежной королевой, этой холодной разрушительницей земной любви. Но по мысли Диодорова, поправить любовь невозможно. У него гирлянды дивных цветов на полях и поистине райское изображение сада, где остановилась в мольбе-молитве Герда у куста роз, как бы укрытая ветвями и сама вся в золотисто-розовом свете. Художник, конечно, следуя тексту, в полосных иллюстрациях делает акценты на кульминационных моментах в каждой главе-истории. Их колорит, изысканное свечение, достигнутое с помощью акватинты, погружает зрителя в чудесные таинства.

В иллюстрациях к “Русалочке”, также изданных впервые в Париже в 1998 году, царит красота исполнения и красота смысловая. Морские волны, их прекрасный цвет символизируют веру, надежду, любовь, которые славит глубоко религиозный писатель-романтик. А художник с христианских позиций славит жертвенную любовь Русалочки. По мнению Диодорова, Андерсену дорога любовь божественная, как у Данте, а не чувственная, как в Шекспире. Любовь понимается как божественное поручение, как высшая ценность. Это и стремился передать художник в своих изысканно-виртуозных иллюстрациях.

Культура рисунка воспринята им от мастеров “Мира искусства” начала XX века. В “Дюймовочке” художник ощутил те же идеи. Он создал образ прелестного существа, которое, пройдя через все испытания, наконец находит свое место в царстве эльфов... “Это как чистое искусство, говорит Диодоров, гонимое и поруганное, но попадая в атмосферу полного понимания и доверия, оно обретает вечную жизнь”. И везде девочка олицетворяет чистоту, которую не могут осквернить ни жуки, ни кроты, ни лягушки. Только ласточка дает свободу. Вновь художник то густым и темным, то прозрачно-светлым, воздушным цветом дает понять, что победа света приходит через страдания и испытания.

Путь его героев - путь к свету.

В начале 2005 года пришло сообщение из Дании, что Борис Диодоров официально назван “Послом Андерсена в России”.

Пророческими оказались слова Андерсена: “Жемчужиной всех государств Европы есть и остается могучая Россия, поздно поднялась она к культуре, но сияет уже теперь во всей своей славе”.

**ВАРШАВСКИЕ
ВЕРЛИБРЫ**

**МАРЕК
ВАВЖКЕВИЧ**

Я выбежал

И выбежал я тогда из дому в серый проем рассвета,
В раннюю мауту и туман тополиного мая,
И поразила меня мысль, что все уже по-другому.

То ли та наша бестолковая размолвка,
То ли весенний рассвет, пустые, как во сне, улицы,
Спящий за рулем таксист на стоянке,
Глоток свежего воздуха - но только выбежал я
И вдруг понял, что все уже по-другому,
Не так, как знал от рождения,
Не так, как верил.

Может, и не стоило вот так выбегать из дому -
Жил бы себе, как все.
Может, и надо было остаться, кричать, молчать,
Куриль в форточку,
Потом ложиться в постель, молча терпеть друг друга
И засыпать. Но вышло все по-другому.
А перед тем я выбежал из дому.
Выбежал и вдруг понял, что по-прежнему уже не будет.
Когда тебе за пятьдесят, можно еще поменять квартиру,
Купить машину, укатить на Канары, письменно извиниться.
Но уже не переменишь веры,
Не уверуешь в то, что мир, в котором прожил полвека,
Вовсе не декорация.

Марек Вавжкевич (1937) по образованию историк, автор более чем 30 книг (в основном поэтических), переводчик со славянских языков (русского, белорусского, украинского, сербского, македонского). Переводил с эстонского поэзию Вийви Луйк, Матса Траата, Пауля-Ээрика Руммо, Владимира Бээкмана. Председатель главного правления Союза писателей Польши (5 лет возглавлял Варшавское отделение писателей - одно из 23-х). Принимал нас как радушный хозяин на международной научной конференции "Литература и война: борьба с устаревшими мифами" 27-29 июля 2005 года в Варшаве, в Доме литературы.

А все потому, что был другим. И они были другими,
И ты другой. Потому, что женщины не должны любить. Потому,
Что любить - это быть женщинами наших братьев. И нашими
Женщинами. Женщинами наших друзей и недругов. Потому,
Что нет никакой логики, нет добра и зла.
Нет давнего полнолуния, давней росы на травах.
Давних сигарет, давней прыгучести.
Нет уже той стены с черно-белой фотографией
Девушки, у которой были алые губы и с которой я так и не
Познакомился. А ведь мог познакомиться.

И сейчас, столько лет спустя, выбежав, курю и думаю,
Что если бы та девушка, тот, другой, рассвет, если бы
Не сосед по номеру, если бы не заснул,
Если бы роса, Рейкьявик, возвращение, сумерки,
Если бы все это, все -

То было бы, как прежде.

Потому, что сейчас не выбежать
Уже сил никаких нет.

Счастливые

А могло быть и так: улочка над рекой
в сырых сумерках.
И с той стороны - обрывки блюза,
сыгранного малость фальшиво, но зато от души.
И пульсирующий во мгле красный огонечек.

И пришли бы мы туда после целого дня,
проведенного порознь. Это ведь как слетать
на две далеких планеты и возвратиться
на такую привычную, такую свою Землю.

И сели бы мы ужинать.
- Хочешь выпить? - спросила бы ты,
И я, может, захотел бы. А, может, и нет.

А потом мы пошли бы в спальню.
- Ах, да погаси же ты, наконец, лампу! -
не сдержалась бы ты.

И были бы мы счастливы.

Плач

Застиг меня твой плач,
Неожиданный, как всплеск моря,
Очевидный, как снег в июне.

Поскольку не ответил тебе
На несколько простых вопросов:
О том, сколько песчинок в пустыне,
И в каком январе умрем
(этот уже не считается),
Почему забываем и зачем помним.
И не смог я тебе ответить. Вина моя велика.
Велика, как листочек вербы, и мала, как Атлантика.

На губах у меня твоя слеза.
И внезапное прозрение.
Восемнадцать выброшенных лет,
Двое малых детей,
Бракоразводная стыдоба.

И вторая слеза. Привкус туши и ванили.
Полюбила ты и вот уже не знаешь: вправду ли полюбила?
И чего я хотел: твоих денег или твоего тела?
Не знаешь, и все тут. Ну хоть убейся!

И столько еще будет всплесков и всхлипов.
Столько еще неответов.
И все так, как мною описано.
Или наоборот. Какое это имеет значение?
И все в тебе так плачевно.
Задетая веточка прошлого.
Будущий ледок в ручеечке.
Правая грудь, которой касаюсь
Указательным пальцем.
Ямочка под ключицей.
И взгорочек лона. Вчера подбритый.

Ну плачь же, плачь. А вдруг отвечу.
Но только сейчас на минуточку
Помолчим о любви.
Займемся любовью.
Наверняка что-нибудь выяснится.

10 советов для тех, кому за шестьдесят

Когда ты целуешь ее у дверей,
Подумай, что это может быть в последний раз.

Поезжай туда, где прошло твое детство.
Господи, и ведь как все хорошо начиналось.

Протри глаза, увидь лес. Это поможет тебе понять
Тщету преходящего.

Потусуйся с детьми и внуками.
Может, наконец-то поймешь их.

Призадумайся хоть разок на дню.
Это ничего, что будешь выглядеть идиотом.

Обними врага, прости друга.
У тебя уже больше не будет таких, как они.

Дождливой ночью над озером пожалей самого себя.
Нет уже тех, кто за тебя переживал.

Ни о чем не сожалей, не попрекай себя.
Ты и без того виноват во всем на свете.

Прогуливайся по кладбищам, привыкай.
Видишь, какие они все теперь спокойные.

И, ради Бога, не переживай и не бойся.
Короткометражка все еще крутится.

КШИШТОФ ГОНСЕРОВСКИЙ

Что выбрасывает на берег
океан вечности?

Обрывки мелодий, пятна цветные,
что-то тени, архитектурные заготовки
для грядущих руин, битые вазоны
с надгробий, пустые, неведомо чьи...

очистительная материальность всплеска.

Из всего этого мы, бедные люди-человеки,
делаем вывод, что некогда
был золотой век человечества,
вот какой вывод делаем мы,
топчасть среди этих отбросов,
отмытых от мук и ужасов.

В римском аэропорту

Турбуленция, вихри, клубки
и струи воздуха за стартующим
реактивным...
Это как волосы по ветру -
оттуда, из сопла,
Лорелея
Или еще какая-нибудь Мерилин Монро.

Никоим образом не вписываясь
в сдвиг по фазе,
даже среди бела дня
можно углядеть звезды на взлетном небе,
а также мчащую по Млечному Пути
прекрасную, молодую, нагую комету.

Кшиштоф Гонсеровский (1935) - известный поэт, эссеист, автор многочисленных сборников стихов и книги о польском классике Норвиде. Зам. председателя главного правления Союза писателей Польши. В 2005 - премия Министерства культуры.

Пятнистый лишай на камне,
ползущий по своей узенькой, плешивой
контрольной полоске между жизнью и смертью;

либо какая-нибудь чокнутая птица,
трепыхающая на подлете
к блаженной, но совершенно непостижимой
нирване.

И даже те, куда более приземленные: лев, либо тигр -
Самодостаточные, самодвижущиеся,
как планетные системы;

и всякие прочие абсолютно однозначные -
на фоне бессильного разума -
вирусы...

Ну что ж, гипотеза реинкарнации,
похоже, единственная этичная основа
этики:
ежели можешь загодя лицезреть
свои будущие воплощения,
значит, можешь выбирать, а не загадывать.

**АЛЕКСАНДР
НАВРОЦКИЙ**

Медленно, задумчиво

Что люблю я в тебе? Ржавую осень эдемов моих
и весну, промелькнувшую вдруг у тебя во взоре.
Что люблю я в тебе? Плач твой и мою улыбку,
ту самую, словно скальпелем с судьбы моей снятую.
Что люблю? Когда в лето вгрызаемся зубами,
крепкой кровью давясь,
а еще, когда ждем апреля
И в клочья ты рвешь облака на небе и в лужах.

Александр Навроцкий (1940) - поэт, переводчик венгерской литературы, главный редактор журнала "Поэзия сегодня", издал трехтомную Антологию польской поэзии.

Боже мой, Боже, позволь и завтра
блудницам блуждать между грехом и любовью,
отбери у детей цветные сказки:
по ним так стосковались взрослые...
Нашли, Боже, на всех нас бесправие,
чтобы сильные мира сего
проявили бы себя во всем стальном блеске,
а сам опять умой руки,
великий и бессильный Боже.

На рассвете

Город, как тело пробудившейся
в объятьях вчерашнего мужчины.
Даже река перестала течь под мост.
Прежде чем затарахтят движки,
прежде чем сгинет в выхлопах небо,
пусть всхлипнет человек,
счастливый, всеми забытый.

Вон он - мурашек,
как Господь крест,
несет сосновую иголку.

.....

Ну а ты - человек.
И что ты творишь?

Пан Адам

Мой сосед Адам Галис
поэт и переводчик Блока
умер.

Я не знал, что пан Адам
Умер.
Была осень
и я пил.

Збигнев Ежина (1938) - поэт, драматург, эссеист. Дебютировал в 1963 году. Лауреат многих премий.

Каждое утро смотрю в окно:
Не идет ли пан Адам за молоком.

Александр Блок не любил молока.
Потому и пан Адам за молоком больше не ходит.

Голубь

Ничего в нем от любви,
ничего от доброты,
ничего от Святого Духа.
В глазах голубя желчь,
которой поили Иисуса.

Это ребенок

Это ребенок
еще трудно ему справиться
со своим разумом

И вижу я
как его зареванный рот
даже слово “мама”
сказать не может

Это мой ребенок
Из тьмы моей прапамяти
он мне улыбается

Это мой ребенок
Когда-нибудь он выскажет
Все о чем умолчал я

Сон

Снился мне аист,
летающий по ветру,
аист, несущий в клюве
покров покойного Лазаря.
И стояли люди на нивах, стояли взирая.
И стояли они на улицах, головы запрокинув.
И молчание было мертвым.

.....
И куда же он, этот аист -
на восток или на запад -
нес то, что нес?

Болезнь

Исповедуется тело мое
перед белой исповедальной болезнью.
Во имя Отца
и Сына,
и Святого Духа.

Кровь моя смолкла.

И вижу я белые травы,
и облако,
которое в омуте отразиться не может.

Исповедуюсь я перед самим собой:
моя вина,
моя величайшая вина
в том, что душа моя
изувечила мое тело.

Протестуя против божьих коровок

Липкий от июньских липовых дождей
стал я возлюбленным божьих коровок. Похоже
понавезли их в коробочках из-под клубничного джема
оборванные хиппи. А некоторые и вовсе
повылазили из шалашей
малолетних беглецов из дому. И вот они лезут
вконец ошалев в пивную мою бутылку
божьим то бишь коровьим своим калом
помадят мои губы
лапками заплетают мне бабьи косички
то и дело по-пьянке плюхаются мне на колени
без толку толпятся у моей ширинки и толпами
толпами топчут опухший язык мой.

Збигнев Милевский (1969) - юрист, автор пяти поэтических сборников, лауреат многих конкурсов. Издал Антологию молодых стихотворцев, выступивших со своими первыми книгами.

Из Мариенштата

Листья для гаданья сорвал я
с осеннего явора
в Мариенштате
А желтые ветер швырнул
в сторону костела Св. Анны
и еще выше
к престолу Ясногорской Матери Божьей
откуда накрапывала водица святая

В бурых накрапах на листьях
узнал я козырную масть Крулевского замка
павшую ниц тоску предков
по золотым цепям власти
и шляхетском достоинстве потомков

А некозырная листва с явора
сыпалась на столпившиеся ниже дома жилые
в каковых обитали мои знакомые
торгующие молодостью на блошиных рынках

Разобравшись с мариенштатским пасьянсом
уснул я под явором
и баюкал меня рефрен: Брат мой
твой дом дорога

твой дом дорога

А еще говорят - в одну реку дважды не войдешь! Вторая она была в моей жизни - "Варшавская осень поэзии". И опять, как в тот раз, в конце семидесятых, было неправдоподобно для середины октября тепло. И снова я, набравшись наглости, говорил только по-польски. И что уж совсем невероятно.

И словно не было их, этих, казалось, уже навсегда разлучивших нас лет. Они почти не изменились, польские друзья мои - Марек, Кишсь, Збышек - ну разве что малость поседели, обзавелись очками и подозрительно молодыми подругами. И как следствие, совсем новыми стихами, некоторые из которых я и попытался перевести.

Виктор МАКСИМОВ

Виктор Максимов - поэт, критик, переводчик. Петербуржец. Его не стало в апреле 2005. И летом в Варшаве мы светло вспоминали о нем. - Л.Г.

Черная лента

После дождя край венца набухает и становится черным. Длинная деревянная лестница на второй этаж под черной рубероидной крышей скрипит жалобно и протяжно. Сразу за крыльцом начинается лужа. Вода в нее стекает со всех водосточных труб во дворе.

В луже отражаются облака и красный флаг, торчащий из угла дома. Флаг приспущен, древко перевязано черной лентой.

Интересно, если наступить на облако в луже, оно убежит?

Я смело бегаю по облакам, по флагу, по черной ленте в луже. Сандалеты и носки мокрые насквозь, и облака, и флаг, и лента разлетаются на тысячу мелких мутных брызг.

Чья-то тень ложится на лужу, на мое плечо, на землю. Я поднимаю глаза. Бабушка Катя. Наша соседка. По лицу бабы Кати медленно и не переставая текут слезы.

Михаил Абрамович Пластов (1947, Москва) - ученый, радиофизик, академик РАЕН, поэт. Из компании "физиков и лириков", о которых только что вышла книжка "Поэты-ученые современной России" (М., 2005). Два высших образования: Московский энергетический институт (радиотехнический факультет) и факультет журналистики МГУ (литературное редактирование). Кандидат физико-математических наук, автор научных статей и изобретений, один из участников создания стратегических радиолокационных станций. Работает над докторской диссертацией, посвященной... поэтике. Да, с наукой не порывает по сей день, но уже почти четверть века профессионально занимается журналистикой и литературой. Стихи пишет с детства. Сейчас выходит собрание сочинений Михаила Пластова в восьми томах, вернее, изящных поэтических томиках. Четыре уже готовы (I-III изд-во "Логос", Москва 2002-2003; IV изд-во "Русский раритет", Москва 2005). Мы встретились с Михаилом Абрамовичем в Варшаве в этом году на Международной научной конференции "Литература и война: борьба с устаревшими мифами" (27-29 июля 2005). На презентации его стихов все четыре сборника я и получила. Впридачу - рукопись: миниатюры. Сразу влюбилась! - Л.Г.

Я стремглав выскакиваю из лужи. Обнимаю бабу Катю и шепчу: “Не плачь, Катя, не плачь!”

- Как не плакать, сыночка, - говорит баба Катя и некра-сиво шмыгает носом. - Отец наш, Великий Сталин, умер.

- Сталин? - моему удивлению нет предела. - Ты что, ба-ба Катя. Дедушка Сталин будет жить всегда.

С этими словами я убегаю. Мне некогда. Лужи ждут.

Глупая Катя. Чего она плачет?

Регулировщик

Залезть на стул не так просто, как кажется. Сначала на-до закинуть ногу. Это получается не сразу. Коленка стука-ется о край стула, ножки стула скользят по полу.

Наконец мне удастся оседлать край стула, и в таком по-ложении я замираю. Отдых. Теперь ухватиться за спинку и подтянуться. Поставить на стул обе коленки и, опираясь на спинку, встать.

Ура! Я стою на стуле. Достаяю из кармана огрызок ка-рандаша. Теперь он не карандаш - он жезл регулировщика. И стул не стул - а тумба на перекрестке. Пронзительно я свищу в свисток и показываю жезлом в сторону кухни. Проезжай, мама, мои машины пока стоят.

Гонки

Трасса небольшая и опасная. От окна - к печке. Весной дом накренился и пол тоже. Раньше машинку надо было толкать, гудеть “у-у-у-у”. Теперь едет сама под уклон.

Я встаю коленями в кузов огромного деревянного грузо-вика и с воплем “Би-и-ип” стартую от окна. Уже около са-мой печки торможу носком сандалеты. Грузовик развора-чивает бортом к дивану. Я задеваю веник. Он падает на со-вок, тот на кочергу, кочерга валится на поленницу.

Дрова с грохотом рассыпаются. И... бабушка тут как тут.

- Ушибся? - спрашивает она.

- Угу, - я стараюсь ничем не выдать испуга.

На лбу - ссадина и шишка.

Бабушка достает из кармана передника пятак и прикла-дывает ко лбу.

- Ничего, - говорит она. - До свадьбы заживет.

До свадьбы? До какой еще свадьбы?

- У-у-у-тыр-тыр-тыр-у-у-у.

Грузовик ползет к окну. На гору. На старт.

Вырви глаз

Интересно жить, интересно. В среду склад горел на Бакунинской. Во это да. Мы даже физру прогуляли.

И то сравнили: волейбол или пожар. По праздникам вроде ничего. Парад или там Новый год.

А бывает как сегодня - ни рыба ни мясо. День Конституции.

“Помните, дети, вам дали все права”.

И право сидеть на скамейке. Бери - не хочу.

Серый явился, не запылится.

А в руках бутыль. Литров на пять. И пробка у нее, резиновая.

- Пацаны, - говорит, - моя бабка раскол сконстролила.

Атас - вырви глаз.

- Рассол - это с похмелки. Мой отец очень уважает, - говорит Гуня.

- Да ты попробуй, - не унимается Серега. - Не пожалеешь.

Ну, Гуня, дурак, и хлебнул.

Рот разинул, как живая рыба, когда ее бабушка скалкой по голове бьет, покраснел весь. Я его спрашиваю: “Ну как?”

А он: “А... а... а...”

Глаза выпучил и ходу.

Во! - говорит Серега, - забирает не хуже водки.

- Сам пей свой “вырви глаз”, - обиделась Наташка. - А нам с Михрей жизнь дорога.

- Пошли, Михря, - говорит. Ну, а я чего. Встал и пошел.

За домом вижу, Гуня у автомата с газировкой стоит. Стакан за стаканом глушит. Я его спрашиваю: “Ну как?” Он допил, плечами пожал, на землю сплюнул, отвернулся и пошел. Молча. Руки в карманах, спина сутулая, как собака побитая.

Я его догнал. За плечи обнял:

- Брось, - говорю, - Гуня. Не бери в голову. Наплюй. Не хотел Серж. Ты же его бабку знаешь.

- Знаю. Весь двор знает. Ну что? Весело вам?

- Брось, Гунь. Я сам чуть не выпил пойло это поганое.

Тут Наташка подошла.

- Айда, - говорит, - в кино. У меня рубль есть.

Вот так всегда, где гадость, там и радость. А Серого мы не позвали.

Дома пусть ждет. “Вырви глаз” свой хлебает. Шутник хренов.

Впередсмотрящий

Сколько раз мать говорила: “Сначала думай, а потом делай”. А толку что?

Все меня на подвиги тянет.

Ну да ладно. Надо отсюда слезать.

Вот эта ветка справа вроде бы крепкая. Так. Встали. Ногу перенесли. Оп-па. Готово. Хоть на полметра, а ниже.

До чего же он здоровый, этот парк. На вывеске написано - “Парк МВО”. Значит, округа военного парк.

А так, в жизни, Лефортовский и Лефортовский. Гуня говорит: “Был такой друг у царя Петра - Лефорт. Вроде как он этот парк посадил”. Я сомневаюсь что-то. Мы с отцом одну яблоню посадили на даче у дяди Зимы и одну сливу. Запарились. А тут целый парк, деревьев немерено. А еще пруды. Небошь, солдаты сажали, а Лефорт смотрел.

Темнеет уже. Слезть надо.

Страшно чего-то. Насмотрелся фильмов про адмирала Ушакова. Мачта. Впередсмотрящий. Земля! Вот отец выпорет - будет мне земля!

Ой. Прохожий. И еще один. Mamочка, да это же патруль.

- Ну, дяденька, миленький. Дядя, дядя. Снимите меня отсюда.

Офицер и солдат патруля встали и начали озираться.

- Да тут я, тут, - кричу я им сверху. Они головы задрали, смотрят, а не видят.

- Эй, парень, ты чего там делаешь?! - кричит лейтенант. Увидел наконец.

- Врагов смотрю! - кричу я.

- Ну и как, увидел?!

- Не-а!

- Давай слезай!

- Не могу!

В общем, слово за слово, сняли меня. Домой привели.

Я папе слово дал, что больше никогда. Трудно быть впередсмотрящим. Неуютно, неудобно и страшно. Туалета там наверху вовсе нет. Соображаете? То-то же.

Оптимист

- Чудесненько. А теперь закройте правый глаз. Что это за буковка?

- Ё!

- Замечательно. А эта?

- К.

- Очень хорошо. А вот, к примеру, эта.

- Не вижу.

- Прекрасно. Идите и приведите маму.

Мама вошла в кабинет и через пару минут вышла грустная и озабоченная.

- Вот, Миша. Покапаем лекарство в глаза. Потом еще раз придем.

- А потом?

- Потом будешь носить очки.

- Ладно.

Всю дорогу до дома я шел и думал. А что же тогда “прекрасно”, “очень хорошо”, “замечательно” и “чудненько”. А?

Стрекальщики

- А мы ее мизинчиком.

Бах! Шашка полетела на пол.

- Упала. Упала. Все, Серега, держись. Сейчас я тебе устрою Ватерлоо, Наполеон недоделанный.

Что это значит, я не знаю, но так всегда говорит Илюшкин отец, когда играет в шахматы. Я прицеливаюсь. Щелк. Белая шашка пересекает всю доску и с размаха шарашит по переднему ряду черных шашек Сережки.

- Ура! Сразу три. Три! Три! Три!

Полюбуйся, посмотри. Сейчас, Серж, я тебя уконтроплю.

- Миша?

- Что, бабуль? - и когда она подошла, я и не заметил даже.

- А поумней игр нет? Не надоели вам эти шашечные вышибалки, стрекальщики?

- Не-а, ба. Не надоели. Смотри, как я его. Во! Бах! Бабах! И амба. Наши слева - ваших нет. Ну что, Серж, по-новой?

- А то.

Бесплатное кино

Собираться на лавочке у третьего барака мы начали еще до того, как “Берия вышел из доверия”, а уж после того, как “товарищ Маленков надавал ему пинков”, и вовсе. Считай, поселились там.

То, что перед лавочкой стол для домино - особой роли не играет, а вот то, что дядя Коля над столом и лавочкой навес сделал - здорово. Мы там и от дождя прячемся, и от солнца, и от ремня.

А с пятницы прошлой недели это уж и не лавочка даже, а кинотеатр какой-то. С нее же светофор и переход теперь видно, второй барак снесли, и забор у свалки разобрали. Вот и видно.

Так интересно. Только красный зажжется, и народ сразу же по переходу на красный побежал.

Кто же у нас на светофор смотрит? Да никто. А старшина наш, Степаныч, тут как тут. Беседа, штраф, все по протоколу.

Ну, я же и говорю, бесплатное кино. Смотри - не хочю.

Рай за сараем

Вчера Наташка мне говорит: “Пошли за сарай, чего покажу”. Что я там не видел, за сараем. Но пошел. Уважил Наташку. Только мы за сарай зашли, Наташка на цыпочки встала и чмок меня в щеку.

- Ты чего, Наташ? - я аж очумел от удивления.

- Да так, - отвечает, - настроение у меня хорошее. - И убежала. А я стою дурак дураком. Не знаю, что мне делать, но все-таки приятно. Нравится она мне, Наташка. Она добрая.

Тетя Дуся чуть что на меня шипит: “Смотри не балуй. А то Бог в рай не пустит”.

- А что там, в раю? - спрашиваю я тетю Дусю.

- Ой, сынок, там благодать и радость, - улыбается тетя Дуся. А раз так, раз радость, то что же это выходит-то? Что у меня рай здесь, за сараем?

Неприступные крепости

Если снежок покрепче да залепить им с размаха в ухо противнику, считай - вышел из строя наверняка. Вообще сотрясение может быть. И глаз можно снежком вышибить. А есть еще такие идиоты, что льдинками швыряются, так это вообще.

Льдышка, она - что камень. Даст так, ой-ей-ей. Мало не покажется. А что? В бою такой азарт приходит. Беда.

Это в прошлом году мы двух снеговиков слепили, Ивана да Марью, а в этом - две крепости. И обе - неприступные.

Это мы так решили. И правильно. Ведь если крепость взять, то что получается, играть-то не с кем и не во что. А если крепости неприступные, играй сколько влезет.

Мы так и делали. Выбежим из крепостей на пустырь и швыряем друг в друга снежки. Десять раз попал - ранен, сто раз попал - убил.

Поэтому у нас есть только раненые и тяжелораненые, а убитых - нет. Попробуй - попади сто раз в одного. Сто раз попадешь, сам помрешь. Как все становятся ранеными, мы каждый в свою крепость отходим. Запас снежков возобновлять надо? Надо.

А чтобы крепости неприступными были, мы вообще на приступ не ходим, а то еще возьмешь ее ненароком. Ну его...

Кашей - пли!

Вы когда-нибудь боевую римскую катапульту видели? А я видел. В книжке, у папы. Так вот. Эта катапульта - вылитая ложка. Только очень большая.

А стреляет - будь здоров. Я сам пробовал. Положил в ложку манную кашу, саму ложку положил на вилку и кулаком по черенку - бац!

Это в детском саду было, за завтраком. Каша - трах! И Гришке в глаз. Хорошо, у него очки. У нас в детском саду ни у кого очков нет. Только у воспитательницы и у Гришки. А Гришка про катапульту ничего не знал, поэтому он просто взял тарелку и всю свою кашу в меня запустил, но промахнулся. И Зинка промахнулась, и Колька. Зато Вася, "восемь на семь" - это у него кличка такая, не промахнулся, а попал прямо в Ларису Васильевну. Ну, то да се. Короче, выгнали меня из детского сада. Сказали, что я - неуправляемый. А зачем мной управлять? Что я им - автомобиль, что ли?

Ленивая поленница

Приближение каникул лучше всего смотреть по поленнице. Если поленница большая, дров много, то каникулы не скоро, а если дров чуть-чуть - порядок. Жди. Вот-вот и наступят. Для тех, кто ходит в школу, есть и другие способы. Им в школе говорят, так, мол, и так, до каникул осталось две недели, пора подтянуться, но я-то в школу не хожу, мал еще. Так для меня поленница самый точный способ.

А еще поленницей хорошо мерить трудолюбие. Зайдешь за сарай и смотришь. У Буренковых поленница низкая и разбирают ее всегда не сверху, а сбоку, потому что Славка Буренков известный во дворе лентяй. У него и поленница ленивая.

То ли дело у Наташки. У той поленница высоченная, аккуратненькая, полешко к полешку. И разбирает она ее

всегда сверху. Так Наташка с утра до ночи в делах. То для матери в магазин бежит, то подметает, то с сестренкой гуляет. Трудовая она девчонка - Наташка. Не то что Славка.

Выдра

Я сижу дома совсем один. Бабушка, папа, мама - все ушли на работу, а меня закрыли. Еще вчера я ходил в детский сад, а сегодня не пойду. И завтра не пойду, и послезавтра.

- Наше терпение кончилось, - так сказала Алла Федоровна. Ей видней, она - директор.

И все-таки это несправедливо. Трусы у девчонок сдергивали все. Все, кроме меня. Артем первый начал, Юрка и Тимур за ним. А я что? Я просто рядом оказался. Поэтому, когда Артем заорал: "Выдра идет!" - все кинулись врассыпную, а я остался. А чего мне бежать, ведь я-то знаю, что я не виноват?

Выдра - это Алла Федоровна, директор. Почему "выдра"? А я почему знаю? Выдра и все тут.

Зашла она в раздевалку, а там - девчонки голопопые и я. Девчонки визжать начали. Почему-то только когда Выдра вошла, а до этого молчали. Она грозно так спрашивает: "Кто?!" А девчонки хором: "Не знаем!" Тут я ей под руку и подвернулся.

- Кто!? - орет.

- Не знаю, - вру я ей. А что я - ябеда, что ли?

- Ах, не знаешь? - шипит Выдра, - тогда будешь отвечать за всех.

Ну и ладно. Дома тоже сидеть хорошо. Хотя немного одиноко и слегка скучно. Но все равно хорошо. А что ж я - ябеда, что ли?

Открытая душа

У отца на столе телефонов больше, чем у меня осталось молочных зубов. Мне из всех телефонов только два нравятся. Один белый с золотым гербом вместо диска и еще один черный, у которого на диске написано: "Помни! Враг подслушивает".

Я так думаю, что по черному телефону вообще ничего говорить нельзя. Все выболтаю. У меня язык - сам по себе, а голова - сама по себе. И врать я не умею. Зато умею очень здорово придумывать всякие небылицы.

Вот вчера во дворе рассказал Сережке целую историю о том, как враги украли государственную тайну, а мой па-

па их всех нашел и всех поубивал. Но я честно сказал Сережке, что все, что я ему рассказал, я придумал.

А вот сегодня меня мама спросила, почему я не разговариваю с Наташкой. Я думал, думал и тоже честно ей сказал: “Потому что она мне очень нравится”.

- Эх ты, - говорит мама, - открытая душа.

А что это такое - душа? И почему она открытая?

Я вечером у папы спросил: “Пап, а как закрыть душу?”

А он мне отвечает:

- А зачем ее закрывать? И перед кем? Ты ее береги и не держи нараспашку. А то у нас, - говорит, - душу с мусорным баком путают. Только откроешь, сразу плюнут в душу и дальше пойдут.

“Кто плюнет? Зачем?” - думаю.

- Пап, - спрашиваю я опять. - А кто плюнет?

- Подрастешь - узнаешь, - отвечает папа.

- А когда я подрасту? А?

- Слушай, отвяжись, дай поужинать.

Вот так у нас всегда, как доходит до самого интересного, так - отвяжись.

Горький пьяница

Кругом так много непонятого, что хочется закрыть глаза и ни о чем не думать. Но стоит только их закрыть, как сразу засыпаешь, а спать без конца и начала невозможно. Это все равно, что умереть. Я точно знаю. Когда хоронили папиного сослуживца, папа взял меня на похороны. Там папин начальник так и сказал: “Ты уснул вечным сном, дорогой товарищ Вайсман”.

Взять хотя бы прошлый выходной. Мы, все вместе - папа, мама и я - пошли погулять в “Парк культуры имени Горького”.

Здесь все непонятно. Мама сказала, что такого бескультурья, как в Парке культуры, она сроду не видела. На мой вопрос: “А Горький - пьяница?” - она ответила: “Нет, писатель”.

А еще вчера, когда Наташкина мама сказала, что дядя Сеня лежит во дворе около лавочки, мама ей ответила: “Бог с ним. Горький пьяница”.

Где же правда?

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

КАТРИОНА
КЕЛЛИ,
ПАВЛИК МОРОЗОВ
И
ЛУБЯНКА

Книга "Товарищ Павлик" профессора Оксфорда Катрионы Келли выпущена в 2005 году лондонским издательством "Granta". Научный труд, созданный на средства шести грантов, при содействии почти пятидесяти помощников, а также ряда организаций, в начале обманывает читателя, а заканчивается благодарностью сотрудникам КГБ-ФСБ. На деле, российские спецслужбы должны благодарить Келли. Об этом и еще кое о чем - заметки Юрия Дружникова.

Про труд "Товарищ Павлик, или Вознесение и падение советского мальчика-героя" (*Comrade Pavlik. The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero* by Catriona Kelly) я узнал из письма читателя из Англии. Читатель удивился: почему мой "Доносчик 001" опубликован под другим именем? Оказалось, вышла другая книга, но тоже о моем любимом советском герое.

Юрий Ильич Дружников - ныне известный русский писатель, историк литературы и профессор Калифорнийского университета. Его роман "Ангелы на кончике иглы" (срез редакционной жизни советских времен) получил признание и широкое распространение на многих языках, как ни парадоксально, от английского до русского. Не будем повторяться: только что, в "Вышгороде" 1-2,2005, опубликована очередная статья об этом романе: Люциан Суханек, "Женщины и ангелы у Юрия Дружникова" (авторский перевод с польского). Нужно сказать, что в Польше писатель чрезвычайно популярен, под его знаком прошло уже несколько международных конференций. Пожалуй, здесь впервые произнесено ключевое слово о "феномене Юрия Дружникова". Так называется один из сборников статей ученых, писателей, критиков России, Польши и других стран (Варшава, Москва, Рязань, 2000). Он и на сей раз, в июле 2005, прилетел в Варшаву, тем более что в задачи участников конференции входила "борьба с устаревшими мифами". О живучести одного из них писатель размышлял в беседе с Александром Щупловым: "Вышгород" 3,2003, "Дитя террора". Пионера Павлика реанимируют снова... - Ред.

Работа Катрионы Келли открывается заявлением: *“Это первое в мире на любом языке полностью документированное исследование о необычайной легенде про Павлика”*.

В 1979-84 годах в Москве я написал книгу *“Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова”*. Мальчик из глухой сибирской деревни в Советском Союзе был известен всем. По официальной версии, пионер донес на собственного отца и этим помог строительству коммунизма. Злобные кулаки, противники коллективизации, в 1932 году убили мальчика, а потом партия сделала его героем. Все дети страны должны были подражать подвигу Морозова.

Многое мне тогда показалось подозрительным в легенде о Павлике, и я стал тайно собирать материалы о нем: путешествовал по стране, встречался с последними очевидцами, разыскал его мать, брата, учительниц, одноклассников, а также важные секретные документы. В книге я доказал, что Павлик на самом деле пионером не был, донести на отца его научила мать, потому что отец ушел к другой женщине, а политика тут ни при чем. Наконец выяснилось, что убит Павлик был не родственниками, которых расстреляли, а скорей всего двумя работниками ОГПУ, чтобы запугать крестьян, которые не хотели вступать в колхоз. Моя книга рассказывает о кампании по превращению полуграмотного хулигана-подростка в самого известного советского пионера-героя, о всеобщем доносителе как трагедии, разрушившей человеческую мораль в России.

Рукопись *“Доносчика 001”* распространилась в самиздате, в виде микропленки попала в Лондонское издательство, где была опубликована в 1988 году. По стране прокатилась волна статей, в которых я обвинялся в клевете на пионера-героя, и меня готовились судить за оскорбление его чести, но Советский Союз рухнул. С тех пор книга издавалась несколько раз, в том числе в России и Америке. В 2001 году в Екатеринбурге вышла двадцатитысячным тиражом моя книга *“Русские мифы”*, в ней тоже есть *“Доносчик 001”*. В 2003 году Катриона Келли решила ехать в Сибирь, чтобы раскрыть правду о сенсационном убийстве. Перед поездкой она прислала письмо с вопросами, и я попытался ей помочь советами и литературой.

В 2005 вышла книга *“Товарищ Павлик”*, широко рекламируемая в Англии как *“первая в мире”* и *“полностью документированная”*. На суперобложке произведение Келли дважды названо *“блистательным”*. Внешне это серьезный научный труд: 621 сноска, 19 страниц библиографии, ссылки на архивы, индекс, список иллюстраций. Прочитав книгу, я увидел в ней, мягко говоря, больше сходства со своей книгой, чем на

то указывают сноски, и написал весьма миролюбивое письмо в издательство "Granta", предлагая начать диалог, чтобы выяснить, что произошло. Никто не может быть собственником исторических фактов, но отбор деталей, описание, комментарии принадлежат автору. Проще говоря, списывать не хорошо. Я получил жесткий ответ директора издательства Джорджа Миллера, полностью отрицающий заимствования: на меня, мол, в книге сделано "свыше 25 сносок" и, если я буду настаивать на своих претензиях, они наймут адвокатов.

Приходится сравнить книги: мою и Катрионы Келли, чтобы читатель понял суть ее работы.

Заимствования из "Доносчика 001" без сносок

Странно: почему Катриона Келли пользуется моей книгой, вышедшей в "Московском рабочем" (1995), а не американским академическим изданием 1996 года со справочным аппаратом и прочее? Зачем она переводит с русского, когда эта же моя книга есть на английском? Больше того, с какой целью английское заглавие она переводит на... английский как "Denouncer 001", хотя моя книга, имеющаяся во всех больших библиотеках, магазинах мира и в интернете называется *Informer 001. The Myth of Pavlik Morozov* (Издательство Transaction - The Rutgers State University, 1996)? И, между прочим, почему Келли пишет мое имя Yuri вместо правильного Yurii, которое на обложках моих английских книг?

Оговорюсь, что цитаты из ее книги здесь приходится переводить на русский.

Подзаголовок моей книги "Вознесение Павлика Морозова", ее книги - "Вознесение и падение советского мальчика-героя".

В начале своей книги я решил, как в драматическом спектакле, сделать список "Участники событий". В книге Келли этот заголовок так и переведен: "Dramatis personae". Для удобства читателя список действующих лиц я поделил на группы, Келли повторяет. Сравните:

У меня : "Семья Морозовых" - у Келли: "Клан Морозовых".

У меня: "Следователи" - у Келли: "Следователи ОГПУ".

У меня: "Крестьяне деревни Герасимовка" - у Келли: "Другие жители деревни".

У меня: "Создатели мифа о Морозове" - у Келли: "Пропагандисты".

Я даю возраст участников - Келли дает их год рождения. Добавленные ею в мой "Список участников" люди не всегда имеют прямое отношение к делу. Некоторые взяты ею из моей же книги - я не включил их за ненужностью.

В конце "Списка участников" у меня имеется краткое пояснение многочисленных разночтений в именах, встречающихся в документах и прессе (собрать эти сведения была трудоемкая работа). Келли переносит эти разночтения в начало "Участников событий", пересказав своими словами и добавив свое.

Теперь сравним названия глав в обеих книгах. Итак, у меня и - у нее:

"Суд в Тавде" - "Смерть в тайге".

"Как сын донес на отца" - "Павлик донес на отца?"

"Был ли он пионером?" - "Пионер: доказательства найдены?"

"Кто же убийца?" - "Расследуя убийство".

"Слава доносчикам!" - "Всесоюзный герой".

"Данный мальчик и товарищ Сталин" - "Павлик и Сталин".

В предисловии "Смерть в тайге" Келли соединяет фразы из моего предисловия "Опасная тема" и из моей первой главы "Суд в Тавде". Вот для примера моя страница 5 и страница 2 у Келли:

Дружников: "Слава Павлика Морозова затмила известность многих героев. Об этом мальчике созданы сотни произведений в разных жанрах - от поэм до оперы. Его портреты в картинных галереях, на открытках, спичечных коробках, почтовых марках... В разных городах стоят его бронзовые и гранитные статуи. Школы, носящие его имя, имеют особые залы-музеи Павлика Морозова... Именем Павлика названы корабли и библиотеки. Его официальная должность - Герой-пионер Советского Союза номер 001".

Келли: "Предметом этой славы был Павел, или Павлик, Морозов, первый ребенок-герой в Советской истории, канонизированный... в книге Почета Московского дворца пионеров как Пионер № 001... Он предмет песен, пьес, симфонической поэмы, и даже целой оперы... Улицы, парки и дома культуры носят его имя, а также самолеты и корабли, не говоря уж о пионерских отрядах и пионерских уголках в школах. Он даже вдохновил... Эйзенштейна на фильм "Бежин луг".

Как видите, у Келли тут добавлены симфоническая поэма, самолеты и Эйзенштейн. Это упоминается у меня же в книге чуть ниже. Кстати, часть этой моей фразы "через книгу Келли" попала в хвалебное ревью газеты "Санди таймс" (22 мая 2005). Таким образом текст из моей книги, вышедшей в 1995 году, рекламирует книгу Келли, вышедшую десять лет спустя.

Еще важнее заметить следующее. Если Келли не списывает с "Донсчика 001", то почему она пишет, что юный ге-

рой значится в советских документах "пионером 001"? Ведь там он просто пионер №1. А 001 - это мной лично придуманный бренд, образ по аналогии с супершпионом Джеймсом Бондом, агентом 007.

Я ехал в Сибирь, когда было неясно, существовал мой герой на самом деле или выдуман, и, выяснив, писал: "Мы начинаем расследование с того, что сообщим... легендарный Павлик Морозов действительно жил на свете. Во-вторых, он действительно был убит" (с.7). Келли списывает: "Мальчик Павлик Морозов действительно существовал в том смысле, что он вырос там, где рассказано в легендах, и был убит" (с. xiv).

В своей книге я занялся ономастикой (наукой об именах), чтобы объяснить имя героя - Павлик. У меня - обсуждение разновидностей имени Павел, Пашка, Павлуша, Павлик (с.61); у Келли пересказ этого на с.35.

Вот описание показательного суда в Тавде над убийцами Морозова:

У меня: "Перед началом процесса в городе были организованы демонстрации трудящихся" (с.15).

У Келли: "Перед началом процесса в Тавде были организованы демонстрации и политические собрания (с.98).

Я: "На заднике висел портрет Павлика" (с.20).

Келли: "Как задник использовали большой портрет Павлика" (там же).

У меня: "Привели около тысячи детей... Дети держали плакаты..." (с.16).

У Келли: "Снаружи тысяча детей держали флаги и знамена..." (с.110).

Интересно, что мои личные соображения по тому или иному поводу поданы так, будто это собственные мысли Келли:

Моя книга: "Сообщения газет о том, что в зале присутствовало две тысячи, были явно преувеличены" (там же).

Книга Келли: "Сообщения газет - 2000 присутствовали в клубе имени Сталина, чтобы следить за происходящим, - были явно преувеличены" (там же).

Дружников: "Мы не располагаем письменным указанием Сталина о Павлике Морозове" (с.205).

Келли: "Сталин не играл, насколько я (то есть Келли!) могу сказать, главную роль в распространении культа Павлика" (с.15). И то же самое списывает еще раз: "Сталин никогда не высказывался о Павлике публично" (с.147). Таких повторов - следствия плохого редактирования текста - в книге Келли много.

У меня говорится: "Такие слова не могли быть опублико-

ваны без согласований. Цензура зорко следила за каждым упоминанием имени..." (с.220).

У нее: "В стране, управляемой цензурой, где публикация была предметом строгого регулирования, такой процесс не мог пройти просто так" (с.139. Тут, вдобавок, у Келли неточность: страна управлялась не цензурой).

Вот как выглядит заимствование моего комментария об установке памятника Морозову.

Дружников: "Памятник поставили спустя еще десять лет, и не у Красной площади. А появился монумент на Красной Пресне... На открытии присутствовали лица второстепенные" (с.221).

Келли: "Памятник... не поставили в революционном пантеоне на Красной площади... Вместо этого его поместили в "Парк имени Павлика Морозова" на Пресне... Примечателен список лиц, присутствовавших на открытии... Не было представителей руководства..." (с.188).

Есть такой метод "творчества": берем цитаты со сносками из чужого произведения, а текст между цитатами пересказываем своими словами. Так у Келли звучит раскрытая мной история отношений молодого писателя Соломеина и Горького (у меня сс.143-151; у Келли сс.140-145). Допустим, автор "Товарища Павлика" независимо пользовалась печатными источниками. Но почему выбраны те же цитаты в той же последовательности, что в книге "Доносчик 001"?

Так же от себя Келли пересказывает то ближе к тексту, то дальше другие мои раскопки.

Я делаю вывод: "Останки пионера-героя и его брата были залиты двухметровым слоем бетона... Теперь ревизия могилы невозможна" (с.136).

Келли переписывает так: "Убийство Морозовых, похоже, остается нераскрытым навсегда. Кости мальчиков покрыты бетоном..." (с.259).

То и дело нахожу без ссылок переложение своих мыслей, фактов, кропотливо собранных мной во время поездок по стране. Я съездил в тринадцать мест России, Келли - в Герасимовку. Пересказы моих отрывков перебиваются добавками, так сказать, разжижением. Можно привести три оды о Павлике, можно 33, - что изменится? Иногда главы или их части переставлены в другом порядке. Ощущение, что моя книга нарезана на фрагменты, которые использованы в разных местах книги Келли, а потом перефразированы, хотя легко узнаваемы. Примеры могу продолжить, но боюсь утомить читателя. Скажу лишь несколько слов об иллюстрациях.

В книге "Доносчик 001", которой Келли пользовалась, 77 фотографий, в книге Келли 38, причем худшего качества, и

это основная разница. Книга "Товарищ Павлик" делает как бы параллельный моим ряд фотографий: у меня разные памятники Морозову, фото опрошенных свидетелей, рисунок из повести, где Павлик доносит, - и у нее. У меня Сталин с детьми, Горький, кадр из фильма Эйзенштейна, картина из Третьяковки, место убийства и т.д., и у Келли тоже. Часть иллюстраций - точно те же самые, но ссылки на другие источники. Где возможно, Келли фотографирует то же самое, подписывая свое имя.

Например, в деревне Герасимовка Келли подходит к камню, установленному на том месте, где сгорел дом Павлика Морозова. Келли делает фото сама, подписывает: "Монумент в Герасимовке, несущий команду Горького: "Память о нем не должна исчезнуть". Надпись теперь почти полностью невидима. Сентябрь 2003. Катриона Келли". Как же Келли удалось прочитать надпись на камне, если она почти невидима? Ответ прост: в "Доносчике 001" текст хорошо читается на моем снимке, сделанном 25 лет назад. Я даю фотографии документов из дела Морозовых - и Келли делает то же самое, только другие документы. У меня снимки из газеты "Пионерская правда" - и у нее точно те же снимки со ссылкой, естественно, на те же номера газеты.

Самое щекотливое место - найденная мной единственная фотография Павлика. Доказательства подлинности имеются в моей книге. Без этой фотографии всей книге грош цена. Келли публикует это фото с подписью, что оно взято из музея Павлика в Герасимовке. Но музей-то перепечатал это и ряд других фото (тоже взятых Келли оттуда) - из моей книги. И обложку в издательстве "Granta" сделали по образцу моей американской книги: крупно портрет Морозова на суперере и тот же красный цвет книги. Только у меня - документальное фото, а там рисунок героя, то есть опять советский миф. Моя книга служила Катрионе Келли "путеводителем" по местам славы Павлика Морозова: что произошло, кто участвовал, куда поехать, с кем разговаривать, что фотографировать.

Чем книга Келли отличается от "Доносчика 001"?

В моей московской книге 1995 года, которой пользовалась Келли, 265 стр. У Келли текста без приложений - тоже 265 стр. Но это, конечно, случайное совпадение. Серьезнее то, что по всей книге Келли рассыпаны фактические ошибки: даты, имена, названия, разные неточности, проистекающие, видимо, от разных причин, в том числе и от непонимания российских исторических реалий. Перечисление ее ошибок не входит в мою задачу.

Что же в книге Келли - ее собственное? Хотя подзаголовок, как говорилось, частично заимствован, название *Comrade Pavlik* ("Товарищ Павлик") Келли, возможно, придумала сама. Выражение неудачное, ибо по-русски "товарищ" употребляется только с фамилией или, совсем редко, с партийной кличкой. Нельзя сказать "товарищ Иосиф", надо "товарищ Сталин". Павлик - ребенок, никто умственно неполноценного мальчика звать "товарищ Павлик" не мог. Мои рассуждения на тему о Павлике, главном герое, и авторах первых книг о нем (что тоже взято из "Доносчика 001") расширены у нее примерами про книги других советских писателей, что не имеет к теме отношения, но увеличивает объем книги.

Я не пишу рецензии, но приходится заметить, что на практике стремление Келли к "полной документированности" привело к заполнению книги случайными и общеизвестными фактами. Взятые за основу мое исследование о герое-доносчике разбавлено общеизвестной учебной информацией о социализме, коллективизации, воспитании детей в Советском Союзе, детских домах, "Капитале" Маркса, русских и французских царях, природных богатствах Урала, кибуцах в Израиле и т.п.

"Товарищ Павлик" наполнен материалами, не имеющими прямого отношения к делу Павлика: элементарными сведениями о Замятине, Чапаеве, Платонове, Цветаевой, Островском, Александре Блоке и Любви Менделеевой, Твардовском, Иосифе Бродском... Тут есть про древних греков, "Сказание о Борисе и Глебе", дело Бейлиса, про композитора Бриттена, про Гамлета, Раскольникова, братьев Карамазовых, Анну Каренину, Маяковского, умершего за два года до дела Павлика, горьковского Данко. Тут и Корней Чуковский, и Агния Барто, и Гайдар, и Генрих Сапгир, и многие другие, - подчас с длинными цитатами из произведений. Впечатление, что куски вклеены из другого сочинения: на суперобложке уже афишируется будущий труд Келли о детях в России. 85 страниц справочного аппарата придают исследованию "академичность". Деньги грантов расходовались с размахом. Келли пишет, что россияне, которые не были профессиональными историками, как она, поражались, сколько долларов она тратит на ксероксы в библиотеках, на таксистов из-за какого-то Павлика (с.218). Плюс - добровольно ей помогали в России десятки лиц, сопровождали ее в поездках.

Да, чуть не забыл. Оригинальное в книге Келли - описание природы и погоды в Западной Сибири в сравнении с Англией и Ирландией и рассуждения, как по-английски произносить русские имена. Но если серьезно, то, как сейчас уви-

дим, принципиальная разница есть: мое исследование, несмотря на трудности работы, автономное, ее - зависимое от тех, кто пустил ее в архивы.

Келли на Лубянке

В начале и в середине книги Келли рассказывает о визите в тайную полицию России, а в конце - благодарит КГБ-ФСБ за помощь. Это главная часть ее труда. У нее нашлись добровольные или платные помощники, которые открыли перед ней двери в Центральный архив ФСБ.

Прежде всего ее занимал мой вопрос, поставленный во главу угла в "Доносчике 001": кто убил братьев Морозовых? У меня - доказательства (хотя не окончательные), что детей убили агенты ОГПУ, чтобы обвинить кулаков и начать против них террор.

Рассказ Келли о визите на Лубянку наполнен странным для западного человека восхищением. Ее допустили в святая святых, куда не всякий войдет и откуда не всякий выйдет. Она приглашена в приемную, где мне грозили арестом и психушкой, если опубликую на Западе рукопись про Павлика. В приемной ФСБ, пишет Келли, "просторно и изобилие цветов на подоконниках". Может быть, она сидела за тем же столом, за которым меня двадцать лет назад без цветов допрашивали о связях с иностранцами? Келли пишет в книге, что "сотрудники вежливы и помогают редким посетителям". Дальше - внимание! *"Когда я спросила, можно ли опубликовать материал из папки, мне ответили: "Это как раз то, что мы хотим, чтобы вы сделали" (с.хххi).*

Почему Келли дали посмотреть дело № 374? "Говоря откровенно, - скромно объясняет она в предисловии, - я получила разрешение просто потому, что я первая серьезная исследовательница, запросившая дело". Наконец-то КГБ нашел серьезного ученого, да еще иностранку! Понимает ли она, что ларчик открывается просто: ее заранее тщательно проверили и решили, что она "подходит".

Приходится разочаровать Келли. Она не первая: дело уже давалась вовсе не серьезным ученым, но тем журналистам, кто по заданию КГБ должен был разоблачить меня как изменника родины и клеветника на героя Павлика Морозова. Знаю, по меньшей мере, двух лиц.

Страница за страницей Катриона Келли приводит выписки из показаний свидетелей и участников драмы в Тавде, показаний, полученных сотрудниками секретно-политического отдела ОГПУ запугиванием и битьем. В какой-то момент Келли засомневалась (ведь читала же у меня в книге, что дело фальшивое). Пишет: "Если это фальсификация, то по мень-

шей мере изощренная". Сомнение резонное. Но причем тут "изощрения"? Неужели Келли действительно не понимает, что имеет дело с профессионалами дезинформации?

Келли спрашивала меня, где дело, которое в моей книге обсуждается как "дело № 374", и я ей объяснил. 25 лет назад у меня в руках оказались важные секретные документы НКВД по этому делу. Теперь читаю мне упрек, что у меня не указано имя человека, мне эти документы доставшего. Неужели не понятно, что книга писалась в советское время и надо было хранить тайну? Я опросил последних свидетелей, всех, кого смог разыскать, Келли осталось спрашивать у ФСБ. Там ей показали дело № 374 (теперь, переименовав несколько номеров, его назвали Н-7825). Что же ей показали?

Об этом она сообщает сама: "Первый том состоит из, примерно, 500 отсортированных писем пионеров и школьников, требующих смертельного приговора убийцам. Второй содержит документы, такие как 250 страниц рукописных показаний. Найти смысл в них нелегко" (с.70). Келли путается. Например, публикует с разрешения ФСБ ксерокопии "Запись показаний свидетеля" и "Свидетельство о смерти", как она его неправильно называет, (сс.83 и 99). В действительности это "Акт", то есть протокол. Келли не замечает подделку: обе бумаги написаны одним милиционером Яковом Титовым, но... разными почерками. А я располагал рукописным "Протоколом подъема трупов", написанным этим милиционером.

Несколько раз Келли жалуется (например, с.226), что важных документов в деле нет, или не хватает страниц, или они вообще уничтожены, замечает, что множество документов подложные. Она даже называет это "беллетристика в архиве" (с.223). "Папка Н-7825 не содержит полного объяснения нераскрытого дела", - пишет она (с.71). *Получается, что документы, обнаруженные мной в 1980 году и доказывающие причастность ОГПУ к убийству Павлика и его брата, оказались важнее.* Келли спросила того, кто выдавал ей материалы (о чем сообщает в сноске), почему ряд страниц отсутствует. "Об этих страницах мне было отвечено, что они исчезли до передачи дела в Центральный архив (ФСБ - ЮД). Служащий, который мне ответил, тут же предположил, что это случайная путаница в нумерации страниц, но это кажется неправдоподобным, имея в виду количество исчезнувших страниц. Возможно, они были вынуты..." (с.282).

Ни единого документа с новой существенной информацией, отвечающей на вопрос "кто убийца?", "серьезной ученой" из Англии не открыто. Но побывав на Лубянке, игнорируя мои аргументы, Келли пишет: "Вопрос, был ли Павлик

пионером, следует считать не доказанным" (с.239). О доносе Павлика на отца Келли хотелось узнать из уголовного дела отца Павлика Трофима Морозова, но ответработник ФСБ сказал ей что "дело сгорело в пятидесятых годах" (с.244). И, после визита, еще вывод Келли: "Трудно согласиться с Дружниковым, что донос Павлика должно принять как доказанный факт" (с.243). По Келли, как и по нынешней официальной версии, мальчик-герой и не доносил вовсе: он просто был патриотом своей страны. Как и прежде, Лубянка защищает своих героев. Тайная полиция бессмертна.

Келли приходит к правильному для ФСБ выводу, к тому, что писали, да и сейчас пишут некоторые газеты, обвиняя меня в клевете на героя. Павлика убили те, кто указан в решении суда, то есть дед, бабка, двоюродный брат, дядя и - это просто уголовное убийство по причине семейной ссоры. ОГПУ за дело покарало преступников.

Келли заявляет: "Я недовольна официальной версией, что фактические убийцы были спровоцированы кулаками" (с.5) - но это было моим постулатом четверть века назад, а теперь стало общим местом российских историков и даже властей. Келли предлагает "свою" версию убийства детей, но эта версия (бытовое убийство) - повтор уже одобренного официально. Вывод Келли соответствует решению Генеральной Прокуратуры России, которое утвердил Верховный суд в 1999 году. Суть постановления: оставить приговор показательного суда без изменений. Это значит, сейчас убийцами положено считать тех, кого в 1932 году назначило ОГПУ-НКВД.

Защита позиции Лубянки тем более удивительна, что Келли знает про ужас происходившего, про то, что имели место "экономическая и политическая катастрофа, жестокое насилие над российским крестьянством, советская судебная система, построенная на издевательствах над правами подозреваемых и арестованных" (с.219). Келли согласна, что "другие убийства с политическими целями на Урале имели место" (с.236). Келли пишет, что документы о процедуре расследования в деле Морозова изъяты и показания свидетелей недостоверно обработаны. Были подозреваемые виновны на самом деле или не были, резонно рассуждает она, их признания никак не учитывались при проведении современного обжалования дела в суде. И при этом, побывав в ФСБ, она приходит к выводу прямо противоположному, но - совпадающему с версией тайной полиции.

ФСБ и Келли спасают честь двух агентов, Карташова и Потупчика, которых я разыскал и которые, по всей вероятности, виновны в убийстве детей. Моих доказательств значительно больше, чем возражений Келли, возникших в прием-

ной ФСБ. Да и сама она не уверена, пишет: "может быть", "кажется", "проблематично, как ни подходи", "имеется ряд сомнений" и т.д. (это только на одной с.235). Следствие 1932 года описано Келли как не очень четкое и объективное, но вывод ее: *ОГПУ работало в рамках закона, дед и бабушка Павлика расстреляны правильно. Вот где книга Келли отличается от моей! Вынужден повторить из своей книги мысль, написанную 25 лет назад: "Оставим окончательный приговор тем, кто сумеет раскопать дело об убийстве Павлика Морозова глубже нас. Наверняка ясно одно: кто бы ни был исполнителем, убийство либо совершено руками ОГПУ, либо им спровоцировано. Преступные действия ОГПУ остаются даже в том случае, если удастся доказать, что убийство двух мальчиков совершено родственниками из мести доносчику. Сотрудники тайной советской полиции сделали все, чтобы это убийство состоялось... Это они - подлинные герои сложившейся системы, участники не придуманной, а реальной государственной террористической организации"*.

Моя книга, написанная в тяжелые годы в Советском Союзе, обвиняет ОГПУ-НКВД-КГБ в том, что я называю государственным террором против народа, в том, что КГБ - преступная организация. И сегодня я готов подписаться под этим текстом. А по Келли, оказывается, я не мог быть объективным, не понимал, что многое со времен Павлика изменилось и КГБ, которое меня преследовало в 70-80-е годы, стало другим. Она сравнивает всерьез: Троцкого убили, а меня преследовали более гуманно, - ведь я остался жив (с.234).

Книга Келли появляется вовремя, когда путинские органы устанавливают контроль за прессой и судебная система возвращается к сталинскому образцу показательных процессов. Поддержка извне, похвалы, одобрения очень важны российской тайной полиции, по существу пришедшей к власти в стране. Такая власть в конкуренции с партией в советские времена чекистам и не снилась. Келли называет свою работу "полностью документированной", - на Лубянке с этим соглашались, с чем и поздравляем профессора Келли. Невольно возникает подозрение, что издательство "Granta" попало на удочку ФСБ.

Если найдется в России издатель, чтобы выпустить книгу Катрионы Келли на русском (наверное, она стремится к этому), то ясно, что этот издатель связан с теми, кто "первую серьезную ученую" принял с цветами на подоконнике. Этого издателя, однако, ждут проблемы с нарушением авторских прав.

“Товарищ Павлик” и академическая этика

В конце книги Катрионы Келли имеется список на три страницы: мерси тем, кто помогал. Кроме шести упомянутых грантов, обеспечивших финансовую базу, тут благодарность еще не менее чем пятнадцати различным организациям, а также примерно пятидесяти разным лицам, начиная от преподавателей, которые принимали экзамены вместо нее, когда Келли отбыла в Россию, и кончая теми, кто делал в российских библиотеках ксероксы за деньги. Среди пятидесяти имен упомянут и я со следующим комментарием: “Началось с того, что книга Юрия Дружникова привлекла меня темой, и он был достаточно любезен, чтобы ответить на письма об истории Павлика Морозова” (с.340). Стало быть, если бы не было моей книги, то и книги Келли не появилось бы.

Рассказав большую часть истории Морозова - точно те же два аспекта, что у меня (расследование убийства и создание национального героя), - Келли вдруг называет мою книгу “захватывающей” (с.230). Но рядом читаем: “Демифологизирующая книга Дружникова была искусно сделанным описанием - хотя и неудачным - мальчика, который всплыл в те годы” (с.262). Келли даже находит ошибку в моем издании: Сергею Михалкову было в 1932 году 20 лет (я округлил его 19 с половиной). Келли заключает: “Более важно, что книга Дружникова, несмотря на успех, внеисторична” (с.233). Конечно же, “исторична” ее собственная книга!

Книжка профессора Келли названа “полностью документированной”, хотя даже школьникам известно, что полностью документированных исследований, тем более исторических, не существует. Всегда могут открыться неизвестные аспекты дела, документы. Кстати, “Товарищ Павлик” оказался бы значительно лучше документирован, если бы Келли, кроме одной моей книги, почитала другие материалы, написанные мною же за четверть века после “Вознесения Павлика Морозова”.

Поразительно, но свой приоритет Келли начала утверждать за два года до выхода ее книги. Например, в статье “Маленькие граждане большой страны” (журнал “Новое литературное обозрение”, Москва, 2003, № 60) она писала: “Более подробно об этом и истории Павлика в целом см.: Kelly K. Pioneer Pavlik (в печати); Дружников Ю. Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова. М.: Московский рабочий, 1995”. Куда смотреть? “В печати” - это ложь: ее книга еще не написана (даже название придумано временное), но Келли уже впереди планеты всей!

В конце книги, потеряв чувство меры, Келли размышляет о значении своего труда для России: “...история о том, как

миф о Павлике был создан, история, рассказываемая в этой книге, будет изучаться и демонстрироваться, когда Музей Павлика Морозова в Герасимовке будет снова открыт" (с.221). Больше того, как в известном анекдоте о поэте, который вышел к коллегам и сказал: "Написал пять стихов о любви. Закрыв тему!", Келли решительно закрывает тему героя-доносчика, уверяя всех, что после ее книги историкам на данном поле ничего не светит. "Я подчеркиваю, однако, - заявляет она, - что узнать правду о Павлике Морозове и его убийцах, по всей вероятности, теперь невозможно" (с.5). Келли не видит подвоха в собственных словах: ведь прочитав фальшивое дело № 374, она *ничего принципиально нового не узнала*. Между прочим, уникальные материалы, которые прошли мимо ее внимания, будут в новом издании моей книги "Доносчик 001".

Итак, что это: плагиат? Или использование чужого труда в качестве "cook book" (кулинарной книги)? Как быть с академической этикой? И не назовет ли проницательный читатель Катриону Келли "Имитатором 001"?

Дейвис, Калифорния, 2005
Перепечатка статьи разрешается

НА КУХНЕ ЮРИЯ ДРУЖНИКОВА

Как у всякого, считающего себя таковым, русского интеллигента эпохи советского антика (1), местом творения, творческой площадью, у Юрия Дружникова была камерная кухня или длинная очередь. “Камерная кухня” - двусмысленность с подтекстом, как у поэта в стихах: “Камерная лирика? Нет! камер / лирика и каменных камор”. (2) А очередь - это уже на генном уровне, как факт биографии. “Я родился в очереди” - так называется книга. (3)

И вот одна из настоящих, поистине “камерных” историй, “которые всплывают у нас на кухне”, напечатана в журнале “Вышгород” 1-2,2005: “Наследник из Туруханска”. Кстати, она, видимо, не случайно, как и большая часть литературоведческих исследований “по Дружникову”, то есть “дружниковедения”, имеет неожиданный выход на Польшу.

Дочь писателя-зека Роберта Штильмарка (бывшего советского офицера, на которого донес напарник по гостиничному номеру - за откровения “по-пьяной” о том, “что немецкая военная техника лучше советской”) “вышла замуж и переехала в Варшаву. У нее свое маленькое издательство, которое русских книг, если моя информация не устарела, вообще не издает”. Эта деталь финала “истории” (рассказа, этюда, эссе), казалось бы, второстепенная, поначалу вызывает удивление: “Да почему же?” - граничащее даже с подсознательным протестом, эдакой тенью обиды за русские книги. И тут же возникает желание: проверить! - будучи в Варшаве - что сейчас издает дочь автора “Наследника из Калькутты”, прошедшего ад туруханских лагерей.

Попутное замечание в концовке малой вещи, микроэмуара, вдруг вызвало у меня в памяти статью Анджея Дравича в нашем “польском” номере 1997 года - “Пропасть, которая во мне болит и жжет”. Это строка из стихотворения Ярослава Ивашкевича “России”: “Что тебе сказать, что тебя ненавижу? Или сказать, что люблю?”

И в продолжение - мысли “анонимного автора” (как известно, самого Анджея Дравича), записанные в камере для интернированных участников Солидарности в febbra-

В основе публикации - доклад Людмилы Глушковской “Тексты Ю.Д. в журнале “Вышгород” на Варшавской конференции. “События”, с. 179.

ле 1982 года. “Сколько же, Россия, у тебя могло быть друзей, если бы ты их так часто не истребляла?” (4)

Это - “более сложные чувства”, чем “ненавижу” и “люблю”. Это - извечный “русский вопрос”, который, думается, тревожит и наследницу русского писателя Роберта Штильмарка, и рассказчика истории “Наследник из Туруханска”.

Там был “наследник”-преследник, уголовник, криминальный авторитет, мародер, присвоивший чужое сочинение и пытавшийся воспользоваться “авторским правом”, авторитетом таланта, для досрочного освобождения. Вообще-то вполне типичный случай, - литератор, отдавший свое перо, свою рукопись “начальнику” (то ли палачу, то ли стукачу, то ли надсмотрщику).

Но есть любопытная деталь, подчеркнутая в разговоре уже на нашей кухне моим собеседником-писателем. После восстановления своего доброго имени Штильмарк, и до того разделявший свой гонорар с “соавтором”, который его шантажировал, угрожая прислать “Васю-санитара”, теперь уже, без страха и упрека, “учитывая большую помощь уголовника... в создании условий для написания романа”, снова благородно перевел ему часть своего дохода... Бандиту, который еще в лагере, получив рукопись, решил избавиться от писателя и “заказал” его тому же “Васе-санитару”. Да вовремя для политических помер “усатый”...

И хотя “вождь всего прогрессивного человечества” является неотъемлемым фактом всех биографий на этом этапе нашей каторжной истории, для Дружникова он - особь статья нравственного кодекса коммунизма. Пожалуй, “усатый”, наряду с Пушкиным, у него с детства - один их обязательных “героев”.

“В 1951 году я чуть не получил серебряную медаль. Поставили тройку по истории “за ошибки в изложении роли товарища Сталина в Гражданской войне”. (5)

И зловещий, и культовый, и анекдотичный герой. Во всех жанрах: и в романе “Ангелы на кончике иглы (6), и в сборнике публицистики “Я родился в очереди”, и в полемических эссе “Дуэль с пушкинистами”. Ах, какие чудные анекдоты в главке “Пушкин, Сталин и другие поэты”. Благодетель велел печатать первого поэта России, даже дать ему квартиру, а потом (и это звучит абсолютно достоверно) приказал: “Товарищ Дантес, распорядитесь насчет товарища Пушкина”. За этот анекдот, замечает Дружников, одному математику лагерный срок удвоили... (7)

Цитирую это же эссе, где есть одна замечательная исследовательская находка, которая нам сейчас пригодится.

“Итак, великий русский писатель-патриот, национальная святыня, живой памятник, человек-заповедник, создатель современной русской литературы и языка стал символом великой страны Советов и олицетворением всего самого лучшего в советском народе. После победы во Второй мировой войне народ этот, согласно имперскому кремлевскому мифу, стал Мессией и обрел право вести в светлое будущее другие народы и государства. Осуществлял это право на практике великий кормчий, который стоял у руля. Таким образом, глава страны Сталин соединялся кратчайшей линией с главным поэтом, ведь, как и Сталин, Пушкин именуется “великим вождем”. (8) И ссылка на сборник “Пушкин” 1941 года! Просто невероятное отождествление! Одна из документальных, сверхдоказательных подоснов художественного метода Юрия Дружникова.

Так вот на нашей кухне мой собеседник-писатель, пролистывая микророман “Вторая жена Пушкина” (9), дал мне еще одну подсказку, еще одну деталь.

Моргалкина, прижимая к себе Пушкина и сына Сашу (!), бросается в черную мглу Невы. “Фанерного Пушкина, ушедшего под лед в обнимку с Дианой, в устье Невы подцепили и вытащили рыбловы. Краска от дерева отслоилась, остался грязный деревянный силуэт. Рыболовы решили, что это Ленин, выброшенный после недавней демонстрации красных. Разрубили его на куски и хотели использовать для костра. Намокшая фанера гореть не хотела, дымилась... Пришлось мокрые куски вытащить из костра. Их побросали обратно в реку, и течение унесло обломки в залив”.

Целая эпоха вырастает из одной детали. И культ личности: Пушкин-Ленин-“вождь” - не все ли равно... И новое время с его красной оппозицией. И “простой народ”, который швыряет “обломки самовластья”, “грязный деревянный силуэт”, в реку забвения...

Вот вам соединение трагикомедии с официозом (пусть и на уровне второго-третьего плана) и эффект обратной перспективы: фанерная бутафория советских демонстраций вполне документальна.

Например, в районной газете “На Ленинском посту” (Сибирь) в 1950 были напечатаны такие детские стишки:

Здесь ветераны и врачи,
Здесь инженеры и ткачи,
Здесь с голубями из фанеры
Сияющие пионеры.

Диана Моргалкина, конечно же, оттуда, хоть и моложе, наверно, на два поколения; она из пионерской организации имени Павлика Морозова. Тоже одного из главных,

культовых героев советских мифов, а по Дружникову - “доносчика 001”, жертвы, принесенной на алтарь коммунистической морали. (Кстати, Павлик Морозов до сих пор удостоивается совковой апологетики, а документальное исследование Юрия Дружникова “Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова” - плагиатов.) (10)

Безусловно, Диана Моргалкина уже другая, образованная, университетская, просвещенная, однако - усвоившая все обязательные стандарты, принявшая и эти мифы, и этот порядок, как говорится, с молоком матери (о родителях ни слова; их “давно не стало”; живет в питерской коммуналке). Она правоверная, идолопоклонница, язычница советского разлива. Квинтэссенция образа фанатичной “пушкинистки”.

Возвратимся к главке “Пушкин, Сталин и другие поэты” из “Дуэли с пушкинистами”. Цитирую: “...должностные пушкинисты состояли при этой государственной религии, становились монопольными толкователями мыслей святого поэта, жрецами, ведающими Пушкиным, его рукописями и даже его родственниками”. (11) Моргалкина - из них же. “Она состояла при Пушкине, была у него на содержании; он ее не только кормил... но был опорой, в нем одном был смысл ее существования”. (12) Мы можем лишь додумывать, когда она “ушла” и от Ленина, и от Сталина, и от Павлика (а пушкинист Конвойский тоже ее оставил) и в своем трагическом одиночестве прикинула к Пушкину. Только ему и дневнику поверяла она свои мысли (автор не выдает ее тайны). А у нас в уме остается какой-то брат-геодезист, передавший ей с оказией из Мексики какую-то коробку, пригодившуюся для взятки регистраторше. Фамилия сына Пушкин, а не Моргалкин.

“Мой брат Аполлон - прорицатель, бог мудрости, покровитель искусства, - часто повторяла Моргалкина, прикрывая веки, будто вспоминала что-то, с ее собственным детством связанное...” Нет, ей не чуждо ничто человеческое, но в рамках выстроенной, вернее - заданной, жизненной доктрины. Сентиментальна - сколько раз во время экскурсии в музее на Мойке рассказывает, как “на этом диване” умирал ее кумир, столько раз и плачет. Возмущена вопросом Данки, а где же кровать, - “поэту с его женой нужна кровать”. Хочет ребенка, правда, от “идеального мужчины”, и потом на этом же диване “созидает” наследника своего “настоящего” суженого - с “донором” Данки, “заместителем” мифического, фанерно-материального Пушкина.

Платоническая любовь - страстная и бездумная... Разве это не по-человечески?.. Но получается что-то не то... Во всем. Потому что действие вершит придуманный, сверхъ-

естественный Пушкин. И любовь - не то. И жизнь - не то. И ребенок - не то. Безвыходное одиночество в людском кишенье, в этой бесконечной экскурсии... Умопомрачительно...

Впрочем, и у Тодда Данки не лучше. Диссертация по спекулятивно-модной теме о Пушкине-феминисте, на которую его подвиг советского толка (где нет “наших”!) профессор-приспособленец Иосиф (!) Верстакиан. Несбывшаяся прошлая любовь. Нынешний “биологический” сын Александр Пушкин... Все - не то. У отца-американца русский ребенок-идиот. Наследник мифического Пушкина - идиот. И ни на йоту не наследник классического русского “Идиота”, возвышенного, не от мира сего индивида. Полная деградация на “биологическом” уровне. Как результат реального идиотизма всей запрограммированной в “светлое будущее” жизни.

Микророман Юрия Дружникова “Вторая жена Пушкина” - страшная метафора, развернутая большим художником с обостренным чувством катастрофичности обыденного существования. Бытийно-исторические детали выламываются из благодатных музейных рамок. За ними - черная бездна лжи, фанатизма, идиотизма, вырождения...

Однако постойте, и тут не все так просто. Американец Тодд, кажется, готов усыновить дебила. Сын-даун...

Вырождение-возрождение?..

Недавно демонстрировали телефильм о детях-даунах. Они играют спектакль. В них течет какая-то внутренняя жизнь. Иной мир... Распрограммированный, неизвестный... Можно ли проникнуть в него?..

Финал микроромана - без финала. Тодд еще стоит в растерянности, молчит. Заведующая детприемника торопит. “Ну что, гражданин хороший? Начнем оформлять, или как?” (13)

И странная переключка со стихами:

даун

господи дай нам (14)

Думается, “Вторую жену Пушкина” критика обходит вниманием незаслуженно. Среди перчаток Дружникова, брошенных им в лицо “казенной пушкинистики”, эта - одна из ярчайших. По сути дела, Моргалкина - тоже “супер-женщина”, (15) только из другой - ниспровергающей мифы - разножанровой трилогии. (16)

Мы довольно регулярно печатаем нашего автора из Калифорнии, не американского, а, как выражаются теперь у нас, по своему менталитету очень русского писателя-полемиста. И благодарны ему за то, что он доверяет нам свои новые вещи. Например, такие, как “Повесть об исто-

рическом казусе” - о человеке, “который перестал смеяться” (“Вышгород” 4,2003).

Еще в 2000 году, отвечая на вопросы участников Варшавской конференции о судьбе романа на рубеже веков, писатель открыл свой замысел.

“Самое интересное для меня - возможность завязать в один узел прошлое и современность... Недописанным у меня лежит Эссе об “Утопии” Томаса Мора. Там ведь у него и всеобщая уравниловка, и лагеря, и тайная полиция, и информаторы, и “железный занавес” - все корни тоталитаризма XX века. Через четыре столетия утопия Мора реализовалась на одной шестой суши. <...> ...я утверждаю, что Мор... писал сатиру, фарс... а марксисты приняли издевки всерьез за основы социализма и построили свое учение. Недостаток чувства юмора дорого обошелся человечеству”... (17)

Из финала уже опубликованной повести.

“Подождав после 1917 года три четверти века до момента, когда советская утопия утонула, Мор из своего далека произнес: “Ну вот, убедились? А ведь я предупреждал!” Но еще не на всем белом свете убедились в опасности “рая на земле”. Один мексиканский марксист с бородой под Карла Маркса и портретами Ленина-Сталина в кабинете взялся читать курс “Социализм” и доказывать его преимущества. Но уже на вторую лекцию явились только два студента. “Как выразился один мой коллега, - замечает автор, - марксизм - это музей идеологического антиквариата”. Вот видите, мы опять пришли к мысли об идеологизации музеев и мифов в эпоху советского антика.

В том же духе размышления, или реминисценция, как определил этот жанр сам автор, - “Сад Эпикура на советской кухне” (“Вышгород” 5,2002). Эта кухня была “рассадником вольнодумцев”. Здесь Эпикур учил диссидентству. Сюда захаживал опальный священник Александр Мень (переправлять микропенки на Запад помогал и он). “Закончился кухонный Сад подпольной выставкой ‘Десять лет изъятия из советской литературы’, пресс-конференцией для иностранных журналистов. Финал скандала - вытеснение нас, окруженных в Шереметьеве топтунами, на другой материк”. 1987 год. О том, как это происходило, можно прочесть в книге “Я родился в очереди” - в заметках “Прощание с Москвой”.

И еще один очень личный текст Юрия Дружникова: “Спираль моей жизни” - с подзаголовком “Судьба одиночки на фоне поколения” (“Вышгород” 1-2,2004). И одна очень личная деталь. Однажды, после выхода в свет в Англии романа “Ангелы на кончике иглы”, писателя по-

просили выступить перед читателями в городке Дейвис, в Калифорнии, где он живет и преподает в университете. Потом к нему подошла молодая беременная женщина, внучка эмигрантки из России. Ее дед чех в дни Пражской весны был задавлен советским танком, и в честь него они назвали сына Ярославом... Примерно через месяц в адрес писателя пришла открытка. "Она писала, что родила, и они с мужем решили назвать второго ребенка моим именем. Я рассматриваю это как самую лучшую литературную премию, которую может получить писатель: в Америке теперь живет девочка по имени Юрий".

Примечания

- 1) См. дальше формулировку Ю.Д. об "идеологическом антиквариате" ("Вышгород" 4,2003, "Человек, который перестал смеяться"). Знаменательное совпадение в восприятии партийно-советского дремучего абсурда - название романа Б. Крячко: "Сцены из античной жизни" ("Вышгород" 1997-99; "Избранная проза", VE, Таллинн 2000).
- 2) Нил Нерлин. "Разрыв-трава", с. 23. Таллинн 1994.
- 3) Юрий Дружников. "Я родился в очереди", М., "Хроникер" 2002.
- 4) "Вышгород" 3,97. Анджей Дравич. "Пропасть, которая во мне болит и жжет", сс. 34-41.
- 5) Юрий Дружников. "Спираль моей жизни. Судьба одиночки на фоне поколения". "Вышгород" 1-2,2004, с. 122.
- 6) Избранное в 2-х томах. Т.1. СПб. Изд-во "Пушкинского фонда", 1999. Пометка в конце романа: 1969-1979, Москва.
- 7) Юрий Дружников. "Дуэль с пушкинистами", М., "Хроникер" 2001, глава "Пушкин, Сталин и другие поэты", с. 259.
- 8) Там же, с. 257 - 258.
- 9) "Вышгород" 2-3,2000. "Вторая жена Пушкина", сс. 46-106. Помечено: Дейвис, Калифорния, 1997-99.
- 10) См. в номере: Юрий Дружников. "Катриона Келли, Павлик Морозов и Лубянка", с. 85.
- 11) "Дуэль с пушкинистами", с. 261.
- 12) "Вторая жена Пушкина", там же, с. 55.
- 13) Там же, с. 106. Можно предположить, судя по документальным телефильмам: и тут оформление документов не обойдется без вымогательства.
- 14) "Вышгород" 3-4,2002. Нил Нерлин, поэтический цикл "Вспоминаемое впотьмах", с. 149. Процитировано в "Библиографических листках" журнала "Новый мир" № 11 за 2002 год. Здесь же отмечено несколько публикаций, связанных с творчеством Ю.Д.: Юрий Дружников. Новый виток жизни. Обращение к участникам Краковской конференции, июль 2002. - "Лебедь". Независимый альманах. Бостон 2002, № 284. / Люциан Суханек. Вождь на кончике пера. Образ Сталина в творчестве А. Солженицына, В. Максимова, Ю. Дружникова. "Вышгород", Таллинн 2002, № 1-2.
- 15) "Суперженщина" - роман-трилогия: из вполне самостоятельных трех микророманов, один из которых - "Брак по-американски" - напечатан в журнале "Вышгород" 3-4, 2002. Сюжетную линию вычерчивает уникальная героиня, "выдающийся поэт современности, всемирно известная, ни с кем не сравнимая" 90-летняя Лилия Бурбон, русская эмигрантка, жрица любви. Полная противоположность Диане Моргалкиной. Два полюса.
- 16) Имеются в виду: полемические эссе "Дуэль с пушкинистами" (2001), роман-исследование "Смерть изгоя" (Балтимор 2001), микророман "Вторая жена Пушкина" (2000).
- 17) "Я родился в очереди". Роман как катарсис. С. 329.

Людмила ГЛУШКОВСКАЯ

Раз, два, три,
Четыре, пять.
Будем лучики считать.
Триста тридцать первый лучик
Закричал:
- А я всех лучше!
Самый светлый,
Самый яркий,
Самый длинный,
Самый жаркий!
И спросило солнце:
- Лучик!
Кто вчера боялся тучек?

Наташа

Бантик,
Бантик
И веснушки -
Вот портрет моей подружки.

Первые шаги

А сегодня Диме год.
Он отправился в поход.
После трёх шагов устал.
Что поделаешь - привал.

Татьяна Лазаревна Шапиро (Тель-Авив), автор стихов для детей. Первая книжка "Шла сороконожка" - в 1987 году в издательстве "Карелия" (Петрозаводск). Потом - "Веселые качели", "Я считаю до миллиона" и другие. В Израиле живет с 1993 года. Член Союза писателей Израиля. Пишет также на иврите и английском. Песни с композитором Ларисой Вихаревой (Иваново) записаны на аудиокассеты московским издательством "Твик-Лирек". Сборничек Татьяны Шапиро "Знакомство с английским через рифму" (Москва, "Филоматис" 2004) - весьма любопытное пособие для обучения малышей. - Ред.

Заслужил

Саша скачет
В детский садик.
Он и лошадь,
Он и всадник.
А на завтрак дайте Саше
Поскорей овсяной каши.

Про Сёму

Самокат купили Сёме.
До чего же Сёма рад.
Объявил он всем соседям:
- Мне купили... сёмокат.

Ослики

Заблудились два осла.
И кричат в лесу: "ИА".
А сова их учит с ветки:
- Вы "АУ" кричите, детки!

В берлоге

Лапу лижем
И лежим.
Вот такой у нас режим.

В гостях

Ёж у волка засиделся.
Чаю с пирогом наелся.
И сидит, как на иголках,
Уходить пора от волка.

Рисунок

Тучка.
Точки, точки, точки.
Это дождик на листочке.

В лесу

Это дуб.
А в нём дупло.
Там уютно и тепло.

Зайкина лужайка

Жил-был заяка-
Попрыгайка,
Никогда-не-унывайка.

Вместе с ним жила
Лужайка-никога-не-отдыхайка!

Про груши

Четыре груши на столе.
Если съешь из них ты две,
Сколько будет груш, Никита?
- Да они же ведь не мыты!

Концерт

Скрипач сидел со скрипочкой.
С гармонью гармонист.
С трубою дымоходной
Весёлый трубочист.

Паучок

Поучает паучок:

- Ты прямой лети, жучок.

- Ты всё поучаешь,
Сам-то не летаешь!

Поучает паучок:

- Ты не попадись в сачок.

- Ты всё поучаешь,
Сам-то не летаешь.

И надулся паучок.

Отвернулся и молчок.

Вот и получаешь,
Если поучаешь!

Пожалел

- Мама, суп я есть не буду,
Чтоб не мыла ты посуду.

Рукавички

Спросила рукавичка:

- А где моя сестричка?

Что бабушка ей скажет?

Сейчас ее довяжет.

- Говорит ли “Эрр” твой Прохор?
- Говорит, но только плохо.

Племянник и племянница
Пельмени ели в пятницу.

Совет

Посадите в Африке белую берёзу.
Сразу там наступят
Лютые морозы.

Обезьяны просят нас
Не показывать гримас.

Кто шагает по дорожке?
- Пять матрёшечек в матрёшке.

Разбудил он всю планету.
Петушка горластей нету!

Отдохнет змея немного -
Ох, извилиста дорога!

Гриб попал в корзину к папе -
Это значит, дело в шляпе.

Ошибаются зайчатки

Говорят ежу зайчатки:
- Шубка у тебя в заплатках.
А заплатки разные - жёлтые и красные.
Ты нас, ёжик, не смей!
Ты зачем их все пришил?
- Приглядитесь-ка, зайчатки,
Разве листики заплатки?

Помощники

Мыли посуду дома ребята.
И раздавалось по дому
Стакатто.

И раздавалось
Бренчатто-звончатто.
Не зря постарались на кухне ребяттта.

Ветер читает

Ветру очень понравилась книжка.
Не зря на скамейке
Забыл ее Гришка.

Утконос

Чем был занят утконос?
Он куда-то нёс свой нос.

Смехолёт

Я придумал смехолёт.
Отправляемся в полёт.
Тех, кто любит смех и шутки,
Всех с собою он берёт.

смехолёт, смехолёт.
Радость и веселье.
смехолёт, смехолёт.
Чудо-настроенье!
смехолёт-смехолёт.
Будем же смеяться.
смехолёт, смехолёт.
Весело кататься.

Мы рукою вам помашем.
Вместе песенку споём.
Мы на нашем смехолёте
Очень весело живём.

Окошки

В доме светятся окошки.
Начинаем их считать.
Раз - окошко.
Два - окошко.
Раз, два, три, четыре, пять.
В доме выключили свет.
Всё. Окошек больше нет.

Запахи всегда интересовали и простых людей, и выдающихся ученых. Постепенно возникала многопрофильная наука одорология (от лат. odor - запах), медики и биологи создавали фундаментальные исследования, все больше расширялась парфюмерная область - и в промышленном, и в научном отношении. Гуманитарии более лениво, но тоже обратились к одоральным проблемам: историки и культурологи изучали их по странам и эпохам, литературоведы анализировали под соответствующим углом зрения художественные произведения. У нас в советское время, полное запретов и полузапретов (идеологическая цензура подозрительно относилась к изображению и истолкованию телесной жизни человека), иногда тоже прорывались разговоры молчания, но часто эти прорывы воспринимались с удивлением и даже с недоброжелательством. Помню, когда молодой самаркандский литературовед Р.Г. Назарьян стал в 1970-х гг. публиковать статьи об одоральных аспектах ранней советской прозы ("Чапаев", "Железный поток" и т.п.), то кто-то из сотрудников Пушкинского Дома ядовито сравнил эти работы с известным скетчем А. Райкина об изобретении духов "Вот солдаты идут"...

Борис Федорович Егоров (Санкт-Петербург) - доктор филологических наук, составитель-редактор, издатель солидного тома лотмановских "Писем" (М., 1997), автор книги "Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана" (М., 1999), романа-исследования "Аполлон Григорьев" (М., 2000) и других многочисленных трудов. С 2003 Борис Федорович стал присылать нам главы из книги воспоминаний "Далекое-близкое детство": "Вышгород" 3, 2003 - О полях и сильных ощущениях. Мои "закрытости"; "Вышгород" 4, 2003 - Еда и питье (1920 - 1930 годы); "Вышгород" 6, 2003 - Сны. Конечно, мы просили еще и еще. Но уже целиком состоялась книга, о чем нас Борис Федорович уведомил летней открыткой от 8.VI.05. "...на случай Вашего приезда в Питер... Я пока повременю посылать Вам мои "Воспоминания" (толстая книга, вышла в конце декабря). Тираж разошелся, издатель просит расширить для 2-го изд., и я летом напишу неск. глав, постараюсь и Вам из них что-то прислать". И прислал удивительно любопытную главку "Запахи". - Ред.

Но запахи неуклонно вторгались и в художественную литературу, и в научные занятия гуманитариев, а когда закончилась советская власть, то количество соответствующих отечественных трудов стало интенсивно возрастать, и теперь оно достигло своеобразной вершины в двухтомном сборнике “Ароматы и запахи в культуре” (М., “Новое литературное обозрение”, 2003), составленном О.Б. Вайнштейном: он включил несколько десятков статей, рецензий, обзоров, публикаций, где для нашего брата (гуманитария-русиста) особенно ценен раздел “Запахи в русской культуре” (т. II) со статьями Г. Кабаковой “Запахи в русской традиционной культуре”, О. Кушлиной “От слова к запаху: русская литература, прочитанная носом”, Е. Дмитриевой “Запахи в усадьбе” и еще с десятком интересных работ. Наконец-то запахи заметно повысились на ценностной шкале наших гуманитариев...

Полагаю, что многолетние полузапреты были связаны не только с советской подозрительной цензурой, но и с давней культурной традицией, хорошо сформулированной Гегелем в его “Эстетике”: есть высшие органы чувств, связанные с духовной сущностью человека (зрение, слух), и есть низшие, физиологические (обоняние, осязание, вкус). З. Фрейд в “Неудобстве культуры” еще больше принизил обоняние, рассудив, что человек, переходя к вертикальному положению, усилил зрение и ослабил обоняние, важное для “горизонтальных” животных, ибо источники запахов расположены главным образом внизу, на земле.

Были и более сложные объяснения. И. Кант в “Антропологии” считал обоняние ограничивающим нашу свободу по сравнению со вкусом (человек может сам выбирать яства и питье, а запах ему насильно навязывается со стороны), поэтому из всех органов чувств без обоняния легче бы всего можно обойтись человеку... А наш знаменитый современник Фазиль Искандер в повести “Созвездие Козлотура” возвысил обоняние над “высшими” органами благодаря мощной способности возрождать картины прошлого: “Почему так сильна над нами власть запахов? Почему воспоминание не может с такой силой расколыхнуть пережитое, как связанный с ним знакомый запах? Может, дело в его неповторимости, ведь запах нельзя вспоминать отдельно от него самого, так сказать, повторить воображением. И когда он повторяется натурально, он с первозданной свежестью выхлестывает наружу все, что было связано

с ним. А зрительные и слуховые впечатления мы часто повторяем своими воспоминаниями, и, может быть, потому они в конце концов притупляются...” (Ф.А. Искандер. Собр. соч. в 6 т. Т. 4, Харьков; М., 1997. С. 412). Странно однако, что Искандер отказывает нам в способности мысленно воспроизводить запахи! О себе я твердо могу сказать, что часто воскрешаю в памяти дорогие запахи вместе со зрительными и слуховыми образами. И уверенно считаю, что обоняние не выше и не ниже других органов чувств: оно такое же важное! Попытаюсь рассказать о своих собственных наблюдениях в этой области.

Обоняние для меня всегда, с самых ранних лет, было чрезвычайно значимым. Оно, как и другие “низменные” чувства, часто содержит духовные составляющие, особенно когда связано с “дымом отечества”, с признаками родины и с семейной памятью. Поэтому я всегда раньше удивлялся: как мало запахов в литературе! как мало люди говорят о запахах! Когда в моем детстве, на глазах моего поколения, немой и черно-белый кинематограф становился звуковым и цветным, я неоднократно размышлял: а изобретут ли когда-нибудь, чтобы с экрана в зрительный зал струились волны соответствующих запахов? С недавних пор я стал обращать внимание, что и сами деятели кино серьезно думают о запахах. Известный режиссер А. Сокуров в одном интервью заметил, что очень важно, создавая исторический фильм, знать как можно больше о герое: “Какие интерьеры, запахи, предметы, вещи его окружали? Какие были привычки? Одежда?” И в заключении интервью Сокуров говорит о будущем фильме: “Это должна быть музыкальная картина, веселая, с большими фрагментами музыки Штрауса, очень радостная и светлая. С запахом шоколада, я бы сказал” (“Аргументы и факты”, 2005, № 7. С. 22).

Но, кажется, до сих пор человечество не придумало физических (электромагнитных, волновых) способов воздействовать на наши носовые нервы-рецепторы, чтобы искусственно создавать изумительное богатство природных запахов. Да и вообще человечество бессильно пока расположить сложный обонятельный спектр по каким-то количественным и качественным параметрам, бессильно создать научную классификацию запахов. Правда, Н. Никольская в статье “Как классифицируют неклассифицируемое”, опубликованной в названной книге “Ароматы и запахи в культуре” (т. II), при-

водит много реестровых попыток, начиная от Карла Линнея и кончая современными французскими парфюмерами, но все эти попытки размыто описательны и иногда содержат рядом параграфы из анекдота о делении людей на толстых и лысых. Остается интуитивный богатейший мир, который каждый человек распределяет в своем сознании в обширной таблице с двумя крайними позициями: приятное и неприятное ощущения, как говорили в прошлых веках - благовоние и зловоние.

Большая роль запахов в моей повседневной жизни и большой теоретический интерес к этой сфере, к сожалению, смазывались постоянными, идущими от раннего детства насморками. Воспаления в носу сужали диапазон обоняния, закрывали доступы к носовым нервам тонких запахов, и лишь в перерывах, при нормальном состоянии слизистых оболочек, я понимал, чего я лишался при воспалениях. Когда я уже взрослым узнал про страшное слуховое горе Бетховена, молнией промелькнула мысль аналогии: а не ломалась ли острота моего обонятельного восприятия от чрезмерной тонкости нервных ощущений? Конечно, моя "беда" несопоставима с бетховенской: я не был одоральным композитором, и объективно воспаление моего носа никакого урона человечеству не приносит. Да и трудно вообразить, чтобы острота обонятельных восприятий стала причиной хронического насморка. Но, как бы там ни было, я в течение многих десятилетий боролся при помощи разных медицинских пособий с воспалениями и радуюсь блаженным перерывам, когда "трубы" открыты, обонятельные нервы впитывают богатство мира, и внутри чередуются воспоминания об уже знакомом с познанием нового, а все это обволакивается счастьем удовольствия, даже наслаждения от приобщения запахов к другим органам, воспринимающим мир, от создания сложной, комплексной картины (и опять же иногда думается: а все ли мы знаем-чувствуем о внешней действительности? а что если подобно таинственному четырехмерному пространству, которое нам никак не удастся вообразить, возможно существование шестого, какого-то совсем особого органа чувств, которым Господь Бог обделил человечество за его грехи?..).

В связи с наслаждением хочу заметить, что я убежден в преобладании благовонных запахов над зловонными (как убежден в количественном преобладании добрых людей: опираюсь здесь, помимо всего прочего,

на выводы ученых о биологической и социальной выгоде порядка и доброты в живой природе). Противные запахи, как правило, - результат разложения и гниения, а эти состояния веществ хотя бы по времени ничтожны по сравнению с длительными процессами жизни, как ничтожны по времени “туалетные” процессы выделения по сравнению с внетуалетным поведением людей. Но я встречал мнения (в частности - в двухтомнике “Ароматы и запахи в культуре”), что зловония в мире больше, чем благовония; якобы и слов первой сферы в языках мира больше, чем второй. Не считал, но сомневаюсь. Ведь и мнений, что зла больше, чем добра, хватает в науке и публицистике...

Зловония я очень не люблю, переношу с трудом (одно из самых тяжелых воспоминаний детства - “коллективные” школьные уборные, во дворе, с громадной выгребной ямой). Хорошо, что человечество все более основательно стремится свести до минимума неприятные запахи.

Целый океан благовоний дает нам противоположные ощущения. Больше всего запахов здесь преподносит природа. Для меня она почти целиком ограничивается растительностью. Животные запахи мне чужды. Запах конского пота очень неприятен, пожалуй, еще больше неприятен, чем человеческий пот. Более симпатична корова, точнее - запах ее молока. Аромат парного молока при доении, наверное, самый приятный из всех животных запахов. Но это как бы исключение.

А растительный мир, особенно цветы, - моя стихия. С детства живут в сознании запахи сирени, ландыша, розы. Замечательно, что до сих пор у нас на даче существуют эти запахи: помимо сирени и роз у крыльца выросла большая плантация ландышей (они быстро-быстро разрастаются, надо ограничивать). Есть и другие прекрасные запахи в моем современном саду и огороде: черемуха, жасмин, нарциссы - но они не связаны у меня с памятью детства. На всю жизнь запомнилось впервые прочувствованное в детстве мощное ночное благоухание цветов. В 1936 году родители приехали со мной из Москвы домой, в Донбасс, в Лисичанск - рано утром, на востоке лишь начинало светать, и во дворе клумбы маттиолов и цветов табака с огромной силой источали свои запахи. Голова кружилась, сочетая бессонницу и ароматы. Еще от Донбасса осталась пастернаковская “пряная пена акаций”, это незабываемое чувство (говорю о белой акации, а цветы желтой

мы, мальчишки, любили есть). И я со своего украинского, донбасского детства люблю полынный запах южной степи. Из “диких” цветов мне больше всего любви таволга, тоже удивительно пряная, духатая, и цветы хрена. А из совокупности луговых трав и цветов создается несравненное свежее сено! Спать на недавно скошенном и лишь чуть-чуть подсушенном сене - несказанное удовольствие. Существует странное противопоставление живых цветов и сена как якобы умершей природы. См., например, отмеченную выше статью Е. Дмитриевой “Запахи в усадьбе”. Конечно, скажем, в прошлогоднем сене почти не остается одоральной эстетики, но если какой-нибудь давно засушенный цветок источает приятный тонкий запах, то это свидетельство жизни, а не разложения! Тем более жизненно свежее сено.

Когда я в 1950-х гг. заведовал кафедрой русской литературы Тартуского университета, то мне приходилось читать курс “Русский фольклор” и руководить летом двухнедельной фольклорной практикой. Чаще всего я увозил студентов на эстонский, западный берег Чудского озера, где сохранились древние старообрядческие деревни и как бы законсервированный старый русский язык, но один раз авантюрно отправился со студентами в Пушкинский заповедник Псковской области, якобы для сбора народных легенд о Пушкине, а на самом деле - для показа эстонским студентам пушкинских мест и Пскова.

Сама поездка была фантастически интересной. До Пскова тогда ходила из Тарту по водному пути вместительная “Ракета”, а в Пскове мы столкнулись с неожиданной преградой: на автобусы Псков-Пушкинские Горы билеты были раскуплены уже на неделю вперед, и я тогда повез молодежь в аэропорт, узнав, что из областного центра в пушкинские места летают самолеты. И в самом деле, там с билетами было все благополучно, основную группу удалось пристроить в рейсовый самолет, но нам не хватило трех мест, и я с двумя студентами заказал воздушное такси! Тогда летали такие самолетики чешского производства как раз с четырьмя местами - для пилота и трех пассажиров, и мы вслед главному самолету приземлились на лугу, прямо у села Михайловского (проректор по учебной работе Рейман долго потом не желал оплачивать наши самолетные билеты: что это, дескать, за роскошь, но в конце концов смиловился).

Тогдашний директор Пушкинского заповедника, уже становившийся знаменитым, но еще не барственный С.С. Гейченко отвел нам для ночлега сарай со свежим сеном (пушкинский сарай!) - и две ночи мы не только вдыхали запах сена, но и прослушали чуть ли не весь тогдашний репертуар Булата Окуджавы, никому из нас еще не известного: это питерские дикари-путешественники писатель Радий Погодин со своим другом архитектором С. Масловым и с гитарой, пристроившиеся на нашем сене, впервые познакомили нас с гением бардовской песни. И до сих пор у меня запах пушкинского сена ассоциируется с “Ночным троллейбусом”, “Солдатом бумажным” и “Тремя обманами”; никакие другие сеновалы (а их у меня было много!) так не запомнились.

Симфония луговых запахов соотносится в моем сознании с симфонией леса. Господи, до чего же радостно трепещет душа, когдаходишь в лес! Это в самом деле сходно с ощущением в филармонии, когда начинается Пятая симфония Чайковского. Зрительные образы леса причудливо сливаются с обонятельными. Звуки не всегда участвуют в собрании, для них нужны птицы или ветер, а иногда “минус-прием”, т.е. безмолвие - тоже хорошее сопутствие. “Грохочет тишина”, - ярко сказала А. Ахматова в одном ташкентском стихотворении... Набор лесных запахов - воистину симфония. В ней сопряжены запахи отдельных древесных пород с почти теми же, как на лугу, травами, да еще лесными ягодами. Но, конечно, из-за разных деревьев и разных почв создаются разные конфигурации. Болотистые запахи не люблю, а вот прелые запахи грибов очень мне милы, может быть, потому, что очень люблю есть грибы. Из отдельных групп деревьев ни с чем не сравнить запахи хвойного леса. Они особенно сильны в южных районах, это у меня тоже память о Донбассе. Такой силы хвойный запах я потом нигде не встречал. В средней полосе, в Сибири, на питерском северо-западе запах сосны и елки ослабевает; видимо, южная жара очень активно выдавливает смолу на поверхность. А внутри-то смолистый аромат долго хранится: ведь пилят хвойные бревна приятно-ароматно и через многие годы как будто бы “мертвого” их существования.

Вообще спилены-срезы благородных пород деревьев хорошо пахнут, особенно дуб. И, недавно узнал, - можжевельник. В Бахчисарае несколько лет назад купил в виде сувениров два узких спиленых можжевельника - у не-

го тонкий, приятный запах. Вскоре был в гостях мой добрый товарищ, профессор из Токио Риохей Ясуи, мы с женой семейно подарили ему один спил; он понюхал его и оживленно сообщил, что у его отца была столярная мастерская, и запахи древесины - родные для Ясуи-сана, с детства родные; и он сразу сказал, что это можжевельник.

Из фруктов-овощей мне самые дорогие запахи - свежих яблок и огурцов. Заграничные апельсины, мандарины, лимоны, а также самый, кажется, пахучий фрукт (овощ?) ананас, не существовали в моем детстве, поэтому я, понимая прелесть их ароматов, не ощущаю их родными и знаково памятными. А вот запах помидорных кустов (сами-то помидоры не пахнут) хранится прежде всего как память о мамином огороде. И почему-то рядом с этим запахом теплится запах паслёна, чьи ягодки были нашими ребячьими фруктами.

Сильные “чужие” запахи, благородных растений: лаванда, ваниль, шафран и т.д. вдыхаю с удовольствием, но они именно чужие. А из памяти детства люблю все жаренное на подсолнечном масле, как и само масло для добавления в кашу или отварную картошку.

Обильный спектр церковных благовоний мне чужой. С детства он у меня ассоциируется не с радостными праздниками Рождества и Пасхи или со свадебным обрядом, а с похоронами и поминовениями. От этих ассоциаций не могу отделаться и в зрелом возрасте.

Дым отечества, запах русской печки, стелящиеся думы на деревенской улице в морозную зимнюю пору мне чрезвычайно дороги. Люблю еще не насыщенный, легкий аромат от дыма хороших сигарет (но в прокуренном помещении чувствую себя очень плохо физиологически). В подростковом возрасте начинал браво курить, бросил из чистого рационализма, но, видно, память тех лет хранит в положительном смысле запах папиросного дыма...

Из “химических” запахов мне приятен алкогольный спектр: спирт, коньяк, хорошие вина. Люблю запахи лаков, красок, ацетона, но мало мне симпатичны бензин и керосин, а особенно противен уксус, который и в пище терпеть не могу (возможно, это память о мерзевших детских компрессах от простуды, где уксус играл главную роль).

Своеобразно мое отношение к духам и одеколорам. Абстрактно, то есть отдельно от человека, мне нравятся и тонкие французские духи, и грубые создания для

мужчин вроде “Шипра” или даже тройного одеколона (конечно, с разной ценностной шкалой). Теоретически я могу понять и пристрастие большой людской массы к духам и одеколону, но для меня предпочтительнее общаться с ближними и просто с рядом стоящими, когда они находятся при нулевой обонятельной температуре, не пахнут ни грязным телом, ни ароматами духов. И мне было бы неудобно, если бы я чувствовал, что надушился. В старых парикмахерских, когда при стрижке участвовала и бритва, я разрешал прыскать одеколоном виски и шею из гигиенических соображений, но потом нетерпеливо ждал выветривания или спешил домой вымыть голову. Кстати, не люблю душистого мыла и, особенно, мятных зубных паст.

В некоторых национальных культурах до сих пор существует положительное отношение к запаху человеческого тела. У нас, кажется, такого нет. Может быть, я ошибаюсь, но мне представляется, что и православная традиция, в общем антителесная, и культ бани создали в русском менталитете противоположную направленность, и у меня не столько индивидуально своеобразная тяга к одоральному нулю, сколько традиционно национальная. Рассуждения психоаналитиков, о том, что если от мужчины не пахнет, то у него уже нет мужской силы, мне смешны; вообще многие психоаналитические идеи так же смешотворны, как прогнозы астрологов. Цивилизация, стремление к чистоте вообще сильно стирают национальные и индивидуальные специфические запахи. Уходят в прошлое банальные представления о русском мужике, пахнущем дегтем, или о еврее с запахом лука и чеснока. По этим признакам меня, наверное, можно счесть за полуеврея. Лук не люблю (говорю о головке, а не о зеленых перьях), никогда не ем, а вот чеснок - моя любовь с детства (влияние отца, обожавшего чеснок), люблю и вкус его, и запах. Конечно, понимаю, что далеко не всем запах чеснока приятен, поэтому перед выходом в общество остерегаюсь его есть.

Однако в остаточных формах национальные и региональные особенности сохранились и в одоральной сфере. Интересно, что с детских времен города, в которых я жил или побывал, получали в моей памяти не только зрительно-слуховые образы, но и обонятельные. Лисичанск, да и весь Донбасс - это запахи угля, заводского дыма и каких-то химических соединений (рядом с Лисичанском находилась известная Донсода). Старый

Оскол - странная смесь летней плотно прибитой земли и оттепельного снега (и горячая земля, и тающий снег имеют ведь очень специфические тонкие запахи), да еще добавляется и река Оскол с роскошной, богатой омутами Корневой мельницей, где вода тоже пахла причудливой смесью вторгающихся добавок: чуть ли не столетней дубовой ограды берегов и самой плотины и каких-то водорослей, опутавших этот частокол.

Вообще вода в разных водоемах имеет разнообразные и сложные запахи. Очень люблю море и запахи моря в частности. И каждое море специфично по-своему. Несколько застойный, с водорослями Финский залив для меня собрат старооскольской Корневой мельницы. Какие-то странные, не морские запахи у “озерного” Каспийского моря. Нечто подобное, даже, пожалуй, еще более “озерное” в смысле пресноводности чувствуем в Азовском море. Зато соленое Черное своей особой густотой и настоенностью идеально пахнет морем.

Вернусь к городам. Москва почему-то всегда характеризовалась запахом пыли, несмотря на асфальт и камни. Петербург поразила запахом прохладной влаги. Приморские города все отличаются влажным климатом, но, скажем, Одесса преподносит горячую, душную влагу, а Питер - прохладную. Еще более влажно-прохладен Таллинн. Антиподом Одессы можно назвать Ташкент: тоже душно-горячий, но совершенно сухой. На центральных улицах он пахнет асфальтом, а чуть-чуть в сторону - раскаленной глинистой почвой.

Тарту навсегда остался для меня городом свежей краски. То ли после Отечественной войны большинство строений заново ремонтировалось, то ли краски были такие прочно пахнущие, но в нашем доме, в квартирах знакомых стоял слабый и мне симпатичный запах краски.

Любопытно, что чеховские герои не любили запах краски (видимо, и сам Чехов: не потому ли, что часто переезжал, строил, красил?). В рассказе “Случай из практики” (1898) доктору Королеву неприятно видеть и чувствовать недавно окрашенные стены: “... коляска остановилась у дома, выкрашенного заново в серый цвет (...), и на желтом крыльце сильно пахло краской”. В помещении, которое отвели доктору Королеву, “было душно, и в комнате пахло краской” (А.П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем, т. 9, М., ГИХЛ, 1948. С. 305, 309). Почти то же описывается в повести “Невеста” (1903),

когда Надя попадает в дом жениха Андрея Андреевича: “В зале блестящий пол, выкрашенный под паркет (...). Пахло краской. На стене в золотой раме висела большая картина, написанная красками...” (Там же. С. 440). Эти примеры заимствованы мною из книги Л.М. Цилевича “Сюжет чеховского рассказа” (Рига, 1976, с. 141-142).

Да, не все спокойно относятся к запаху краски. На тартуанцев времен моей молодости произвел сильное впечатление такой эпизод. Должен был приехать с кратким визитом президент Финляндии. Для него срочно подготовили апартаменты в лучшей городской гостинице “Парк”, заново выкрасили стены; это было за неделю до приезда, конечно, запах за это время не выветрился, и приехавший президент прямо заявил, что в таких ароматных комнатах он спать не сможет, и его тогда срочно отвезли на спортбазу Тартуского университета Кяэрику, в 40 км. от города... Думаю, что у меня противоположные ощущения связаны с профессией отца: я с детства любил его этюдник с масляными красками и свежий запах только что нарисованной картины. Наверное, по стопам отца я люблю запах олифы и не только как материал для грунтовки холста: отец предпочитал делать сам замазку для оконных стекол, мешая мел с олифой, и я тоже участвовал в замазывании окон.

Из зарубежных городов для меня самый пахучий - Париж. Может быть, потому, что я впервые в него прилетел в пред рождественском декабре. Обилие свежей хвои. Обилие пахучих игрушек. Жареные каштаны, изготавливаемые прямо на улице. А главное - множество котлов на тротуарах (с углями и дровами для нагревания), где варились какие-то конфеты вроде леденцов - запах стоял чуть ли не на целый квартал.

К сожалению, сейчас происходит стирание обонятельной специфики городов. Как из-за грандиозной миграции людей бледнеет культурно-психологическое своеобразие городов и регионов, так эти факторы плюс плоды технической цивилизации стирают специфику запахов. Современный большой город и у нас и за рубежом (за рубежом послабее) пахнет выхлопными газами автомобилей, независимо от его расположения. Дерево вытесняется металлом и пластиком (не могу спокойно смотреть, как милые деревянные рамы в окнах всюду заменяются разными стеклопакетами!). Книга, свежая книга, так симпатично пахнувшая типографи-

ей, все активнее заменяется Интернетом и дисками Си-Ди. Идет наступление и на природу, но целиком ее человек уничтожить не сможет, хотя бы ради пищи для желудка и кислорода для легких. Поэтому каждый из нас все-таки сможет выбирать индивидуально наиболее приятные ему запахи и приобщать их к насладительной красоте мира рядом с объектами других органов чувств. Да сохранится великое разнообразие запахов!

И в заключение еще вот какое самонаблюдение. Оказывается, у меня очень различно отношение к сложным сочетаниям элементов, применительно к разным органам чувств. “Высшие”, по-гегелевски, органы, зрение и слух, с великим удовольствием воспринимают симфонии красок и звуков, здесь комплекс куда предпочтительнее выделенных элементов. Не то в “низших” органах. Приятнее чистая шершавость и чистая гладь. Приятнее есть отдельно картошку и рыбу (как в том анекдоте о ромовой бабе: “А можно ром отдельно, а бабу отдельно?”). Не люблю сложных соусов; салатам и винегретам предпочитаю отдельные овощи (знаю хозяйку с моим вкусом: делает для гостей комплексный винегрет, а себе на тарелочку кладет отдельные овощи). Исключение у меня - супы, которые принимаю во всей их сложности. А вот что мне нравится из комплексного в области вкуса и осязания - это некоторые контрастные соединения: бутерброд с селедкой или сыром при сладком чае, запивание ледяной водой раскаленного горячего кофе, обливание холодной водой распаренного тела в бане... В одоральной сфере тоже заметно предпочтение отдельных запахов. Здесь даже и контрастных пар не приемлю. Есть и здесь исключения: потрясающе “вкусные” симфонии лугов и лесов. Вернее так: понимаю и принимаю симфонии запахов в природе, и даже в искусственной парфюмерии, но все-таки подойти к сосне и пропитываться ее смолистым запахом куда насладительнее, чем вдыхать общую симфонию леса. И, может быть, мой принцип “человек отдельно, духи отдельно” тоже из этой серии? Как видно, я под определенным углом восприятия разделяю органы чувств, но ценностно обоняние все-таки не поставлю ниже зрения и слуха.

СЕРЕБРИСТАЯ ЖИВОПИСЬ

Позабуду о прошлом навряд ли я,
Ибо несколько праздничных зим -
В серебристую живопись Латвия
Зазывала к пространствам иным.
Неподвластный стократному игу,
Мчался я в новогоднюю Ригу.

Там в музейной, астральной тиши
В живописные виды вживался.
И к истокам любви приобщался
Серебристой балтийской души -
С белокурой латышскою чайкой,
Что ко мне подлетала утайкой.

И страшась не чужих, а своих,
Посвящала в астральные сферы:
Живописных, прозрачных, святых
Созерцаний незыблемой веры -
В красоту богоданной природы
На путях абсолютной свободы.

С изумрудно-сапфирным оттенком
Зазывали в пространства холсты.
Вот и древних соборов кресты,
Неразлучны с потерянным веком,
В живописных виденьях сплели -
Возрожденье латышской земли.

1974
СПБ

Михаил Евсевиевич Юпп (Филадельфия, США) - поэт (семь стихотворных сборников), собиратель уникальных коллекций - изданий русских поэтов-эмигрантов, почтовых открыток, старинных монет и купюр. У нас впервые опубликован его стихотворный цикл "Эстонская музыка", как он писал, вынутый из "старых залежей": "Вышгород" 3,2003. Видимо, оттуда же и латышские строфы, до сих пор нигде не напечатанные. Есть и литовские: Михаил Юпп до эмиграции (1980) часто бывал в Прибалтике, она присутствует в его коллекциях. - Ред.

БЕСЕДА О РЕАЛИЗМЕ КАРЛА ГУНА

Беседую с приятелем в канун
Осеннего, очередного буйства:
- Скажи, а Карл Фёдорович Гун,
Он представитель русского искусства
Или латышских истин реалист?..
Вдруг мой приятель, явный нигилист,
Мне отвечает: - Этот живописец
Есть серебристой Латвии певец.
Он первый исторический провидец
И абсолютной истины - истец -
На фоне давних, западных идей
В сознание всех окраинных людей.

- Да-да Россия прикарманила иных,
Ну а других, так просто приручала.
Самодержавья на штыках стальных
Владения Прибалтики держала.
И то кнутом, то пряником потуг
Призывно загоняла в Петербург,
Чтоб в Академии Художеств непременно
Творцы с окраин, погасив сердца,
Являлись как бы русскими мгновенно,
Утратив суть национального лица;
И прочее и прочее и прочее -
Классической рутины многоточие.

- Постой, приятель, что-то не туда
Тебя уносит красноречья шхуна.
Ты посмотри, как передвижников среда
Приветствовала реализм Гуна.
Недаром за усердье и талант
В помощники к Вистелиусу взят
Он был еще тогда в молодые лета.
А Петербург, холодный Петербург,
Ему дарил не серебристость цвета,
А скорбный преждевременный недуг.
Но лечит все недуги русских ран -
Бальзам свободы европейских стран!

Ну а сегодня Карл Фёдорович Гун
Забыв Европой, Латвией, Россией,
Его сюжеты не для наших струн,
Сердечных струн и серебристой сини.

И всё-таки в астральности момента,
Вблизи старинного, дорожного мольберта
Запечатлеть пытается пейзаж
Все прелести пропущенного века;
С его засунутым в потёртый саквояж
Академическим проектом человека,
Застывшего в раздумьях у черты -
Русско-латышской давней красоты!

1974
СПБ

ИЗ “РЫБАЧЬЕГО ГНЕЗДА” ЮЛИЯ ФЕДДЕРСА

Сквозь “Рыбачье гнездо” серебристо-
Перламутровый с отблеском день.
И осенних деревьев монисто
Увлекло в живописную сень.
И по-женски, почти вертикально,
Светотень наклонилась слегка,
Чтобы вновь отражались зеркально
Путешественники-облака.

В созерцаньях жизни бродяжей,
Юлий Феддерс, как Шишкин, познал
Серебристую прелесть пейзажей
Через санкт-петербургский кристалл.
Но на тризне имен, к сожаленью,
Оказался ненужным в тени,
Да и к нынешнему поколению
Не вернутся астральные дни.

Сквозь “Рыбачье гнездо” осторожно
Я в пространство вхожу. Ну а там,
Там опять в пейзаже тревожно
Путешествующим облакам.
Эти ветви, крыши и сети
В светотень вертикали ушли.
Юлий Феддерс, так кто же в ответе
За картинность латышской земли?

Тут, в Лифляндской Швейцарии, мрачно -
Точно зубы дракона в ночи -
Миг истории однозначно
Обнажили руин кирпичи.
И тевтонских псов-рыцарей тени
Завывают в пещерной тоске:

Об утрате балтийских владений
И о замках на белом песке.

Сквозь “Рыбачье гнездо” проступает
Окрыленность латышской мечты.
Это Юлий Феддерс являет
Серебристый пейзаж красоты.
Я в пространство вхожу благочестия,
Где в рыбацком затоне река
Новой, близкой свободы пришествие
Приближает издалека!..

1975
Рига

ЯН РОЗЕНТАЛЬ ТЕПЕРЬ СПОКОЕН...

Снег падал с тихим умилением,
Густой и долгий, финский снег.
Душа, стремясь к иным селеньям,
Земной вновь просмотрела бег:
Былых занятий, дум, стремлений -
Среди астральных просветлений.

Вот столкновенья давних дней
К ночам противоречий рвутся.
Но жизнь и жёстче и трудней,
А к истине не протолкнуться
Сквозь тусклый отсвет маяка -
В Санкт-Петербург издалека.

Ян Розенталь теперь спокоен...
Всё там, в былых ночах и днях,
Где серый воздух обусловлен
В поступках, мыслях и словах
На скрытых островках занятий -
Сплошных стораний и разъятий.

От реализма в “Мир Искусства”
Скользит латышский звездочёт.
Но кто от пошлого безумства
К надзвёздным далям вознесёт:
Все дни астрального мышленья -
С ночами чувственного тленья?

Как всё ж туманны и кремнисты
Пути пространственных творцов!
Средь новых “измов” реалисты
В убранстве нынешних дворцов
Главенствуют в любой отчизне -
Благословенной правдой жизни.

Взгляд Яна Розенталя в срезях
Являет нам и русский взгляд.
Одна печаль сокрыта в стрессах
Картин, что тянут вновь назад,
К пейзажу с одиноким снегом -
Пронизанным астральным светом.

Снег падал с тихим умилением,
Двадцатый век кресты срывал.
И демон зла над поколеньем
Стрелков латышских хохотал,
Пока скользил в благуя даль
Надзвёздный гений Розенталь.

1976
Рига

ВИЛЬГЕЛЬМА ПУРВИТА ПЕЙЗАЖИ

*Жизни свет животворящий,
Всем нам, всем судьбою дан...*

Плудонис

/пер. А.А. Блока/

Прибрежные застыли кряжи
Над повестью жемчужных лет.
Вильгельма Пурвита пейзажи
Излили серебристый свет -
В элегиях безмерных далей,
Где из-под веера печалей
Является прелестный взгляд
Берёзок в образе нетленном;
И где о чем-то сокровенном
Мечтает предвечерний сад...

Куда несёт река столетья
Осколки живописных льдин?
Зачем о Пурвите пропеть я
Спешу в полураспадах длин,
Среди новейших наслоений -
Каких-то пошлых настроений

Во мгле сомнительных идей
И прочей авангардной сажки?
Вильгельма Пурвита пейзажи
Не для сегодняшних людей.

Но жизни свет животворящий
Хранится в тайниках сердец.
Мы любим тех, кто настоящий,
А не искусственный творец.
На лоне северной природы -
Ему не до капризной моды
С пустой и мнимой новизной
В INTIMITÉ свиных салонов,
Где от сезонов до сезонов
Слащаво-приторный отстой...

Лифляндские притихли пляжи,
И сквозь противоречья лет
Вильгельма Пурвита пейзажи
Астральный излучают свет -
На всех последующих срезах,
В художественных интересах
Познать движенье ветерка
Над серебристостью явлений,
Где в состоянье озарений
Слились с пейзажем облака...

1976
Рига

**ЮХАН
СИЛЛАСТЕ**

**ДЕТЕКТИВ
С
"НАЦИСТСКИМ"
АКЦЕНТОМ**

Как-то весной воскресным утром шел я по Тоомпу-йестеэ. Все как всегда. Солнце светит, люди не спешат. На этом вполне благостном фоне в глаза бросился старoproфессорского вида человек, в явно растерянном состоянии. Все порывался к кому-то обратиться, но в последнее мгновение не решался. Наконец оказались мы в метре друг от друга. Do you speak English? Yes, I do, how can I help you? Но дальше разговор застопорился. Английский встречного был сильно неродным, скорее всего остатки от зачета тридцатилетней давности в советском ВУЗе. Раз советский, попробуем объясниться на русском. Оказалось, он - преподаватель из Костромы, впервые в Эстонии, прямо с поезда, и нужно ему на Ратушную площадь. Надо было видеть чуть ли не детское умиление в его глазах - эстонец объяснил ему по-русски, как дойти до Ратуши. Потом я не раз пожалел, что не нашел десяти минут поговорить с ним о его страхах, с которыми он, видимо, в Эстонию прибыл. Ну, опоздал бы чуть на встречу... Ладно, опаздывать негоже, но ничто не мешало быстренько договориться о встрече через пару дней - дабы узнать, с чем костромич уедет. Проворонил возможность, что и говорить.

Неожиданно оказалось, что в какой-то мере мой промах удастся восполнить благодаря московской журналистке Анне Амелькиной, которую с группой российских журналистов пригласили в гости "Русский Дом" в Таллинне и Эстонско-Российская палата предпринимателей. Ей слово (журнал "Профиль" № 38, октябрь 2005).

Юхан Силласте (Таллинн) - директор Института социально-экономического анализа Эстонии, а также Института России и СНГ. Главная сфера исследований ученого - экономические процессы переходных обществ. Член редакционного совета журнала.

Анна Амелькина говорит с *“самым известным русско-эстонским олигархом”* и председателем Эстонско-Российской палаты предпринимателей Олегом Карпиковым. *“Я, например, приезжаю в Москву к партнерам, а они смотрят на меня как на тяжело больного. Ни разу не обходилось без вопроса: “Ну как ты ТАМ? Тяжело?”*, - сетует собеседник.

А что ж рядовые россияне? Они ведь тоже не лыком шиты, телевизор смотрят, газеты читают, вполне сознательные в общем-то.

РИА “Новости” 22 июня с.г.: “Кто враги России? Данные опроса” - результаты, полученные “на днях” Аналитическим центром Юрия Левады. Выяснилось, какие государства россиянами воспринимаются как враги. Оказывается, что четыре страны далеко опережают остальные: Латвия - 49 %, Литва - 42 %, Грузия - 38 %, Эстония - 32 %. Ну да ладно, государства государствами, а люди - это люди.

Российский социолог академик Розалина Рывкина, одно время занимавшаяся отношением русских к евреям, затрагивала в своих исследованиях попутно и другие национальности. В середине 90-х она выяснила, что самые страшные персонажи, которых опасаются, которым не доверяют, - это чеченцы, а за ними сразу - эстонцы. Американцы, цыгане, евреи, немцы на фоне эстонцев просто безобидные малые, милейшие создания. Вроде бы и основания для претензий имеются. Из несметных глубин интернета удалось выудить фразу, сказанную в свое время “Независимой Газете” Вадимом Кисиним (государев человек нехилого ранга - заместитель министра): *“Наибольшее количество жалоб и просьб о помощи нашему правительству поступает именно из Эстонии... наши соотечественники, постоянно проживающие в этом европейском государстве, объявлены оккупантами и таковыми они лишены многих политических и, что особенно больно задевает простых людей, экономических прав”*.

Вот сижу я за столом, пишу эти строки, вполуха слушаю российское ТВ и... слышу металл в голосе Александра Минкина, очередной раз рассуждающего о колоннах эсэсовцев, марширующих по улицам балтийских стран, чуть позже жалобный голос новостной дикторши, поведавшей, что в Эстонии день освобождения Таллинна от фашизма решено объявить днем национального траура....

Такая информационная артподготовка вполне объясняет боязливо-храбрые (пугливо-мужественные) телодвижения мимолетно встреченного костромского профессо-

ра, его маскировку под англоязычного. В одиночку ведь в стане свирепого врага. Неудивительно и другое - 73 % опрошенных после избрания Путина президентом вторым по жгучести желанием выдвинули: призвать к порядку страны Балтии. Как в былые времена: *хоть Пастернака я и не читал, но гневно осуждаю*. Это мы уже проходили.

Естественно, что кончина Советского Союза вызвала не только изменения в общественно-политическом устройстве, экономике, но и в ощущении того, кто есть кто. Вдруг обнаружилось - старший брат и не брат вовсе, а лишь ощущал себя им, он только начальствующая особа, властью назначенная родственником. Выявилось, что приходится неизбежно выстраивать отношения совсем по-другому. Конечно, становление взаимоотношений со-держательно нового типа - тема для толстой монографии.

Так что же сегодня на поверхность выходит? Неужто - beznadjoga.ru, как МЭ (газета "Молодежь Эстонии") однажды озаглавила отчет об очередном контактном российско-балтийском семинаре? Или же наоборот - lootusetus.ee (та же безнадега)? Неужто постсоветское международное разделение труда отводит России роль ругателя-разоблачителя, а Эстонии - ругаемого? Некогого заместителя американского империализма и международного сионизма за неимением под рукой другого?

Представления обывателя о меняющемся мире складываются из далеко не равновесных источников. Есть наука, и есть политика. Продукт науки - знание, то, что было и есть. А политика говорит, что должно быть. Как правило, знание политикам мешает: *я знаю, как осчастливить человечество, а ученые чего-то вякают...* Научный результат доводится до человека через образование, через специальные издания, научно-популярную литературу. Политик доводит свои хотения через пропаганду - в основном через масс-медиа, а закрепляется все это беллетристикой и фильмами из разряда ширпотреба. В этом их отличие от серьезной литературы и киноискусства. Достоевский, Бальзак, Гоголь, Феллини, Тарковский - они на службе знаний, помогают жить, осмысливают общечеловеческие проблемы, а беллетристика и сериалы - своего рода интеллектуальный фаст-фуд: пузо набито, а что ел - особо не помню.

Каковы тенденции в отображении Эстонии в современной российской литературе?

Если сказать обобщенно, то судя по масс-медиа и беллетристике, которая служит политическим, пропаган-

дистским целям и должна описывать не то, что есть, а то, что должно быть, у России сейчас острая нехватка посильных врагов. Америка вроде отпала, принято говорить, что США теперь уважаемый партнер. С Украиной и Грузией - сложности. И оказалось, что роль посильного врага, на примере которого можно воспитывать самоидентификацию, чувство “мы - они”, выполняют Эстония с Латвией. На эту роль пробовали было Украину и Грузию, сейчас аж Польшу, но - не слишком получается, а Эстония остается все еще главным “посильным врагом”. Невольно складывается такое впечатление.

Полученные в Институте социально-экономического анализа Эстонии результаты обобщения российской печати и радио- телеэфира за 1991-2000 гг. совпали с выводами ученого, который в Москве занимался анализом масс-медиа. Как ни странно, несмотря на различия в информационной базе (мы смотрели по интернету “всю Россию” , он изучал содержание двадцати пяти ведущих газет), выяснилось с точностью до процента, что 85 процентов материалов - негативны. Ну не полагается Эстонии быть хоть в чем-то положительной. Помню, мы были с одним коллегой (журналистом, кстати) в Москве, так вот его на ночь глядя выгнал брат - они стали говорить “за жизнь”, про пенсии, зарплаты, сколько что стоит, и хозяин просто разъярился - что, мол, ты родному брату врешь? Мы здесь досконально знаем, что у вас там творится!..

А закрепляются результаты пропаганды окончательно именно беллетристической. Есть, конечно, отдельные книги научного плана, авторы которых пытаются разобраться, что такое Эстония. Из них рекомендовать можно разве что книгу Ренальда Симоняна “Россия и страны Балтии”.* Но литературного ширпотреба наберется на целую полку, не менее, а то и поболее.

Фаст-фуд по всему миру одинаков. Сотворил, скажем, бывший разведчик Иэн Флеминг в Англии агента 007, как последовал “*наш ответ Чемберлену*”. Скромный полковник военной разведки Сергей Донской (псевдоним, разумеется) запустил в оборот русского 007.** Не Бонд, но Бондарь, не Джеймс, но Евгений, секретарем служит не Манипенни, но Алтынникова. Словом, все как у людей.

*Р.Х. Симонян. *Россия и страны Балтии*. М.: Academia, 2003. Рецензия: “Вышгород” 6, 2003. Юхан Силласте. Продукция “зеркального производства”. - Ред.

** Сергей Донской. *Умри сегодня и сейчас*. Роман. Москва. “Эксмо”, 2004. На обложке: ФСБ. Русский 007. Серия?

Владеют, мол, ремеслом российские труженики печатной клавиатуры.

Блюда наивысшего искусства кулинарии в “МакДональдсе” никто заказывать не будет, да и цены сильно разнятся. Просто издатели обеспечивают себе пропитание. Работают целые многолюдные комбинаты: во Франции - Морис Дрюон, на рынке России - Фридрих Незнанский, Чингиз Абдуллаев. Ширпотреб таков, что не стоит даже выяснять, кто там автор на самом деле. Берутся газеты, текущая политинформация - и расписывается в книгу. Памятуя о Ленине применительно к Льву Толстому, самое время кому-то сесть и писать статью “Фридрих Незнанский как зеркало российского мировидения”.

Возьмите несколько книг наугад, где Эстония “присутствует”... Рецептúra одинаковая, и продукт более-менее одинаковый, и ощущение от чтения то же самое. О чем речь - потом вспоминаешь мучительно, но какое-то смутное впечатление об отвратительной стране и населяющих ее нелюдях все же остается.

Что же видит профессионально цепкий взгляд русского 007? *“Есть одна подходящая дыра в северо-восточной части Европы... Охрененно независимое государство...”* Пярну - *“зимой это просто захолустный городишко на шесть тысяч жителей. Сосны, белый песочек, крохотные домики, уличные сортиры с окошками в виде сердечек...”* *“Тамошние правоохранительные органы являются филиалами ЦРУ...”* Эстонской полиции *“ничего не стоит упечь русских в кутузку...”* *“Цены в магазинах запредельные. Коммунальные услуги раза в три дороже, чем в России. В каждом доме стоят счетчики не только на электричество, но и на газ, горячую и холодную воду. Приходится на всем экономить ... (людям) надоело прозябать в нищете ...”*

“Бондарю суп не понравился” и *“профашистская атмосфера в Пярну”* тоже, заодно и органная музыка: *“Как будто пьяный гармонист играет ... ни мелодии, ни ритма”*. В Таллинне *“было тепло, чисто и скучно”*. Ох уж эта чистота, даже штамп удастся негативно окрасить, герой испытывает *“сильнейшее желание сплюнуть на вылизанную мостовую”* Ратушной площади. Ну не имеет Эстония права быть другой, отличной от должного. И еще - этот невыносимый язык, существующий в силу *“известного тугодумия эстонцев, не сумевших овладеть немецким”*. (А потом, видимо, русским?) *“У меня от этих дурацких названий уже голова раскалывается - пожаловалась Алтынникова ... - Рийгикогу... Мунамяги... Йыэсуу... Пюхайыэ...”* Плюс *“ужасающий прибалтийский акцент”*, который столь ос-

корбителен для начальствующего слуха, что передразнивание эстонской журналистки на высочайшей пресс-конференции стало как бы естественной частицей великохамского этикета. Это уж за пределами рассматриваемой книги, из политической повседневности этого лета. Какой-то отзвук мироощущения ленинградской шпаны начала 60-х. До чего-то там взрослого еще не доросли, но выпендриваться страсть как хочется. Главное, посмачнее плюнуть, пообиднее лягнуть.

А в целом Эстония - это страна победившего фашизма, где суд и расправу вершат старый нацист штурмшарфюрер Рейн Вейдеманн, *“председатель конституционной комиссии парламента Эстонии, член партии “Республика”* Урмас Рейнсалу, киллер от КаПо Юри Куускемаа, престарелая фашистка Лауристин, а также другие изверги и персонажи *“эпохи великого Рейха”*.^{*} Это страна, где принято *“избивать прикладами тех прохожих, которые не умели говорить по-эстонски ... подобные мероприятия вошли в обязательную программу обучения новобранцев”*. Школьницы слезно просят: *“Вы, когда домой вернетесь, обязательно там скажите, что нам в школе ничего на русском не разрешают. Ни читать, ни писать, ни даже говорить друг с дружкой”*, а *“замордованная бабулька”*, русская пенсионерка, *“вынуждена работать на эстонцев, чтобы не помереть с голоду... Русскоязычное население заочно приговорено этими выродками к истреблению и насильственному выдворению”*...

В общем, убив кого надо и не надо, *“дав себе слово сразу по возвращении в Москву написать рапорт о ситуации в*

^{*}Корреспондент еженедельника “Вести дня” (27.V.2005) связался по телефону с московским издательством “Эксмо”, породившим третьесортный (однако многотиражный) детектив многоопытного “полковника”, чтобы выяснить - почему он (или его бравая команда?) использовал фамилии видных в Эстонии людей. (Писателей, ученых, деятелей культуры и, кстати, некоторых авторов и членов редсовета журнала “Вышгород”!) “Вестям дня” ответили: Донской взял эти (именно эти!) имена и фамилии из эстонских газет наугад, какие под руку подвернулись. Можно бы сделать вид, что мы издательству верим, если бы не одна оговорочка. Смысл таков. Ах, если бы мы знали, что это за люди, мы бы обязательно попросили изменить имена. Например, как в детективе с “грузинским” сюжетом. Увидели, что антигерой - Саакашвили, и предотвратили скандал: Донской согласился фамилию заменить! Так, да? Но тогда срабатывает логика, и возникает закономерный вопрос: а что, фамилия грузинского президента “темному” автору (на обложке он-таки без лица! - скрывается от суда и следствия?) тоже была не известна и нечаянно на глаза попалась?.. Как когда-то в одну советскую газетку написал дотошный рабкор, прочитавший заметочку о первобытных людоедах (а не детектив некоего Донского о фашистских застенках в сегодняшней Эстонии), - “Дорогая редакция! Я не верю!..” Пожалуй, солидному издательству так же плевать на такие письма, как 007 Бондарю - на нашу Ратушную площадь. - Прим. ред.

Пярну”, Бондарь с напарницей выбирается живым из этой передряги после ужасных пыток в застенках “Эстонской лиги борцов за свободу”.

Назревает рекомендация, несомненно из разряда злорадных: нужно бы заставить читать такие книги русских школьников в наших школах, чтобы они знали, как в России преподносят их родину и какой должна Эстония быть, чтобы тамошние политики могли чувствовать себя на коне.

Года два с половиной тому назад в Таллинне состоялось громкое, ажиотажное даже событие - первый послевоенный матч национальных футбольных команд России и Эстонии. Дело в том, что среди футбольных фанатов традиционно преобладают русские, а тут приезжает российская сборная. Да еще во главе с уроженцем Нарвы Валерием Карпиным! Словом, страсти ожидалась нешуточные, вплоть до мордобоя на трибунах и беспорядков в городе. Из Питера прибыла специальная команда болельщиков, первым делом развернувшая внушительных размеров транспарант “Хозяева пришли”. И громкоголосые они были, и бучу попытались поднять. Но скоро конфузливо притихли - оказалось, что здешние русские болели за Эстонию. Довершился их конфуз тем, что эстонская сборная победила со счетом 2-1. Победный гол забил Сергей Терехов из Пярну. Эстонские газеты на русском вышли на следующий день с крупными заголовками - наши победили!

Где бы ни жил человек, в Гамбурге ли, Стокгольме или в Пярну, все равно каждый кулик свое болото хвалит. И если мое болото расписано в газетах/книгах как черт знает что, это бьет и по мне. Ведь русские, живущие в Эстонии, смотрят российское ТВ, так или иначе потребляют российский литературный фаст-фуд.

“Нам, русским, живущим в Эстонии, не хватает позитива, вашего лояльного настроения по отношению к стране, в которой мы живем. Получается двойная замкнутость нашей диаспоры: негатив внутри и негатив снаружи, исходящий от большого брата - России. Ты удивишься, но у нас нет проблем, о которых все время талдычит российское телевидение. Чем больше вы будете показывать, что мы, эстонские русские, лучше, что мы хорошие ребята, не перебежчики и не предатели, тем скорее у нас появится стимул что-то менять в своей жизни и не роптать на судьбу. Российские СМИ делают нас уязвимыми”, - сетует Олег Карпиков.

В то же время в беллетристике, подобной “Умри се-

годня и сейчас” С. Донского, нет по меньшей мере двух важных вещей.

Первое - это русская мечта. В сверхсложные для себя 30-е годы американцы делали сильнейший упор на *an American Dream*, особенно силами Голливуда. А что такое русская мечта сегодня? В беллетристике ее не обнаруживаем. Политики рыщут в поисках новой русской идеи. Но пока налицо поиск врага, а чего-то позитивного, сродни американской мечте для обывателя, все нет. Прищучивание бывших совреспублик, желание хотя бы виртуально их мордой об стол хрястнуть, ведь не заменяет ее, разве что дает некий суррогат скоротечного удовольствия.

И второе - отсутствуют русские с их жизнью в Эстонии. Русские то ли мимоходом упоминаются, то ли их нет вовсе. Видимо, потому, что особо про них ничего не напишешь: “Хижина дяди Тома” не получается, писать, что есть - извините, это уже не пропаганда.

В общем, русских в Эстонии вроде бы и нет. Их обнаруживает Анна Амелькина. Стандартно русские ли они, что ими движет? Есть ли у них собственные устремления или они склонны ждать, пока в Кремле для них что-то придумают? Именно схожими вопросам задается журналистка. Несомненно - это профессиональная заслуга, которую трудно переоценить. *“В Эстонии русские и эстонцы - параллельные миры. Два коржа одного пирога, которым всё, как говорит современная молодежь, “параллельно”. Пересекаться они не хотят. А придется”*. Таков ее начальный постулат. Однако выясняется, что не все так просто и однозначно.

Что же пишет в своем отчете Анна Амелькина? Оказывается, что одной из ее собеседниц, хозяйке “Русского Дома” Марине Тэе, как и русскому 007, Эстония кажется скучноватой. *“Я вот недавно поняла, что мне здесь стало окончательно скучно. Собралась перебраться... - ...в Европу?! - В Россию. В России жить интереснее. Драйва больше!”*

А вот другой диалог, со встречи со студентами Таллинского университета, факультета русской журналистики: *“К нам тут плохо относятся! - заявила мне отличница-первокурсница буквально с порога. - В чем это выражается? - Меня оштрафовали, потому что я не представила справку о знании эстонского языка. - Ты живешь в этой стране и не знаешь языка? - Знаю... - А почему тогда справку не сдала? - Забыла... - Я тоже недавно “забыла”, что надо соблюдать скоростной режим, и московский гаишник меня оштрафовал. Но у меня и в мыслях не было обижаться на всю страну”*.

“Нас здесь не любят!” За первым курсом в наступление пошел второй. “А что вы тогда здесь живете? Поезжайте в Россию... Нет, ну что вы! У вас там полное бесправие!” Такой вот вышел разговор. Говорили на одном языке, а друг друга не поняли”.

Не секрет, что многие русские живут, оглядываясь назад, в СССР, не смогли понять: в прошлое возврата нет. Прорусский партиец Евгений Томберг (так его характеризует Анна Амелькина) открыто критикует местных русских за то, что они не хотят жить полноценной жизнью в независимой Эстонии. *“Русские после развала СССР оказались в Эстонии иностранцами. Но им пора осознать: таких “иностранцев” в стране около 30 процентов. Эстонцы это давно поняли и сегодня активно пересматривают свои отношения с русскими. А русские по старой привычке продолжают обижаться, вместо того чтобы строить здесь новую жизнь. Даже ЕС ставит вопрос о том, что в Эстонии огромное число русских неграждан - людей, не принимающих эстонское гражданство по принципиальным соображениям”.*

Действительно, немало людей себе на уме, хитрованов, которым не столь важно быть гражданином, сколь не быть подданным. История напоминает, что в процессе “добровольного вхождения в СССР” советские спецслужбы первым делом начали хватать и вывозить из граждан Эстонии именно русских. Задолго до превращения Эстонии в союзную республику. Так зачем рисковать, вдруг *“наши снова придут”*? Тем более, что отсутствие гражданства в повседневной жизни особо не сказывается. Если, конечно, нет стремления стать депутатом или всласть поехать по западам. За Россию тоже отдуваться не ахти как хочется. Благ оттуда не предвидится, а обязанности у гражданина-подданного неизбежно возникнут. А так умный теленок двух маток сосет. В случае чего можно разным там за границам пожаловаться на угнетение, на национальную дискриминацию. Пусть у Эстонии и эстонцев голова болит, а с меня взятки гладки.

Я бы сказал, что человеку нужна разносторонняя информация. В исторической науке есть термин “источниковедение”. *“А вспомнить, о чем писали русские газеты Эстонии, вообще невозможно. Потому что русские издания существуют в Таллине автономно, словно не обращая внимания на то, что за окном XXI век и что вокруг течет жизнь страны под названием “Эстония”. Нелепые фотографии. Тексты - ни о чем. В колонке происшествий - долгое обсуждение трагического случая: мальчик на велосипеде*

въехал в столб. Столб и мальчик целы. Всплеском неоправданной журналистской активности отличаются темы недружественных отношений русских и эстонцев. Об этом в русской диаспоре говорят пафосно, и часто - бездоказательно”.

Не все воспринимается наблюдателем так плохо и беспросветно. “В любом эстонском такси звучит русское радио. Молодежь, рожденная вне СССР, валит на курсы русского языка Эстонцы же поняли, что пересекаться с русскими все-таки придется, и у них даже вошло в моду отправлять своих чад в Россию. Учиться. На русском, между прочим, языке ... Через два-три года здесь вообще исчезнут понятия “русский бизнесмен” или “эстонский бизнесмен”. Человека будет представлять его компания. А многие компании интернациональны”.

Разумеется, и в этой цитате прослеживается смешение действительного с желаемым. От пропаганды к знанию и от беллетристики к литературе мы дойдем только тогда, когда русский человек в Эстонии будет виден во весь рост. Можно ли эту (сверх)задачу доверить “сторонним профессионалам”, делать ставку на их непредвзятость, а если повезет, то и на благосклонность?

Эстонцы имеют привычку поговаривать “*ise tehtud - hästi tehtud!*”^{*} Знаменитый баскетболист (медалист олимпийских игр и многих европейских и других чемпионатов), известный педагог Иван (Иоанн) Лысов взял да на склоне лет написал книгу о своем жизненном пути. И в Эстонии досоветской и послесоветской, не говоря уж о советских временах. Перед читателем предстают все три разные Эстонии (и все же по сути своей одинаковые) и русский человек в них со своими устремлениями, удачами и неудачами, радостями и жизненными невзгодами, опытом их преодоления. Словом, все, что нужно “юноше, обдумывающему житье”, особенно русскому, для кого Эстония не только место рождения, а Родина.

Жаль, что книга до сих пор на русском не издана.

P.S. От редакции: При просмотре романа “Умри сегодня и сейчас” мы столкнулись не только с диффамацией, но и плагиатом знакомого покроя (см. “Катриону Келли” у Ю. Дружников, с. 85). Часть рассказа Юри Туулика (“Вышгород” 1-2, 2002. “Салака Мурика”) беспардонно “списал” (цитируя, делают ссылки), приправив текст своими нацистскими специями, явно местный “знаток” или поставщик (сс. 244-246). Однако у нас пока нет места и желания вдаваться в подробности. Пока!

^{*}Сам сделал - хорошо сделал!

**ВИКТОР
СУВОРОВ
ДЕРЖИ
ФАЛЬСИФИКАТОРА!**

*Это даже не математика,
а арифметика.*

С. Иванов
Министр обороны РФ.
“Красная Звезда”
4 марта 2005.

Нигде в мире борьба с фальсификаторами истории Второй мировой войны не ведется с таким размахом, как у нас. Листаешь заморские журнальчики военно-исторические, - редко-редко какой полковничек выскажется... А у нас! А у нас на борьбу подняты массы. У нас генералы фалангой прут, громя и сокрушая охальников гневными статьями и речами. Да что там генералы. У нас на борьбу брошены силы неисчислимые. Склоним головы перед могуществом: Генеральный штаб! Академия наук! Академия военных наук! И вместе с ними, - институты всех мастей и калибров, прессы, радио, телевидение, легионы бойцов невидимого фронта в Интернете срывают все и всяческие маски. Государственная Дума в стороне не осталась, народные избранники высказались четко и предельно категорично: фальсификаторам - бой! Фальсификация не пройдет! Защитим правду истории! В законодательном порядке!

Да что там академики и генералы! Что там избранники и душ человеческих инженеры! У нас на борьбу с фальсификаторами истории войны подняты Вооруженные силы. У нас органы недремлющие этой проблемой озаботились. Да у

Виктор Суворов (Владимир Богданович Резун) с 1978 года живет в Великобритании. Военный историк. “Альтернативный”. После ухода из резидентуры ГРУ на Запад стал писать романы-исследования, докапываясь до истинных причин начала Второй мировой. Официального признания и “реабилитации” в России Владимир Богданович еще не дождался, но 18-серийный фильм “Последний миф” о нем уже был, книги Виктора Суворова издаются в России огромными тиражами и не залеживаются, а расхватаются как бестселлеры. Мы дважды публиковали главы из его трилогии “Тень победы”: “Вышгород” №№ 6,2003; 5-6,2004. Книга переведена на эстонский и выпущена издательством Olion. - Ред.

нас глава правительства... Мало того... У нас сам Верховный Главнокомандующий поднял карающий меч правды в готовности обрушить его на голову любого прохвоста, который посмеет очернительством заниматься. Размах борьбы таков и таков накал страстей, что незаметно для самих борцов их святое и правое дело уже стало национальной идеей новой свободной демократической России. Мудрецы в пыльных учебниках искали Идею, а она нежданно воссияла над их головами. У нас вновь появилась Великая Цель, и заключается она в том, чтобы уберечь наше светлое прошлое от очернения. Великая Цель хороша тем, что близка. Всего только написать новый десятитомник! Еще одну конференцию собрать! Усилить патриотическое воспитание! Книжку доходчивую выпустить! Фильм отснять да раскрутить! Раскрыть документ архивный, да им и припечатать мерзавцев к стене позора!

И в то же время Великая Цель - недостижима. Сколько конференций ни проводи, не уйти от факта: сталинские людоеды и головорезы, истребившие десятки миллионов собственных граждан, не могли дать никому никакой свободы. Просто потому, что не было им резона убивать свободу в своей стране и тут же нести ее соседним народам. Не было им толку одной рукой загонять своих людей за решетки и колючую проволоку, а другой - срывать оковы с соседних народов. Незачем им было держать своих мужиков в колхозах, а зарубежных землепашцев награждать землей и правом свободного творческого хозяйствования. Никакие десятитомники не смогут никому доказать, что орды рабов, подгоняемые пулеметными очередями заградительных отрядов, могли быть освободителями. Не могли! Просто потому, что не имели о свободе никакого понятия. Просто потому, что результатом разгрома Германии стало невиданное усиление вертухайско-стучаческой власти в собственной стране. И сколько ни издавай популярных статей и книжек, не замазать того факта, что товарищ Сталин вступил в войну союзником Гитлера, вместе Европу делили и терзали. Не вернуться нам от прошлого, не отстирать забрызганного кровью мундира завоевателя, не перекрасить его в радостные тона: в 1941 году главные силы Красной Армии вступили в войну на оккупированных территориях растерзанных и покоренных соседних стран и в 1945 году завершили войну оккупацией, которую замыслили на вечные времена.

Итак, Великая Цель - сокращение фальсификаторов - и близка, и принципиально недостижима. Как морковка на веревочке перед мордой ишака. В том-то вся прелесть и заключается. Борьба за правду истории можно вечно. Борцам за Идею гарантированы хлебно-масляные должности, почетные звания, эфирное время и новые миллиарды на патриотическое воспитание. Я на себя, мелкого враженка, с гордостью взираю: скольких генералов работой обеспечил! Граждане генералы, а ведь я же ваш кормилец! Не будь ме-

ня, как не впасть вам в отчаяние! А так, - никакого отчаяния: премии, ордена, тиражи, хлебосольные симпозиумы и пожизненные гарантии от безработицы.

Есть и еще одна причина, которая не позволит сразить фальсификаторов истории Второй мировой войны железным кулаком государственной идеологии. Заключается она в том, что главные борцы с фальсификацией являются одновременно и главными фальсификаторами. У нас во всем так заведено: с воровством борются воры, да не мелкие, а центровые, а с продажностью чиновников - самые из них продажные. И правду истории защищают те, кому по должности положено ее извращать. Генерал-полковник Д.А. Волкогонов, к примеру, был главным военным историком. А чуть раньше - начальником управления спецпропаганды Главпура, т.е. главным шулером Советской Армии.

Но вернемся в настоящее время.

В апреле 2005 года состоялась грандиозная научная конференция: лампы, эполеты, ученые звания, доклады, дискуссии, шампанское. С эпохальной речью выступил заместитель министра обороны РФ - начальник вооружений ВС РФ генерал армии А. Московский. И не в том ужас, что порол чепуху, а в том, что никто не возражал. Генерал армии Московский, к примеру, поведал о том, что за два года до нападения Германии на СССР в Советском Союзе "было сформировано 125 новых дивизий". Интерес генерала армии понятен. Он стремится доказать, что миролюбивый Советский Союз к войне не готовился. Или готовился спустя рукава. Но Советский Союз готовился. И достаточно серьезно. И мог бы кто-то возразить: не за два года, а только с начала июня 1940 года по начало июня 1941 года, т.е. за один год, только в составе ВВС было сформировано 79 новых дивизий. За тот же год была сформирована 61 танковая дивизия. Итого за год 140 одних только авиационных и танковых дивизий. Но ведь больше всего формировалось стрелковых дивизий. А еще моторизованные. В воздушно-десантных войсках формировались новые бригады (это меньше дивизий) и корпуса (это больше дивизий), но дивизий как таковых не было. Но это не значит, что ВДВ надо сбрасывать со счета. А кроме того - дивизии НКВД. В Германии дивизии СС считаем, а наши дивизии НКВД пропускаем. И вывод: враг был сильнее.

Генерал армии Московский - мыслитель жуковского калибра. Он не просто говорит и мыслит, как Жуков, но делает это с потрясающей точностью, вплоть до запятых.

Жуков: "С января 1939 года по 22 июня 1941 года Красная Армия получила более семи тысяч танков. В 1941 году промышленность уже могла дать около 5,5 тысячи танков всех типов. Что касается KV и Т-34, то к началу войны заводы успели выпустить 1861 танк" ("Воспоминания и размышления". 1969. Стр. 205).

Московский: "С января 1939 года по 22 июня 1941 года

Красная Армия получила более семи тысяч танков. В 1941 году промышленность уже могла дать около 5,5 тысячи танков всех типов в год. Что касается новых танков типа KV и Т-34, то к началу войны заводы успели выпустить 1861 танк” (“Красная звезда” 13 апреля 2005).

Цифры эти давно опровергнуты. Рекомендую генералу Московскому и всем, кто ему аплодировал, “Статистический сборник №1”, выпущенный Министерством обороны в 1994 году: танков KV на 21 июня было 711, Т-34 - ровно 1400. Справочник тем хорош, что указывает, кто, когда и сколько танков выпустил, какой завод, когда, кому и сколько отгрузил. Цифры из “Статистического сборника” обоснованы и подтверждены архивными данными, а данные Жукова-Московского взяты с потолка.

Далее генерал армии Московский объявил, что за время войны советская промышленность произвела 490 тысяч артиллерийских орудий...

История вопроса такова: в 60-х годах XX века эта цифра была официальной. Именно ее вписал Жуков в “самую правдивую книгу о войне”. В 1974 году Жуков умер, а цифру тем временем объявили другую: за годы войны советская промышленность произвела не 490 тысяч орудий и минометов всех калибров, а 825 тысяч. Разница, как видим, немалая - 335 тысяч стволов. Третью миллиона. Так же были пересмотрены цифры производства самолетов, танков и другого вооружения. Новую цифру вписали в “Советскую Военную Энциклопедию”. И под нею подписались Маршал Советского Союза А.А. Гречко, Адмирал флота Советского Союза С.Г. Горшков, главный маршал авиации П.С. Кутахов, генералы армии А.А. Епишев, С.П. Иванов, Н.В. Огарков, И.Г. Павловский, И.Е. Шавров, И.Н. Шкадов, целый взвод генерал-полковников, полтора легиона академиков, профессоров и докторов.

Что прикажете делать мертвому Жукову? Ужели так и настаивать на неправильных, явно заниженных цифрах, подсунутых ему чьей-то вражьей рукой? Нет, конечно! Мертвый Маршал Победы тут же решительно исправил свою ошибку. А чтобы не возникло всяких там нежеланных разговоров, появилась и сносочка: взята сия цифра не с потолка, а переписана из “Советской Военной Энциклопедии” - Москва, Воениздат, 1976 год, том 2, стр. 66. Георгий Константинович Жуков, от лица которого ведется повествование, в своих воспоминаниях сослался на книгу, которая была подписана в печать через два года один месяц и два дня после его смерти.

Беда генерала Московского в том, что он мыслит по первому изданию мемуаров Жукова. Но время-то идет. Никто не спорит, в свое время первое издание “Воспоминаний и размышлений” было самой правдивой книгой о войне. Но продолжалось это совсем недолго. До момента, пока не вышло второе издание, которое полностью опровергло

первое. А потом вышло третье издание, которое опровергло первые два. Мемуары Жукова хороши тем, что в любой данный момент они полностью соответствуют официальной линии сегодняшнего дня. Появляются новые факты, новые толкования истории, новые документы и цифры, в соответствии с этим меняются и мемуары Жукова. Генерал армии Московский не понял простой истины: “Воспоминания и размышления” - основа всех основ. Но ссылаться надо не на первое попавшееся под руку издание, а только на то, которое в данный момент является последним. В настоящее время действует тринадцатое издание. И только оно может считаться самой правдивой книгой о войне. Мертвый Жуков идет в ногу со временем, а живой генерал Московский за стремительно меняющимися взглядами Маршала Победы не поспевает.

И сидят в зале большие чины, в ладоши хлопают. Им один черт: что 490 тысяч орудий и минометов, что 825 тысяч. Интересно, когда об их персональных доходах речь заходит, столь же им безразлична разница в 335 тысяч?

Хотя возможен и еще один вариант. Просто наша наука военно-историческая пришла к неопровержимому заключению: первоначальная цифра верна. А 825 тысяч, это выдумка маршала Гречко и примкнувших к нему Епишева с Огарковым. Если так, то интересно будет проследить, как на новую (т.е. старую) цифру будет реагировать маршал Жуков, неужели в новейшем издании вернется к первоначальной цифре и в подтверждение сошлется на номер “Красной Звезды”, который вышел через 30 лет после его смерти?

Между тем Центральный орган министерства обороны внес ясность: за годы войны “фронт получил 300 тысяч орудий” (“Красная звезда” 7 мая 2005).

Та же газета в том же номере сообщила: “За войну труженики тыла дали фронту 96 тысяч танков, 108 тысяч самолетов, около двух миллионов артиллерийских орудий и минометов различных калибров”.

Я понимаю, что министр обороны может не знать тонкостей военного дела. Но тут же не тонкости! На мой взгляд, министр обороны должен читать центральную военную газету. Допускаю, что министр ничего не понимает в зеленых пушках. Простительно. Но пусть представит себе некие иные зеленые предметы. Интересно способен ли гражданин министр уловить разницу: триста тысяч или два миллиона?

Если бы кто-то сказал: раньше мы думали так, а теперь считаем иначе. Но нет. Разные цифры соседствуют в режиме мирного сосуществования: и 300 тысяч орудий и минометов, и 490 тысяч, и 825 тысяч, и “около двух миллионов”.

Самое удивительное, что речь идет об официальных цифрах, изрекаемых на весь мир лицами весьма ответственными (имею в виду их должности, но не поступки). Разной в официальной авиационной и танковой статистике

не столь впечатляет, но тоже представляет интерес. Тут тоже мирно сожительствова­ют официально объявленные министерством обороны и Генеральным штабом очень разные цифры. Они объявляются не просто в один и тот же год, но, как мы видели, в один и тот же день в одной и той же газете. Правда, на разных страницах. Боевых самолетов Советский Союз за время войны произвел 108 тысяч. А может быть, - 112 тысяч. Или 134 тысячи. Или 136. Или 137 тысяч. Каждый может выбрать для себя любую цифру. И каждая будет правильной. И каждая имеет официальное подтверждение министерства обороны РФ.

Танков и САУ на их базе было произведено 96 тысяч. Или 102 тысячи. Или 108,2 тысячи.

На фоне пары этих примеров каждый сам может себе представить, что творится в других областях российской военно-исторической науки. Например, в вопросе о людских потерях в войне. Легко посчитать, сколько было дивизий в Красной Армии накануне войны. Сегодня любой школьник, используя открытые источники, способен сам лично составить список всех дивизий с указанием места дислокации, подчиненности, состава и имени командира. А министр обороны, его заместители, главнокомандующие и все нижестоящие структуры, в руках которых находятся все секретные и совершенно секретные архивы, на это не способны. Они не знают числа дивизий даже приблизительно.

Легко посчитать, сколько танков, пушек, самолетов промышленности произвела до войны и в ходе войны. Ибо вся отчетность лежит в архивах. Ибо по приказу Сталина, начиная с октября 1938 года, каждый вечер каждый директор военного завода лично отчитывался перед Центральным Комитетом за выполнение дневного плана. За обман - расстрел. Обмануть нельзя, ибо был заказчик - армия. Промышленность отчиталась за сдачу сотни танков, а армия получила девяносто. Где остальные? Так вот: имея все статистические данные, министерство обороны РФ все еще с полной уверенностью оперирует в один и тот же день данными о том, что армия получила 300 тысяч орудий и одновременно - "почти два миллиона орудий". Прикиньте, что творится в области подсчета людских потерь, где счет идет на десятки миллионов, где статистика запутана, противоречива, недостоверна, а то и вовсе не велась в ходе боев?

Удивительная вещь: против "Ледокола" написано уже 23 книги, защищено несколько докторских диссертаций. И в чем меня только не уличали, и к чему только не придирались. Но почему-то никто не желает замечать броневойно-зубодробительного невежества наших генералов, помноженного на безалаберность мегатонного класса.

И вот вопрос: кто в данный момент отвечает за нашу родную военно-историческую науку?

Ответ: министр обороны и начальник Генерального штаба.

С министра обороны какой спрос? Он, правда, “тоже генерал”, но в армии не служил. (Это только у нас так бывает: генерал, который в армии не служил). Министр обороны - это стратег лубянского ведомства. К слову сказать, чекист во главе армии, - такого не бывало даже у товарища Сталина в 1937 году. При таком раскладе первый заместитель министра обороны - начальник Генерального штаба генерал армии Ю.Н. Балухевский должен был взять управление в свои руки. Он должен был оценить обстановку, принять соответствующее решение и отдать приказ. Ситуация предельно проста: мы единственная в мире страна, в которой история Второй мировой войны на государственном уровне не изучается. Не только выпускники, но и преподаватели военных академий и училищ о Второй мировой войне не знают вообще ничего. За 60 лет упорных трудов Военно-историческое управление Генерального штаба, Институт военной истории министерства обороны, множество кафедр в военных академиях и училищах не удосужились даже пересчитать наши дивизии.

Если так, то решение напрашивается простое: запретить любые выступления официальных лиц по вопросам, связанным с историей Второй мировой войны. Когда будет наведен элементарный порядок в военно-исторической науке, когда будут собраны, обработаны и проверены самые основополагающие сведения о войне, тогда запрет можно будет снять. Иначе министр обороны, его прямой и непосредственный начальник и его подчиненные выглядят глупейшим образом в глазах всего мира.

Что же делает начальник Генерального штаба генерал армии Балухевский?

Он делает прямо противоположное тому, что требует обстановка. Он поощряет грандиозные конференции генералов, адмиралов и академиков от военной истории. Материалы этих сборищ широко публикуются, демонстрируя миру невероятную степень незнания и возмутительную безответственность высшего командного состава Российской армии.

Генерал армии Балухевский и сам не прочь публично блеснуть познаниями в области военной науки. А результат все тот же. Вот только совсем небольшой кусочек из огромной его статьи в “Красной звезде” от 7 мая 2005. Генерал описывает грандиозную Висло-Одерскую операцию Красной Армии в январе 1945 года. Операция считается вершиной военного искусства и предметом особой гордости нашего военного руководства. Балухевский ссылается на свидетельство германского генерала Меллентина, который в своей книге “Танковые сражения” признал: “Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи”.

Цитате этой выпала долгая счастливая жизнь. Книга гер-

манского генерала была опубликована в Советском Союзе в 1957 году под редакцией Героя Советского Союза генерал-лейтенанта танковых войск А.П. Панфилова. С тех пор не проходит года, чтобы в официальных военных трудах десятки раз не прозвучало: “Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи”... И кто только эти слова не повторял! Как только заходит речь о выдающихся военных достижениях, вспоминают Меллентина: “Невозможно описать...”

Все вроде бы здорово. Битый гитлеровец признает невероятно высокий уровень мастерства командиров Красной Армии на заключительном этапе войны. Почему бы не повторить столь лестные для нашего военного самолюбия слова?

Да потому, что это не похвала, а обвинение.

В немецком оригинале и во всех переводах речь идет вовсе не о блистательных победах Красной Армии: “Это была трагедия невиданного масштаба. В старых германских землях - Восточной Пруссии, Померании и Силезии русские проявили звериную жестокость. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи”. 50 лет назад гитлеровец обвинил Красную Армию в воровстве, грабежах, насилии, мародерстве. Нашим генералам следовало или ответить на обвинения, или помолчать. Но Герой Советского Союза генерал-лейтенант танковых войск А.П. Панфилов, подобно мелкому шулеру, передернул карту. В русском переводе слова о звериной жестокости выпали, и обвинение превратилось в гимн. И мы полвека тешим себя фальшивой похвалой, которую сами и сочинили. За полвека ни один офицер, ни один генерал не удосужился прочесть эту книгу в оригинале или в переводе на любой язык, кроме русского. Никто фальши не обнаружил. Скажу больше. Начальник генерального штаба РФ генерал армии Балухевский не читал эту книгу и на русском языке. И есть тому доказательство. Когда-то давно, лет 30 назад, кто-то по ошибке написал имя германского генерала - О. Меллентин. Так и прилипло. Цитату Меллентина референты не из книги переписывают, а друг у друга. Ребята, которые писали статью генерала Балухевского, написали именно так - О. Меллентин. И это доказательство того, что цитата списана из чужой статьи или доклада. Ибо если бы они переписывали цитату из книги, пусть и фальсифицированной, то написали бы - Ф.В. фон Меллентин.

Возрают: в данном случае генерал армии Балухевский просто жертва фальсификаторов, которые заправляли нашей наукой полвека назад.

На это возражаю: генерал армии Балухевский обязан знать, что представляла собой советская военно-историческая наука во времена правления выдающихся полководцев Хрущева, Брежнева, Андропова. Поэтому, заняв

высокий пост начальника Генерального штаба, он был обязан отдать распоряжение о проверке правильности переводов всех военных книг, изданных в нашей стране. И пока данная книга такой проверки не прошла, следует воздержаться от ее публичного цитирования. По крайней мере, не проверяя всех книг, можно было проверить по оригиналу только те цитаты, которые сам генерал решил повторить в своей статье.

Беда даже не в том, что наши генералы мало знают, а в том, что они своего невежества не осознают.

Возражают: ничего страшного, лишь бы они современную войну знали.

Отвечаю: изучение военной истории - это единственный путь постижения военного искусства. Это не я сказал. Это Бонапарт. Люди, которые проявляют столь вопиющую безответственность в своих публичных выступлениях, проявляют такую же безответственность и в своей повседневной деятельности на высочайших постах. Наши генералы должны знать военную историю своей страны. Это им по должности положено. Но они своих должностных обязанностей не выполняют. А тот, кто не знает недавнего прошлого своей армии, не знает и ее настоящего.

*КАРДИОГРАММА
ЖЕЛАНИЙ*

1. Уроки фэншуй

Список заветных желаний, составленный по фэншуй,
Скромен, но в то же время почти всеохватен.
Жалкая горстка пепла, как хотеньями ни бушуй,
Не заслонит судьбы невыводимых родимых пятен.
Что случилось - случилось. В юго-западный угол торшер
Установленный должен навеки привлечь партнёра.
Покупая бесстрастный компас, о чём мечтаешь, топ there,
С чем в себе воюешь, из души своей, тем не менее, не выметая сора?

Китайского с василюстровским слишком гремуча смесь.
Посильнее, должно быть, альянса французского с нижегородским.
Язычок прикусила на время дизайнерская кастовая спесь,
Со всем своим реквизитом садо-мазо-никелево-броским.
Расчлнённой веет от одного, от другого - кодировкой чужой,
Собственный дух ослаб, вот и гоняются то за драконом, то за
трёхногой лягушкой...
Господи Боже, вытрани-ка нас самой задубелой своей
монотеистичной вожжой,
Проучи-ка как следует самой хитроумной своей китайской ловушкой!

2. Скорбное бесчувствие

Кардиограмма желаний завершается финишной ровной прямой,
Ни на что никакой реакции - чистый будда.
То ли святость при жизни, то ли кома перед чумой,
То ли простой отходняк после shopping-блуда...

Елена Елагина - поэт, журналист, арт-критик. Член Союза писателей СПб. Автор поэтических сборников "Между Питером и Ленинградом" (1995), "Нарушение симметрии" (1999), "Гелиофобия" (2004). Президентский стипендиат (2005), премия им. Анны Ахматовой (2005). Публиковалась в журналах "Звезда", "Нева", "Континент", "Новый мир". Ведет на "Радио России" передачу "о литературе и ее окрестностях" - "Миры Гутенберга".

■

**ВАДИМ
БАРАНОВ**

**ГОРЬКИЙ
В
РОЛИ
КАЗАНОВЫ?**

■

В ноябре 1898 года Горький с семьей, а с ним и семья его друга Н.З. Васильева поселились в двухэтажном доме Курепина на углу Базарной площади и улицы Полевой. "Квартира у меня хотя и большая, но в ней нас с прислугой 8 человек и трое детей. Тесновато и довольно опасно ввиду обилия болезней..." Писать зачастую приходилось в крошечном мезонинчике, основными жителями которого были птицы: по стенам висели несколько клеток с пернатыми.

В этом доме Горький много писал, что не мешало ему одновременно заниматься активной общественной деятельностью. В каких только обществах ни состоял он: "Общество любителей художеств", "Общество дешевых квартир", "Общество содействия высшему образованию"... А сбор денег для голодающих в связи с неурожаем? А ставшие знаменитыми елки для бедноты в Кремле? А устройство бесплатного катка для детей на Звездинке (совсем рядом, неподалеку от дома, где жила незабываемая Королева Марго)? А... Да разве все перечислишь!

Это - если не считать отдельных посетителей, обращавшихся сплошь и рядом к знаменитому земляку по самым различным, порой невероятным поводам.

Как писали в старину, в один прекрасный день, в июне 1899 года в доме появилась бледнолицая девица. За развяз-

Вадим Ильич Баранов (Москва) - доктор филологических наук, профессор госуниверситета им. Шолохова. Многочисленные статьи и книги о А.М. Горьком, десятилетия исследований и работы в архивах. Одно из выступлений В. Баранова на конференции в Варшаве (неоднократно упоминавшейся): о новом в литературе XX века - М. Горький и Ю. Дружников (через отношение к Павлику Морозову и мифу о нем). У нас фрагмент из рукописи будущей книги В.Б. "Любовь и женщины в жизни и художественном мире писателя Максима Горького". - Ред.

ной манерой держаться чувствовалась напряженность всерьез травмированного жизнью человека. Оказалось, это проститутка по имени Клавдия Гросс, недавно пытавшаяся покончить с собой и только что вышедшая из больницы.

Выслушав ее исповедь, Горький понял, что случай Гросс - не вполне заурядный и ее рассказ может быть весьма поучительным для ей подобных, судьбам которых он уделял так много внимания еще в пору журналистской работы в Самаре.

История эта имела весьма неожиданное и не слишком-то приятное развитие...

Тогда же, в конце июня, Горький писал Чехову из Васильсурска, живописного дачного местечка на Волге: "Извините меня - я направил к Вам в Москву некую Клавдию Гросс, "падшую" девицу. Я еще не знал, делая это, что Вы по Тверскому гуляете и с оными "падшими" беседуете. Сюжет она высоко интересный, и я думаю, что, направляя Вам ее - поступил не дурно. Она привезет Вам историю своей жизни, написанную ею. Она - приличная, на языках говорит и вообще девица - славная, хотя и проститутка. Думаю, Вам она более на пользу, чем мне".

По возвращении из столицы Клавдия явилась в дом Курепина снова, и Горький решил еще раз обратиться к тексту ее заметок, тем более, что редакторское вмешательство требовалось минимальное.

В ноябре 1899 года записки были опубликованы в трех номерах "Самарского курьера" с предисловием и послесловием Горького, а потом изданы отдельной брошюрой.

Делая доброе дело, Горький ни за что бы не мог догадаться, какой повод для пересудов может породить его благотворительность...

В 1981 году в Англии был опубликован увесистый том большого формата под щекотливым названием "Интимная сексуальная жизнь знаменитых людей". Героями его стали не только авантюристы типа Казановы или Григория Распутина, но и политики (Кеннеди и Мао Цзэ-дун), кинозвезды (Мэрилин Монро и Эдит Пиаф), художники (Пикассо и Ван-Гог), полководцы (Наполеон и Роммель)... Всех их оказалось 112.

Любознательный читатель мог почерпнуть из этого источника весьма любопытную информацию, начиная с количества интимных связей той или иной знаменитости до - простите - особенностей физиологии нижней половины их тела.

Был включен в эту компанию и Горький. В опусе о нем читателя начинает озадачивать многое буквально с первых же строк. "В псевдониме Алексея Максимовича Пешкова отражена нищая, горькая и безрадостная жизнь **крестьянина** в царской России". Но почему же тогда Горького называют величайшим **пролетарским** писателем? В 1906 году Горький оказался вовсе не в ссылке, а в эмиграции. Известный тридцатитомник Горького 50-х годов никогда не был (да в тех условиях и не мог быть!) "полным собранием сочинений". Теперь одни только художественные произведения Горького (с вариантами) занимают в академическом полном собрании сочинений 35 томов. А вместе с публицистикой и письмами их будет более семидесяти.

Но перейдем к моментам, представляющим для нас наибольший интерес. От восемнадцатилетней Е.П. Волжиной мы узнаем, что она, уже "работая корректором, вела активную революционную деятельность". Ну, конечно, на ком же и жениться было неукротимому ниспровергателю основ, как не на революционерке! Наверное, даже по указанию партийной организации! Между тем идеи эсеров она стала разделять много лет спустя после распада брака. К руководству же Политическим Красным Крестом пришла еще позже.

"После того, как брак распался, они остались друзьями. Официального развода не было... Некоторое время Горький жил с молодой проституткой, утверждая, что пытается наставить ее на путь истинный".

Если верить авторам этой "сексуальной энциклопедии", интимный союз знаменитого писателя и уличной девицы возник после расставания с женой. Наконец, "в 1901 году он начал совместную жизнь с актрисой Марией Федоровной Андреевой, которая была в то время замужем". Между тем до конца 1903 года Горький продолжал жить в Нижнем Новгороде...

Таким образом, безответственные авторы так называемой "энциклопедии" перепутали все, что только возможно. Тем не менее их фолиант не остался невостребованным в нашей стране. В 1993 году его перевели на русский, а позднее он послужил основой для дальнейших "научных" экспериментов в области биографии классика (в книге "100 великих любовников", изданных "Вече" в 1998, 2000 и 2002 годах).

Вернемся однако к реальным фактам жизни М. Горького. Любопытные подробности приводит в своих воспоминаниях

друг писателя А. Богданович. С конца 1898 года он стал родственником М. Горького, женившись вторым браком на младшей сестре Екатерины Павловны Шуре, судьба которой сложилась трагически: она умерла вскоре после рождения сына. Племянника взяла в дом старшая сестра, но срочно потребовалась няня, тем более что в доме еще были маленькие дети Горького: сын Максим и дочь Катюша. Вот и пришла хозяину дома идея: оставить временно Клавдию в качестве няни.

Была она дочерью управляющего имением, окончила гимназию, умела шить, вышивать и многое другое.

Горький принял деятельное участие в наставлении Клавдии на путь истинный. Купил швейную машинку "Зингер" с многозначительной эмблемой: румяная добродетельная девица, словно сошедшая с картины Венецианова и олицетворяющая безмятежное благополучие, сидит за машинкой вышеназванной фирмы. Сняв впоследствии комнату, Клавдия смогла бы зарабатывать на жизнь честным трудом. Потом Горький поехал к своему старшему другу и наставнику адвокату Ланину, чтобы избавить Клавдию от требуемого церковью покаяния по поводу попытки самоубийства и от соблюдения множества формальностей. (Еще в Казани, когда он стрелялся, священники точно так же одолевали его, и Алексей грубо ответил им: если не отвяжетесь - повешусь на церковных воротах.)

Со своими обязанностями в доме Пешковых Клавдия справлялась успешно, все были ею довольны, и в первую очередь отец осиротевшего семейства.

Но с какого-то момента Алексей Максимович начал замечать, что кормилица и кухарка при встрече с ним смущенно опускают глаза долу, уклоняются от разговора. Выяснилось невероятное. Клавдия распустила слух, что Горький влюбился в нее и участие в ее судьбе объясняется именно этим. В самом конце ноября 1899 года Горький писал Чехову: "...вчера у меня дома разыгралась нелепая мелодрама. Жила у нас одна проститутка, которую я "спасал" и автобиографию напечатал в "Сев(ерном) курьере" за 13-15 ноября. Жила и ничего. Возилась с младенцем сестры жены, которому 12 дней от роду (родился 13 ноября. - В.Б.) и который немолчно пищит целые дни. Женщина она работящая, хорошая, но истеричка. И вдруг оказывается, она распространяет слухи, что живет не только у меня, но и со мной. Я это узнаю и провожу маленький допрос, который меня

убеждает, что источник сплетни действительно она. Ну, что с ней делать? Жалкая она. Жена моя, разумеется, взволновалась, мать ее - тоже. Ладно, что жена моя молодчина. Ну, а пришлось все-таки спасаемую-то выставить за дверь. Эта история из тех, что только со мной может случиться”.

Умолчал Горький еще об одной милой подробности. В дом явилась полиция с обыском: Клавдию обвиняли в том, что в гостинице Дугарева она украла у гостя золотые часы и бумажник...

Характеризуя К. Гросс как человека, Горький отметил и такую ее особенность, как склонность к фантазированию, придумыванию того, чего в жизни не было. Но при этом она убеждала себя, что “было”, и начинала верить в свой обман. Прекраснодушный певец Человека, он полагал, что источник такой лжи - тяга к чему-то хорошему, благородному. Жизнь преподнесла ему довольно жестокий урок.

Однако нет худа без добра. Воспоминания о Клавдии пригодились вскоре, через год, когда началась работа над пьесой “На дне”. Один из центральных персонажей драмы - Настя, девица 24 лет, рассказывающая обитателям ночлежки о своем невероятном романе с “незабвенным другом” Раулем, который по ходу дела превращается в Гастона (Гастошу), французского студента в лаковых сапогах и с “агромальным леворвертом”, заряженным десятью пулями, готового покончить с собой из-за невозможности жениться на ней...

Мотив контраста низкой действительности и красивой мечты станет одним из центральных, а фантазии Насти и ее диалоги с Бароном и Лукой - одним из важнейших двигателей нравственно-философского конфликта пьесы.

Как мы могли убедиться на опыте Горького-журналиста, судьба женщины в мире, где властвуют деньги, и раньше становилась предметом его раздумий, порой мучительных. Сейчас уже мало кто помнит, что вторым произведением, принесенным дебютантом в тифлисскую газету “Кавказ”, был рассказ о проститутке. Напечатан он не был, и судьба его неизвестна. Не лишена основания, впрочем, догадка о том, что это мог быть первоначальный вариант рассказа “Однажды осенью”, опубликованный три года спустя в Самаре и повергший в ужас мать Екатерины.

“Впервые я “познал женщину”, когда мне было 18 лет: случилось это при условиях, совершенно правдиво изложен-

ных в рассказе "Однажды осенью", - пишет Горький. Случайное знакомство молодого бродяги на речном берегу с девушкой "из гулящих" по имени Наташа... Проливной дождь, заставивший их лезть под перевернутую лодку... "Сколько было иронии надо мной в этом факте! Ведь я в то время был серьезно озабочен судьбами человечества, мечтал о реорганизации социального строя, о политических переворотах, читал разные дьявольски мудрые книги... И меня согревала своим теплом продажная женщина, несчастное, избитое, загнанное существо, которому нет места в жизни..." От этой сцены исходит тепло доброты и взаимопонимания товарищей по несчастью.

Образы "падших" встречаются и в других рассказах молодого Горького о боссяках, его даже упрекали в "несдержанности" при изображении женщин и любовных сцен (например, в "Мальве"). Вряд ли такой упрек мог быть безразличен автору, так как принадлежал Чехову. Но, думается, замечания подобного рода не вполне справедливы и исходят из норм, сложившихся в прошлом. Прежде всего, молодой автор вовсе не злоупотребляет количеством подобных сцен и образов. (К примеру, образ Капитолины в "Коновалове" вообще начисто лишен не только намека на какую-либо скабрёзность, но герой не допускает в разговоре о ней ни малейшего мужского цинизма, полностью сочувствует ее намерению вырваться из публичного дома на волю.)

Сама среда, которая окружала подростка Пешкова "в людях", щедро преподносила ему пищу для раздумий о судьбе женщины задолго до того, как он возьмет в руки перо сочинителя. Достаточно вспомнить эпизод из одноименной повести, где изображается насилие казака над женщиной. И так ли уж далеко отсюда до дикого, варварского истязания "неверной" жены мужем, свидетелем чего был путешествовавший по Руси Пешков (очерк "Вывод").

Горький никогда не афишировал потом свой поступок, который иначе как рыцарским не назовешь: он бросился защищать женщину от истязателя, одобряемого улюлюкающей толпой, что могло ему стоить жизни.

И, наконец, можно вспомнить одну из самых последних сцен повести "В людях", где издевательское отношение к пьяной проститутке, выгружаемой дворником из пролетки, приобретает какую-то изощренно-патологическую форму.

В своем дореволюционном творчестве Горький рассмат-

ривает самые разные формы той несвободы, в которую попадает женщина. Это и торговые сделки, совершаемые родителями и мужьями, продающими или сдающими "в пользование" своих дочерей и жен (о чем говорилось ранее в главе "Продается жена за 40 рублей"). Это и продажа оптом "живого товара" в чужие земли, которые осуществляет некий "восточный чэлаэк". Это и самая страшная форма проституции - детская.

...Осенью 1904 года петербургское издательство "Знание" по инициативе Горького готовило к печати "Нижегородский сборник", основной доход от которого предназначался для благотворительности в пользу родного города. Предложила в книгу свой рассказ "Дунька" и малоизвестная А. Пустынникова. В ее рассказе речь шла о восьмилетней девочке, изнасилованной лавочником. Прочитав его, Горький вспомнил о своем, уже написанном ранее этюде "Девочка", который рядом с рассказом Пустынниковой усиливал бы звучание больной темы.

При всей внешней неприязнительности этюд отличался абсолютной точностью психологической интонации. Дочь профессиональной проститутки пошла по пути матери и деловито предлагает себя повествователю за установленную цену. Резким контрастом этой сцене выглядит предшествующий эпизод детской игры в "дочки-матери". У малютки нет куклы, и роль дочки выполняет завернутая в тряпку ложка, которую она баюкает, напевая незамысловатую колыбельную. Игра игрой, но вряд ли ей со временем доведется стать матерью, если она вообще доживет до этого возраста.

Своей жизненной достоверностью рассказ произвел на читателей сильное впечатление и был перепечатан несколькими газетами Одессы, Двинска, Ашхабада, вызвал встревоженные отзывы критики: "Рассказ этот должен на всех нас производить тяжелый ужас, должен заставить нашу мысль углубиться в причины эпизода с девочкой-ребенком".

Порой вообще может показаться, что Горький из художника превращается в исследователя-социолога, стремящегося к максимальному охвату какой-то актуальной общественной проблемы, воплощающей социальное зло. И не всегда ему при этом удается добиваться художественно впечатляющего результата. Таков откровенно слабый книжный рассказ "Самоубийство", героя которого спасает случайно встреченная благодетельная проститутка.

Вообще не следует забывать, что молодой Горький проходил отнюдь не лишенный трудностей, противоречий и неудач путь становления писателя-профессионала. Ему приходилось мучительно преодолевать в себе недостатки образования и воспитания. Лишь постепенно вырабатывалось то, что называется художественным вкусом. Один характерный пример. Опубликовав в 1895 году в газете миниатюру "Красавица", он решил включить ее в третий том "Очерков и рассказов" (как мы помним, две первые книги принесли ему невероятную славу). В письме С. Дороватовскому автор вдруг заявляет, что рассказ важен ему "как некий гвоздь"! Издатель отклонил рассказ без малейших колебаний. И как же отнесся автор к судьбе "гвоздя"? "Красавицу" - не помещайте. Согласен". Еще удивительнее то, что читаем дальше. "А как, по-Вашему, книжка 3-я уступает первым двум? Она является переходом к новой форме литературного бытия моего, и, как таковая, ей можно быть бледной и нерешительной" (?!).

Нет, автор, слава Богу, не склонен к самоамнистированию и дальше ругательски ругает "Фому Гордеева"... Идет болезненный внутренний поиск, в ходе которого появляются произведения, отнюдь не поднимающиеся до уровня таких шедевров, как "Челкаш", "Мальва", "Скуки ради", "Двадцать шесть и одна"... Вероятно, перед нами тот случай, когда работа в газете не только постоянно обогащала автора ценным жизненным материалом, но и порождала спешку, снижение планки требовательности к себе.

Вернемся, однако, к главному предмету нашего разговора, к своеобразному социологическому исследованию Горьким проблем проституции, в частности, такого явления, как проституция сезонная, когда женщины едут продавать себя в пору наибольшего спроса. Писатель хорошо знал, что во время Нижегородской ярмарки из уездного местечка Гордец в Нижний, в знаменитый публичный дом мадам Шварцман, нужда пригоняла десятки молодых замужних женщин и девиц. Нет, они вовсе не собирались превращать продажу своего тела в постоянный промысел. Заработав приличную сумму, возвращались домой и вновь начинали вести добродетельную жизнь.

Уже в 30-е годы в беседе с земляками Горький приводил в этой связи рассказ "Женщина с голубыми глазами". При этом он не очень высоко оценивал его с художественной точки зрения, называя даже "беллетристической канителью".

Очевидно, чувствовал недостаточность психологической проработки главных характеров. Художник Ф. Богородский отметил, что во время позирования Горький, рассказывая подлинную историю встреченной им в молодости на пристани женщины, к удивлению портретиста, несколько раз менял обстоятельства ее жизни. То она была женой слесаря Соромовского завода, у которого оторвало руку, то речного капитана, лежавшего в параличе... "Только через некоторое время я понял, что писатель, вспомнив несомненный факт, занимался, так сказать, его творческой интерпретацией"...

Подчеркивая важность темы, Горький предостерегал против того, чтобы в подобном "сезонном" сюжете усматривали лишь пикантно-анекдотическое: "Какой тут анекдот - тут трагедия!"

Горький никогда не был только писателем и вряд ли согласился бы с теми современными литераторами, которые утверждают: не дело писателя подсказывать решение тех или иных проблем, достаточно того, что он ставит их перед обществом. В "Беседе о ремесле", обращенной к начинающим литераторам и имевшей наставнический характер, Горький говорил: "Лично я никогда не чувствовал и не чувствую себя "исключительно литератором", всю жизнь занимался - в той или иной области - общественной деятельностью и до сего дня не утратил тяготения к ней... Общественная деятельность, даже и мелочная, не может быть бесплодна".

Среди огромного количества вполне конкретных общественно-благотворительных дел, один только перечень которых составил бы длинный список и увел нас далеко в сторону, в числе первых следует назвать борьбу с проституцией. Самое деятельное участие принимал Горький в этой работе в Н. Новгороде в 1900-м - начале 1901 года. В школе на Ковалихинской площади "Нижегородское общество помощи нуждающимся женщинам" стало собирать нищих женщин, торгующих собой. Здесь имелась читальня, очень дешевый буфет (пирожок стоил копейку), проводились танцы и игры, осуществлялось бесплатное обучение кройке и шитью. Для преуспевающих в этом деле открыли пошивочную мастерскую.

Горького не испугала неудача с Клавдией Гросс. Он взял на себя организацию мастерских и надзор над ними. Намеревался организовать женскую типографию и школу обучения типографскому делу.

Нужны были деньги. И он решает издать сборник о женщинах и их судьбах в пользу общества защиты женщин. Сказано - сделано. И Горький буквально бомбит письмами друзей и литературных знакомых. Леониду Андрееву: "Образовалось здесь "О-во защиты женщин". Средств нет. Издается сборник. Понимаете? Пишите нам... Нет ли про женщину?.. Не отказывайтесь - убью!"

Один за другим такие просьбы-предложения получают И. Бунин, А. Крандиевская, Т. Щепкина-Куперник... На очереди были В. Вересаев и Е. Чириков, С. Скиталец и В. Поссе...

Увы, сборник не состоялся. Да и в самой идее "Общества" Горький вскоре разочаровался (хотя просуществовало оно еще несколько лет). Убедился, что "Общество" не способно обеспечить женщинам должного материального благополучия и отвлечь от пагубного занятия. Идея мастерских, как у Веры Павловны из "Что делать", оказалась неосуществленной. Делать надо было что-то другое...

**АЛЕКСАНДР
ЩУПЛОВ**

**ФОРС · МАЖОРНЫЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА**

**Откуда есть пошла агрессивность
самого лирического жанра?**

Вся наша песня последних лет оказалась помещенной в координаты милитаризации. Удивляться этому в общем-то не приходится.

Еще на заре советской власти выражение душевных пароксизмов не обходилось без военного сюжета, антуража, лексики... В песне то и дело провожали в солдаты (не без внутреннего протеста: “В Красной армии штucky, чай, найдутся. Без тебя большевики обойдутся...”). Пацифистское заявление рука об руку шествовало с недвусмысленным напоминанием: “Мы - мирные люди, но наш бронепоезд стоит на

Александр Щуплов (Москва) - автор восьми поэтических книг, а также словарей и энциклопедий современного молодежного сленга и фольклора. Это не совсем обычные словари. Например, “Жаргон-энциклопедия московской тусовки” (1997, Лондон - Москва), которую собрали они втроем - Томас Макловски (Великобритания), Мэри Кляйн (США) и Александр Щуплов - это первоклассная пародия. И по словам А.Щ., она составлена “по принципу дембельского альбома. Или тетрадки какого-нибудь хиппушки с Арбата. Нередко пародируется наукообразный стиль эзотерических изданий для яйцеголовых, уголовная феня, молодежная пристебность обыденного разговора...”

Еще - может быть, для газетной корпорации в первую очередь - Александр Щуплов журналист, “постоянно действующий” комментатор, обозреватель “Российской газеты”, а в “Литературке” он - колумнист! (Ну, колонки пишет, которые обычно слева, - коротко о важном - уметь надо! на то и колумнист! слово-то какое - интеллигентский сленг, да и только!)

Мы познакомились лет десять назад, в Варшаве, на одной из международных конференций славистов. Вот и этим летом, в июле, снова встретились в Краковском предместье Варшавы, в Доме литературы, на той самой конференции, которая была посвящена нешаблонной теме войны и борьбе с устаревшими мифами. Его выступление соответственно называлось - “Милитаристические тенденции в современной песенной поп-поэзии”. Я тут же это сочинение не по цензурным соображениям изъяла - в пользу “Вышгорода”. - Л.Г.

запасном пути!” Лирическая песенная схоластика вытеснялась обещанием форс-мажорных обстоятельств:

Весь мир насилья мы разрушим
до основанья, а затем...

Можно было понять советских женщин, которые взяли от своих товарок царского времени обычай бросать в воздух чепчики при виде военных людей. В их лирических песнях “на побывку ехал молодой моряк, грудь его в медалях, ленты в якорях”, а если кто-то и спускался с горочки, то обязательно в “защитной гимнастерке”, “золотых погонах”, “с ярким орденом на груди”...

Экстраполяция военных настроений в современную песню ненавязчиво модифицировала лирическую песню, создавая своего рода монокультуру. “Полковник” стал знаковым явлением нашей песни: “Полковнику никто не пишет, полковника никто не ждет”, - печалится группа “БИ-2”, сопровождая исполнение хаотической пластикой. “Ах, какой был мужчина! Настоящий полковник”, - восторгается Алла Пугачева.

Даже рок-гуру Борис Гребенщиков оставил чтение мантры Пражнапарамиты на берегу какого-нибудь тибетского озера Куку-Нор и спел на своем коммуникативном языке: “Полковник Васин приехал на фронт со своей молодой женой...” (Впрочем, в песенном арсенале питерского отшельника немало боевого антуража, вроде припрыжечного афоризма: “Прыг, ласточка, прыг, а дело к войне...” или многозначительной контаминации из Светлова: “И если кто-то издох от удушья, то отряд не заметил потери бойца...”)

Не остались забытыми и другие воинские звания. Олег Газманов отдал свое сердце казачьему ротмистру: “Есаул, есаул, что ж ты бросил коня?” Ну, да здесь взятки гладки: сплошной “эскадрон мыслей шальных!”... Михаил Звездинский окучил белогвардейский молодняк: “Корнет Оболенский, раздайте патроны. Поручик Голицын, надеть ордена!” Ирина Аллегрова от лейтенанта СА перешла к абстрагированному офицеру екатерининских времен: “Легко влюбиться, императрица, когда так страстно бирюзовым взглядом смотрит офицер!”

Запел на “Голубом огоньке” полковник Владимир Жириновский, правда, не песню “Как хорошо быть генералом!”, а про султана с тремя женами. Разве что у одного Валерия Леонтьева в песнях остались низшие чины - “югославский солдат и английский матрос”, на которых, видимо, певец возлагает надежды в связи с грядущей сексуальной революцией. В конце концов:

Каждый хочет любить: и солдат, и моряк.

Каждый хочет иметь и невесту, и друга...

У российской атмосферы - отличная звукопроводимость, а у творцов российской песни - первосортный нюх на конъюнктуру! Даже Борис Моисеев, отличавшийся хореографическим миролюбием (в силу жанра, что ли?), убрал из репертуара песню советских юношей: "Парни, парни, это в наших силах землю от пожара уберечь!" - и зашел в русло модной милитаризации:

Я бы мог служить на флоте
и свистеть в большой свисток.
Я бы мог служить в пехоте
и траву бы красить мог.
Я держал бы все на мушке,
что положено держать.
Только это не игрушки -
воевать так воевать!..

И - тишина. И только слышно, как Чапаевы летят за своими пустотами...

Агрессивное начало вымывает лирическую толерантность, доселе обживавшую наши песни. Реанимация старого шлягера "Нас извлекут из обломков..." с задушевым медитативным финалом: "И дорогая не узнает, каков танкиста был конец..." - вознесла его на вершину хит-парадов.

"Хочешь, я убью соседей?" с полуобещанием спрашивает Земфира - и зал отвечает согласительными аплодисментами. Взъерошенные и неадекватные "чупа-чупсы нашей эстрады" из группы "Агата Кристи" давно запутались в амбивалентных чувствах:

Я на тебе, как на войне,
а на войне, как на тебе.
Но я устал, окончен бой.
Беру портфель, иду домой.

(Замечу в скобках, что тексты для этой группы нередко пишет один из влиятельнейших сотрудников администрации Президента России - Владислав Сурков.)

Военизированная логика, оппозитивная партикулярному мышлению, напоминает русскую байку. Два алкаша рассуждают о высоких материях:

- Вась, а что такое логика?

- Представь себе: идут двое. Один - грязный, другой - чистый. Какой из них идет в баню?

- Грязный!

- Правильно. Он грязный, поэтому идет в баню. Это и есть логика.

- Вась, а что такое диалектика?

- Идут те же двое, грязный и чистый. Казалось бы, в баню идет грязный. Но он потому и грязный, что в баню не ходит. Значит, в баню идет чистый.

- Вась, а что такое философия?

- Идут те же двое. Известно, что кто-то из них идет в баню. Кто?

- А хрен его знает!

- Это и есть философия.

Нечто подобное происходит в координатах самого популярного жанра. Логику в песнях наших “звезд” можно “проверить алгеброй”, а точнее здравым смыслом, только в “банном эквиваленте” из процитированной байки. Не отстают от “Агаты Кристи” “Запрещенные барабанщики” со своей ненавязчиво-дружелюбной песенкой: “Ай-ай-ай, убили негра, убили. Ни за что, ни по что, суки, замочили!”

“А на войне, как на войне, патроны, водка, махорка в цене!” - поет (с подачи Александра Шаганова, написавшего эту рифмованную белиберду) “комбат российской песни” Николай Расторгуев, упакованный в концертную гимнастерочку образца 41 года, с хрустом портупей, идущим через упитанное плечико. Вослед за своим “комбатом” подпеваает и все “Любэ”: “Все “вперед!” и “вперед!” рота прет наша, прет...”

Логика подсказывает: на развитие нашей песни в военно-доктринальном русле явное влияние оказал процесс “хождения во власть” российского генералитета: генералы и адмиралы становятся губернаторами и президентами субъектов Федерации, представляют Президента в федеральных округах; в одной прошлой Госдуме было около четырех десятков бывших офицеров вооруженных сил, МВД, госбезопасности; полковничьи звезды свалились на погоны Геннадия Зюганова, подполковничьи - на погоны Георгия Бооса и Сергея Глазьева; майорами сделались Борис Грызлов и Алексей Митрофанов; объявился “аграрный подполковник ФСБ” Николай Харитонов...

Даже в народе стали говорить: если бы коровы ходили в ногу, это было бы уже не стадо, а строй...

Помнится, в советских песнях последних десятилетий советской власти усиленно культивировалось миролюбивое - вплоть до императивного пацифизма - начало. Дальше солдатских песен Шаинского: “Не плачь, девчонка, пройдут дожди!” или песни на стихи Лугового: “И мальчики становятся мужчинами под строгую команду старшины!” дело не шло.

Атоническое состояние советской военной песни последних десятилетий прошлого века ушло в прошлое и ста-

ло апологетикой - тайной или явной - милитаризованного духа, аккумуляцией военного приоритета. Это немного напоминает притчу, рассказанную, кажется, Вазари. Когда Леонардо писал "Тайную вечерю", он исколесил всю Италию в поисках натурщика для Иуды. В одной трактирии он увидел человека - вылитый Иуда. Подсел к нему, заказал сыр, вино, хлеб... Стал угощать собеседника. Тот уплетал за обе щеки и ничему не удивлялся.

- Я художник! - сказал Леонардо, - и хотел бы вас взять в натурщики.

Человек молча кивнул головой.

- Почему вы не спрашиваете, кого я хочу с вас писать? - удивился Леонардо.

- Разумеется, Иуду! - отвечал тот.

- Почему вы так думаете?

- Маэстро, много-много лет назад вы уже писали с меня Христа...

АВТОРСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ДОРОГИМ ИРОКЕЗАМ

Ах, как она умеет рассказывать! Только сейчас подумала: это же свойство больших писателей. И я всегда жду этого момента, приезжая в Москву. До вечера ношусь - потом еле ноги таскаю - с тяжелой, набитой журналами "Вышгород" сумкою. Зато бываю вознаграждена...

И на этот раз она рассказала, как однажды ей позвонил один известный журналист, ну, и так далее. Едва дослушав, я закричала, что это же нужно записать!.. Да уже написано, - сказала она. И вынесла мне к моему давно насиженному в их кухне месту, привычному, на табуреточке между столом и дверью, к такому уютному и удобному месту - свою новую книгу. С этим самым "Рассказом для Димы".

Мне хотелось бы процитировать его полностью, переписать от руки, перепечатать, но... ни то ни другое. А вот начало - очень характерное для нее. Тут сам "творческий процесс", как это любят называть. Хотя надо бы обозначить это "действие" как-то иначе, наитием, что ли, наваждением или еще чем?

"Дима! Это была с моей стороны наглая авантюра - согласиться в три дня написать рассказ о любви. Как только я вам сказала "да", они все попрятались - понимаете? - попрятались эти словечки, зернышки, тряпочки, запахи, которые идут в рост исключительно по собственной прихоти и воле. Ведь бывает так, что они - ненаписанные - толкают меня в коридоре, когда иду и думаю о том, что бородинский хлеб нельзя покупать в магазине на углу, а надо идти на другую сторону улицы, вот тогда он и вылезает - дух рассказа - мне навстречу, как айсберг в океане, и все, мне крышка, я забываю, что такое хлеб вообще.

Тут же все наоборот - ничего! /.../ Я не знала вашего телефона и не смогла вам ответить и сказать "нет". Но тут вас показали по телевизору, как вы опускаете усы в пену пива. Я потерялась окончательно, потому

что не могла взять в толк, почему вы, такой из себя крутой и успешный, обратились к пожилой леди. Что я вам такого сделала? Я ведь, Дима, из доисторического материализма”.

Ну зачем им, “нынешним ирокезам с дымящимися фаллосами” и девушкам 90-60-90, измеряющим красоту “сантиметрами и прочей, извините, хренью”, - зачем им “рассказ про любовь”, если они “раздувают щеки и говорят “оргазм”?!“

И она написала специально для Димы “живую историю” (как всегда!), которую ей “пришлось видеть и наблюдать в свои юные лета”, рассказ “о деревянной ноге”, о женщине-красавице, оставившей “после себя глубокие круглые ямки в земле”, и кто-то видел, что вода в них вскипает. Ее считали ведьмой.

Всего-то пять малюсеньких главок.

“Смерть”. Они, послевоенные, дети (которые еще лет десять - попутное авторское замечание - писали в анкетах: “Был на оккупированной территории”) - они, дети (многие взрослые “уже сидели в допре”), “по причине малого веса”, с деревьев наблюдали похороны умершей от “неизлечимой болезни сердца” Лизы Петренчихи, всю войну гулявшей с немцами. Но ей, обреченной, прощали. Вернувшийся с фронта ее “подраненный” муж-майор держал на руках малолетнюю, свою и Лизкину дочь, Вальку, а мать покойницы, “костяная нога”, говорили, на поминках кричала (одобряли: “правильно”), “что лучше б ее Бог прибрал, калеку”.

“Зависть и тайна”. Лизкина красавица мать “с деревянной ногой” и муж-зять “поженились” и уехали куда-то воспитывать Вальку, внучку-дочь. Потому что про эту неслыханную любовь нехорошо судачил весь их малый городок.

“Другое время”. Но потом вернулись, и Валя заканчивала десятый класс в их школе. А женщины по-прежнему завидовали, что живут “с ленивыми козлами, а старуха-яга отхватила не свой товар” (он же был и красавцем и гораздо моложе! Кстати, “про это”, про живую любовь “без правил”, у Галины Щербаковой - неисчерпаемый “лексикон”).

“Платье”. На выпускной бал мама сшила ей “дурацкое платье из дешевой ткани”, которая “тянулась от одного прикосновения”, и потом на вечере, “посреди людей”, присела и стала выравнивать ей подол. После че-

го она побежала “искать место, где можно поплакать от всей души”.

“Оргазм. Такое место было”. На большом крыльце школы, “перед заколоченной парадной дверью” (знакомо, да?). “Но там было занято. Двое сидели в обнимку”. И она спряталась за кустом, чтобы выяснить, кто же это.

“Ее трудно было не узнать. Она торчала в меня ногой, сидя на коленях у мужа, и они... целовались в такой засос... Чужая любовь вошла в меня с такой страстью, что пришлось сжать бедра”.

С собственным возлюбленным, который, целуя, давил ей зубы и царапал под кофточкой, было покончено!

Передо мною лежат три книги (нам подаренных):

Галина Щербакова, издательство “Вагриус”, Москва.

2000. “Подробности мелких чувств”: одноименная повесть и другие, например, “Актриса и милиционер” (однажды прочла в “Новом мире”, а здесь перечитала, не удержалась), роман, рассказы. О времени и о любви, о науке любви, что и составляет “Радости жизни”. Никто не учил ее целоваться так, как тетя Таня! (Вспомнилось, девочка Полина жаждала поцелуев тоже нутром, а современная дура-училка заподозрила ее в лесбийской любви и объяснила, что это такое. Полина: “Да я таких терпеть ненавижу”, - и распрощалась и с обожанием училки, и с белым светом. “Вышгород” 1,94, повесть Галины Щербаковой “ЁКЭЛЭМЭНЭ”.)

“Вся надежда, что где-то что-то набрякнет, где-то что-то раскроется, возникнет завязь - и тетя Таня вернется на землю целоваться, как только она умеет”.

2002. “Митина любовь”. Конечно, совсем не та, а другая “Митина любовь”. В тот год нас пригласили на московскую сентябрьскую ярмарку, и я отправилась в павильон “Вагриуса”, чтобы “из кустов” посмотреть на известного автора, подписывающего свои книги. И подслушала: молодая женщина держала в руках “Митину любовь” и признавалась: “Галина Николаевна, я ведь даже с мамой не могу пооткровенничать, я беру в руки вашу книжку - и мне легче...”

2005. “Косточка авокадо” (и снова вздох освежаю “новомировскую” публикацию повести).

“...Ночью и пришел этот авокадовый рассказ. При-

шел почему-то боком и заслонил свет ночной лампы /.../ Оказывается, это она, моя гостья, стоит уже здесь - бочком, как раз на фоне светящегося закатным солнцем окна кухни...” И ее усаживают именно на “мое” место в кухне, только вместо табуреточки ставят стул, потому что “беременная девушка” занимает сразу все пространство. И присваивает сразу все - чужой сырок, чужого мужа, чужую московскую квартиру и даже чужие духовные принадлежности - скамейку на Патриарших прудах... Но “Год Алены” совсем про другую “пимити”, которая поднялась выше всех этих “мелких чувств”, - был бы ребеночек. Она из тех, кого воспитала блаженная юбилярша - “Ах, Маня!” - склеившая чужую, поломанную войной и тюрьмой любовь...

В финале книги - “Рассказ для Димы”. Вообще-то для всех. О любви.

“Поцелуй варешки любимой, дорогие мои ирокезы, бывает потрясительнее обнажения. Любовь, птички мои, - это когда в следах любимой вскипает вода. А не вскипает - значит, не любовь, а лужа”.

РЕВАНШ

Эти “странные сближения”, наверное, привносятся свежими ветрами, они - признак времени. Не просто совпадения.

В конце июля нынешнего года, собираясь как раз на Баршавскую международную конференцию “Литература и война: борьба с устаревшими мифами”, я навестила в Таллинне свою давнюю приятельницу Наталию Николаевну Паульсен. Коренная жительница Эстонии, побывавшая в свое время в сибирской ссылке и потерявшая там мать и брата, она всеми фибрами души, как выражались в старой интеллигентской среде, тяготеет к довоенной и досоветской литературе. Биография ее отца, погибшего в ГУЛАГе, связана с “Белым движением”. Она собирает эту литературу, воспоминания. И спрашивает меня, читала ли я “Солнце мертвых” Ивана Шмелева, писателя-эмигранта, с 1922 года жившего в Париже. Сознаюсь: нет. Знаю, что он переписывался с эстонскими коллегами - поэтессой Марией Карамзиной, прозаиком Василием Никифоровым-Волгиным, писателем Владимиром Гущиком, которого очень ценил (мир их праху, затерянному в сталинских лагерях). “Буду искать эту повесть Шмелева - “Солнце мертвых”, - сказала

Наталья Николаевна. - Мне обязательно нужно ее прочитать”.

И каково же было мое удивление, когда один из участников конференции, с которым мы еще не успели познакомиться, французский славист Ренэ Герра заявил, что он свою тему несколько сузил и посвятил “Солнцу мертвых” Ивана Шмелева и “Окаянным дням” Ивана Бунина. Я тут же заглянула в программу, где было обозначено: Герра Ренэ, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы Государственного университета в Ницце. Доклад: красный террор в прозе белой эмиграции.

Безусловно, в один присест необъятно. Выяснилось позже, что Ренэ Герра все-таки объял наше необъятное “рассеяние” XX века. На это потребовалось не только Время, но и колоссальное противостояние, мужество, упрямство человека, однажды сделавшего свой выбор. И - любовь. Не абстрактная, теоретическая любовь к эмигрантской литературе, к Серебряному веку, но живая любовь к изгнанникам - русским писателям и художникам, которых он высочайше почитал и читал чуть ли не с детства, со многими дружил, а произведения их всю жизнь, вернее, с тех пор, как стали позволять средства, собирает, коллекционирует, хранит, а сегодня уже широко демонстрирует. На протяжении долгих лет - рукописи, книги с автографами и рисунками, картины - дарилась незабвенными друзьями. И он сам, Ренэ Герра, приложил невероятные усилия к их незабвенности, к возвращению их имен и памяти о них на Родину, в Россию.

Пока я с нарастающим интересом слушаю слово о соименниках - Иванах - Шмелеве и Бунине, у меня возникает мысль, что, конечно же, он, Ренэ Герра, тоже из нашей славной эмиграции или корни у него русские. Такое это абсолютно родное, образное, литературно безупречное слово. Акцент? Об этом даже и не подумалось, забылось подуматься!

Во время дискуссии я, безусловно, принимаю доводы профессора: да-да, Шмелев, Бунин и иже с ними не обрели Родину вновь, при жизни, но все равно они - победители! Потерпели поражение? Имена остались в “потерянной литературе”? Ничего подобного, они вернулись в Россию, потому что правда оказалась на их стороне, они - победители!

Вечером мы сойдемся за одним столом в гостеприимном доме Веславы Ольбрых, под Варшавой, в местечке Весела, и обменяемся дарами. Из привезенных "Вышгородов" (наперечет, чтобы всем хватило) он отложит себе № 5-6, 2004: потому что там то, что ему близко - очерк С.Г. Исакова "Ничего подозрительного не замечено" об эмигранте из Эстонии, русском борце французского Сопротивления в годы войны Борисе Вильде. А у меня останется толстый фолиант с дарственной надписью "в память о встрече в Варшаве". Надеюсь, она не будет единственной. Вот полные "выходные данные" этого дара.

Ренэ Герра. Они унесли с собой Россию... Русские эмигранты - писатели и художники во Франции (1920-1970). "Русско-Балтийский информационный центр "БЛИЦ", Санкт-Петербург, 2004 - 416 с. Серия "Русистика в мире". Федеральная программа книгоиздания России.

Немаловажные подробности, соотнесенные сегодня с одной из наших реальных "побед".

В предисловии "Наследник русской культуры в зарубежье" Аркадий Вайсберг приводит слова Бориса Зайцева, с которым он встречался в Париже в мае 1968 года (кстати, тогда, как сегодня, в столице Франции происходили бунты, только студенческие, "и рвались гранаты со слезоточивым газом", но "аристократический округ" наслаждался "покоем и тишиной", что несравнимо с пожароопасной ситуацией в октябре-ноябре 2005-го), - писатель сказал: "Тут мне один французский студент помогает... Ренэ... Может быть, более русский, чем все русские. Познакомиться не хотите?" Не захотел, объяснив нежелание классически: мы ленивы и нелюбопытны. А позже любопытство русских филологов уже не могло быть удовлетворено, поскольку Ренэ Герра заинтересовалась Лубянка. Органы объявили его за связи с "эмигрантским отребьем" и "тенденциозную информацию о жизни и настроениях совестких писателей" никак не менее, чем "зловным антисоветчиком" и абсолютно "невъездным".

Как выяснилось поначалу из наших застольных бесед, а позже при чтении книги, Ренэ Герра - коренной француз. А язык русский - с детства, из "белой" среды обитания. Он южанин, из Ниццы, а там бытовала немалочисленная эмиграция. И однажды к ним домой, где-

то в конце 50-х, пришла бедная дама и попросила маму давать уроки французского ее внучке взамен уроков русского для мальчиков-братьев Ренэ. Ему, гимназисту, было что-то около десяти, зачем ему еще какой-то "русский", если уже и так есть латынь, английский, немецкий. Но тогда же его школьной учительницей русского языка оказалась Екатерина Леонидовна Таубер-Старова, поэтесса; в книге он вспоминает о ней и публикует одно ее стихотворение, которое понравилось Бунину (глава "Французские адреса бунинского архива"). Эти учительницы и открыли ему "неведомый, странный, таинственный мир... Они меня готовили для будущей России. И когда мне было двенадцать, я уже знал Пушкина, Лермонтова..." (Генрих Сапгир. Портрет. Интервью в разделе "Зачем Парижу русские слова?").

Для кандидатской диссертации Ренэ Герра выбрал творчество Бориса Зайцева, сблизился с ним, стал его постоянным помощником, секретарем.

Он получил звание русского слависта во Франции в ту пору, когда многие его французские коллеги поставили крест на русской эмиграции и сделали карьеру на советской литературе, боясь даже вступать в контакты со здравствующим еще в 60-е - начале 70-х Борисом Зайцевым, Ириной Одоевцевой, художником Юрием Анненковым (его картина использована на обложке). Да и некоторые "бывшие" переметнулись на сторону победителей и работали на "органы".

Ренэ Юлианович (он сказал, что привык к такому обращению, так во всех русских дарственных надписях, и я последовала этому примеру), остроумный собеседник, в ярких тонах поведал нашей домашней компании за столом у Веси Ольбрых (ее супруг Богдан, Лола Звонарева, Александр Ананичев, Наташа Баженова), как однажды на приеме он отказался подать руку некоему князю и во всеуслышанье заявил: "Вы подонок и доносчик!"

Глава "Иван Шмелев. "Солнце мертвых" - это послесловие Герра к книге Шмелева "Солнце мертвых", изданной наконец в Париже (2001). И здесь Ренэ Юлианович, "въездной" с 1989-го и даже получивший недавно "президентскую" визу в Россию, радуется миллионным (еще "перестроечным") тиражам Ивана Шмелева и других "возвращенцев". (Тут я узнала, что "Солнце мертвых" за 15 лет несколько раз в России переиздано, и устыдилась своей лени и нелюбопытству.)

Ренэ Герра характеризует это как начало “доброто пути” обратно, на Родину, “неотъемлемой части национального достояния”.

“Какой блестящий реванш для того, кто предал анафеме советский режим, для автора, который был отвергнут Историей” - и снова признан...

...Звоню, вернувшись из Польши, Н.Н. Паульсен. Она получила от друзей, из Москвы, “Солнце мертвых”. Этот “великий роман” (мнение Ренэ Герра) вошел в I-й том пятитомника собрания сочинений Ивана Шмелева: “Русская книга”, “Известия”, 2004.

Может быть, “скитания русской души” закончены?...

НЕСГОРАЕМЫЙ СТОЛ И НЕ ПОСЛЕДНЯЯ БУКВА В АЛФАВИТЕ

Открываю для себя новое имя: **писатель Александр Потёмкин**. Открываю его повести (**Москва, Издательский дом “ПоРог”**).

Стол. 2004. Серия “Мастер-класс”. В знак серии - круг - вписано еще одно, тематическое, обозначение, прямое указание - кто есть кто: БЮРОКРАТ. Ключ. Отмычка. Пароль. Вход. Все равно в служебные апартаменты - только через секретаршу Любовь Попышеву. Предположим, нас впустили.

Итак, кто же он, этот бюрократ, главный герой повести “Стол”? Может, и внимания нашего не достоин, может, скука одна бюрократическая? Не то что предыдущая повесть “Игрок” (2003), анонсированная как остросюжетная и приключенческая. Ключ: АВАНТЮРИСТ. Захватывающая авантюра - шулерство с игральными картами, афера с ограблениями в пассажирском поезде “Ростов - Москва”, с переодеваниями, реалити шоу и т.д. - сразу же втягивает тебя в железнодорожный роман, аж до самой непредвиденной (читателем) остановки: пожалуйста, Арзамас. На входе в поезд - бравый молодой проходимец Юрий Алтынов, на выходе - какая-то экзотическая персона Бени-то Котти!

Увы, портрет кабинетного бюрократа в интерьере с портретом “главы государства” не сулит ничего подобного.

Чиновник Дульчиков, Аркадий Львович - столоначальник “одного из отделов очень важного российского министерства”, на нем “ведомственный китель с пого-

нами и генеральской звездой государственного советника третьего ранга”.

У чиновника патологическая любовь к своему дубовому Столу (в сновидении - столешница Дуська, изменница), к своему доходному месту на четвертом этаже госучреждения: “окно на Маросейку”, “в пятистах метрах от Администрации Кремля”. Это его “стержень жизни”.

Перед началом приема посетителей Дульчиков приносит, словно заклятие: “Держи в руках честь стола!” - и страстно целует его. Эта ритуальная, почти сексуальная процедура в повести подчеркивается и повторяется. Даже секретарша Любаша Попышева таких бурных чувств не вызывает, в отношениях с нею - никакой эротики, обычная формальность, необходимость. Стол же - возбуждает. Ради его спасения, укрепления, незыблемости нипочем не откажешься от притязаний-приставаний “экзота” с наклонностями к “альтернативным чувствам”. Потому что этого инспекторишку Кузякина рекомендовал сам “господин Жаслупин”, вышестоящий чиновник. А “протежирует одно значительное лицо из самого Министерства культуры”. Надо быть поласковой, а не то столу грозит опасность: “Отнимут, точно отберут! Сил у них много”.

Нет, напрасные сомнения - завлекательный роман, то есть повесть, а любовный-то роман у чиновника Дульчикова. Еще какой роман! Высшей пробы - просто сверхфизиологическая, вернее, зоологическая любовь к миллионам, золотым запасам, и своему “светлому будущему” где-нибудь на Западе - при банковских счетах и причем премудро нажитом капитале. Хотя он вообще-то ярый патриот, а не грабитель с большой дороги. И даже про себя, изнутри, думает патриотично и насквозь видит своих посетителей: “Они денег зарабатывают ворох. А как дурят-то государство, как унижают матушку Россию!” За их страшный грех и ему их “потрясти” не грех, а правое дело.

Действительно, клиенты Дульчикова не простые смертные. Вот представитель “Святого Синода”, директор Соф-кого завода (свечи, кадилашницы, потиры и пр., но главное - золотые крестики!), “пройдоха высшей гильдии” Семен Семенович Махахорин, на котором “пробу негде ставить”. Да и всего за двести пятьдесят тысяч долларов его еще и от акциза освободить! Тот в свою очередь спекулирует русской патриотической идеей:

“Сколько храмов разрушено прежним режимом, какое количество священников было замучено извергами. Но где взять деньги для воскрешения святынь?” И жалуется: “Что за порядки вводит этот Мреф?” (Не нужно особой пронизательности, чтобы заметить во всех трех повестях Александра Потёмкина именныe указатели-перевертыши, как литературные, так же и реальные; довольно распространенный эффектный и эффективный прием, художественно-публицистический; однако нам, читателям, интересно, **кто кого** изобличает, **кто кому кем** приходится, так сказать, “идеологически”; туда же и предполагаемые писательские псевдонимы - то ли светлейший князь Таврический, то ли бывший военный разведчик с тридцатилетним стажем, “полковник” Донской, защитник “русскоязычной” бабульки за рубежом - см. “Детектив с “нацистским” акцентом, с. 129; как говорят в Одессе, это вам большая разница.)

Внутренний монолог пройдохы Махачорина также весьма красноречив: “Может, мне повезет в самое короткое время стол у Дульчикова отобрать? У этого взяточника! У пожирателя чужих идей! У грабителя русского человека!”

Среди “клиентов” чиновника и господин Вадбольский из Дворянского Собрания - просит избавить от проверки, “якобы князь Нарницын прикарманил огромные суммы”; и депутат Подхользин, напоминающий киношного гангстера, - требует (!) не искать нарушений на Баргузинском деревообрабатывающем комбинате, где “весь коллектив как один проголосовал за нашу партию”, а он, Дульчиков, уж не “яб-ник” ли или “с-вец!”; и “лицо кавказской национальности” Мамедов, который кормит в своем ресторане задаром, чтоб не трогали, всю бесчисленную рать нужных людей: “милиция ходит, пожарные ходят, участковые ходят, санэпидемстанция ходит, охрана природы ходит, ЖЭК ходит, прокуратура ходит, Статистическое Управление ходит, ...налоговая инспекция ходит, борьба с наркотиками ходит, Дума ходит, Совет Федерации ходит, автоинспекция ходит...”

Да что за время на дворе? Наше будущее с гипертрофированным бюрократически-чиновничьим укладом? (Писатель предупреждает?) Или прекрасный сон, мечта чиновника-“государственника”: “Я выпотрошу капиталы этих сволочей! Перемещу деньги из их шелковых карманов на мои оффшорные счета”!? Сон или явь, - у

писателя настоящее время. На одной странице даже календарное: "вторник, двадцать третье декабря 2003-го года". На другой замечено, что "2004-й год требовал от московской элиты утонченности манер и стиля". Да вы повнимательней посмотрите с самого начала. На краю стола у чиновника специально для посетителей (и читателей) - опознавательный предмет: "газета с сообщением о продлении задержания под стражей известного господина Х-кого". Неправильного, в отличие от действующих лиц. "Плохо делился! Таких людей российский мир не уважает. /.../ Живешь - давай жить дружим. А то президентом захотел стать... Если делиться не научился, то как в президенты-то?"

Как во Власть над людьми? Как Вверх, хотя бы и падая вниз вместе с несгораемым столпом из подожженного министерства? Или сбегая из Недригайловской детской колонии (читайте, если хотите, Свидригайловской), как Василий Караманов из философской повести "Я"...

Людмила ГЛУШКОВСКАЯ

СОБЫТИЯ

ПАСТЫРЬ. 15 ЛЕТ СПУСТЯ

Так называлась Международная конференция памяти протоиерея Александра Меня.

Конференции эти проводятся в Москве, во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино, ежегодно. В 2004 мы собирались и в Риге. Но 8 сентября 2005 года было особым днем. И снова Большой зал “Иностранки”, которую он любил и считал своей, был заполнен.

Мы тоже бываем здесь каждый год, встречаясь с продолжателями дела отца Александра, его единомышленниками, духовными детьми из разных стран мира, с издателями титанических трудов виднейшего российского пастыря XX века. Бесспорно, о. Александр Мень своей общественной деятельностью - как великий богослов и философ, простой “провинциальный” священник, духовник, христианский писатель, проповедник и самый что ни на есть современный лектор, отвечавший на любые острые вопросы своих слушателей и прихожан, - вернул нам ту “русскую мысль”, ту “русскую душу”, которая была изгнана из России в 20-е годы. Своим подвижничеством, непосильной работой восстанавливая утраченные было духовные основы российской жизни, тот фундамент, без которого стране (не только нашей) грозят все новые и новые “обвалы”. Без этого рухнет мир. Без этого человечество, в которое он так свято верил, не оправдает своего предназначения. Этому он и учил.

Накануне я уже по традиции зашла в храм св. Космы и Дамиана, где настоятелем друг убиенного батюшки, его тезка священник Александр Борисов. В этой церкви, на втором этаже, находится и Фонд имени Александра Меня, и служебная издательская комната, и столовая, где кормят бездомных. Однажды видела, как в храме на столах сортировали собранную для бедных одежду... Да, благотворительная работа под неугасимой лампадой светлого батюшки идет вовсю. И сразу перед глазами встают фотоснимки, сделанные любителями и теперь помещенные в воспоминаниях: о. Александр в больницах, навешает детей в онкологической клинике...

Как-то при мне в Фонд пришла одна московская учительница поблагодарить Наталию Федоровну, вдову Александра

Меня, за прекрасную экскурсию в Семхоз, то есть в их жилой дом, в мемориальный кабинет отца Александра, где он, говорят, работал всю ночь, перед тем как 9 сентября 1990 года, на рассвете, выйти на тропу к электричке, на тропу своей встречи с убийцей... Теперь это “тропа отца Александра”, мемориальная, божница на месте убийства - паломничество к ней, а рядом Храм на крови выстроен - церковь Преподобного Сергия Радонежского, его это Маковка, его святые места, недаром и отец Александр здесь поселился... Помню, как митрополит Ювеналий еще освящал фундамент; в 2005 он провел здесь поминальный молебен, и в теплый солнечный день 9 сентября мы здесь, у стен храма, поминали пастыря розданным хлебом засушенным...

Но еще раньше неподалеку от божницы заложили часовню Усекновения главы Иоанна Предтечи (отмечается 11 сентября). Современное “усекновение” тоже было смертельным. Истекая кровью, он возвращался к своей калитке, но встречным женщинам о разбойнике не сказал... Простил?.. Помиловал?..

Дети у этой самой калитки спрашивали учительницу: “А кровь на заборе осталась?” Наверное, им было страшно.

Кровь осталась на совести убийц. В одной из московских центральных газет написали, что это было первое из череды громких политических убийств в России. Но оно не прервало Слова отца Александра.

В церкви Космы и Дамиана, в издательском центре, Павел Вольфович Мень подарил мне только что выпущенный новый сборничек Александра Меня “Почему нам трудно поверить в Бога?” Кроме этой беседы за “круглым столом” (1979-80), которая с подачи Павла Вольфовича одновременно была напечатана и в спецномере “Вышгорода” 3-4, 2005 - памяти протоиерея Александра Меня (1935-1990) - в сборник вошли другие беседы, интервью, ответы на вопросы. Книга “Александр Мень. О себе” (записи его живого голоса на кассетах), также большей частью опубликованная в нашем мемориальном номере, к тому времени выйти не успела. И Наталия Федоровна просила передать две пачки “Вышгорода” в Семхоз. (Несколько десятков номеров журнала с вешим Словом отца Александра не так-то просто было провезти через кордон, сквозь таможню, несмотря на письмо Посольства РФ в Эстонии с просьбой пропустить на конференцию этот небольшой гуманитарный дар.)

Открывала конференцию утром 8 сентября Екатерина Юрьевна Гениева, генеральный директор библиотеки, ответственный секретарь Комиссии по церковно-богословскому наследию протоиерея Александра Меня. И напомнила о том,

что с этим Большим залом связано навсегда. Здесь отец Александр выступал в последний раз “15 лет плюс один день назад”. Он сидел за этим же большим столом в “президиуме” - вместе с отцом Георгием Чистяковым. А ей было некогда, она принимала книги. Из Парижа пришел огромный контейнер издательства ИМКА-Пресс - вернулись на Родину любимые философы отца Александра, и он порадовался, встретив этот бесценный груз у библиотеки. Соловьев, Булгаков, Федотов, Бердяев, Франк... Отныне им возвращалось доброе имя и право голоса. Он знал, что они нужны людям - вместе со свободой. Нужны и тем, кто ожидал его тогда в этой аудитории. Встреча со слушателями прошла напряженно. Среди многочисленных единомышленников, со-работников, старателей возродить Россию наверняка присутствовали и те, кто уже спланировал убийство на пути к Храму, может быть, и тот, кто занесет над ним топор (или саперную лопатку). Ему задавали оскорбительные вопросы, делали угрожающие намеки... Но в первом ряду сидел человек, который сфотографировал отца Александра, и этот портрет обошел весь мир...

И сам он с годами не отдаляется, не уходит от нас - наоборот, в его Слове открываются новые смыслы, до их понимания расти и расти.

“Разговоры о том, что его время прошло, бесосновательны”, - сказал Михаил Мень (сын). Он как политик бывает во многих регионах страны, и везде люди помнят отца. Александр Мень все более и более востребован и читаем. Потому что время сегодня ничуть не легче, чем вчера...

В интервью Михаила Менья газете “Московский комсомолец” приводятся такие цифры: за 15 лет в России тираж книг отца Александра составил около 6 миллионов экземпляров, из них два миллиона - “Сын Человеческий”, переведенный уже более, чем на 10 языков. А за пределами России труды пастыря переведены на 38 языков. Жаль, еще нет на эстонском.

Ключевым словом конференции было слово “свобода”, потому что отец Александр, отмечали все, был внутренне свободным человеком.

У меня в блокноте записано почти дословно выступление о. Владимира Архипова, настоятеля храма Сретения в Новой Деревне, преемника о. Александра. “Его апостольская миссия больше, чем его земная жизнь... Сельский пастырь уважал свою и чужую свободу и никогда не использовал механизм управления человеком... Он не воспитывал, а старался давать ответы...”

Экуменическое осмысление мира привлекало к православному священнику представителей разных религий. Сегодня

российские политики только еще предлагают созвать такую много- и разноконфессиональную конференцию. Он же первый здесь, в “Иностранке”, провел диалог-дискуссию с мусульманским муфтием из Средней Азии. “Кто привел вас к вере?” - спрашивал своих прихожан-католиков митрополит Тадеуш Кондрусевич. И они отвечали: православный священник из Новой Деревни.

Там он и покоится - рядом с церковью. Там утром 9 сентября митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий отслужил панихиду...

Но было ощущение его присутствия...

Один из ответов нам отца Александра Меня. Услышим ли?

“У нас есть свободная воля, и мы связаны друг с другом. Мы несем ответственность за своих близких и дальних и за своих потомков! Наши ошибки сегодня - они могут сказаться и на наших потомках...”

Как говорил Достоевский: все друг за друга в ответе. Это очень правильные слова... мы действительно в ответе. И это составная и необходимая часть возрождения этических принципов в нашем, да и в любом обществе”.

ЧТО ДОРОЖЕ “ТЬМЫ НИЗКИХ ИСТИН”

О великий и могучий русский язык! О классики с гениальными библейскими противоречиями! О страна Адама Мицкевича (и пушкинской любви!), которую никому не удалось покорить...

Именно на эту землю обрушилась Вторая мировая 1 сентября 1939.

И где же еще, как не здесь, проводить Международную конференцию “Литература и война: борьба с устаревшими мифами”. Она и состоялась 27-29 июля 2005 года в Варшаве, в Доме литературы.

С признательностью называю устроителей нашей не первой Большой Встречи в Польше (Варшава, Краков, Гданьск).

Российский центр науки и культуры в Варшаве, его директор Владимир Зайчиков и неизменная “хозяйка” и организатор всего “действия” Татьяна Хохлова.

Союз польских литераторов, его председатель и поэт Марек Вавжкевич.

Институт русистики Варшавского университета во главе с директором Алицией Володзько-Буткевич.

Старые знакомые и новые; все они вливаются в наше дружное сообщество (например, в Союз литераторов Европы; к сожалению, на организационный форум в Гданьск поехать не удалось, ждали дела в Эстонии, которая по логике вещей должна бы к этому союзу присоединиться).

Лев Александрович Аннинский, известный московский критик, обозреватель журнала “Дружба народов”, задает изначально полемический тон: “Категория фатальности и альтернативы у современных историков России”. Следуют дебаты, может ли быть история сослагательной. Стоит ли разрушать мифы? Не помню уж (да и неважно), в какой последовательности в воздухе повисают цитаты из Пушкина, Бродского, Самойлова...

“Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...” (Сделать бы “оговорочку”, как зачастую лихие литературоведы в цитатах: “привет тебе, чума!”, а тут: “дороже, чем...” И нам угодный смысл, но...) “Возвышающий обман”, мифы дороже ли правды? И все построение Александра Исаевича - “жить не по лжи” - летит в тартарары? Но - “Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран!..” Сам-то поэт докапывался до “низких истин”, сам трагически “обманут”... Им самим обманывали и спекулировали... И вот завтра мы ждем русского писателя из Калифорнии, разоблачителя официозных советских мифов о Пушкине и Павлике Морозове.

Но миф мифу рознь. Как роман роману. Жанр один - “сердца” разные. “Кавалер Золотой Звезды”, упомянутый в докладе екатеринбургского профессора Валентина Петровича Лукьянина “Военная тема в литературе как индикатор духовного состояния общества”, совсем другой роман, чем “Судьба и жизнь” Василия Гроссмана. Выступление Веславы Ольбрых, кандидата филологических наук, было, по сути дела, продолжением исследования творчества Гроссмана, чем она фундаментально занимается уже много лет. К этой же теме подключился и наш польский автор, доктор филологических наук Базыли Бялокозович: “Немецкая оккупация и война в восприятии Василия Гроссмана”.

“Образ войны” - он у всех поколений и у всех участников конференции разный. Лола Звонарева, доктор исторических наук, взяла за основу “последнюю четверть XX века”, профессор Уральского госуниверситета Леонид Быков вспомнил почти забытых фронтовых поэтов, Александру Ананичеву близка “поэзия рубежа веков”.

Вторая часть конференции - традиционный “Круглый стол” со слишком, на мой взгляд, громоздкой формулировкой: “Литература и жизненный факт на материале прозы Юрия Дружникова”. Во-первых, было и о стихах разностороннего писателя (их собрал Леонид Быков). Во-вторых, проза Юрия Ильича Дружникова отличается слогом классически ясным, преобразующим “казенные” материалы доносов и справок в свой, дружниковский, индивидуальный прием. О

чем свидетельствуют и его тексты в журнале “Вышгород” (моя тема доклада, см. с. 99).

“Феномен Дружникова” - по меткому слову авторов многочисленных статей и книги о нем Лолы Звонаревой и Веславы Ольбрых - обсуждали оживленно и тоже достаточно polemично. Пospорили, например, кто является прообразом “Суперженщины” - Лиля Брик, Вера Инбер или Агния Барто...

Весьма и весьма серьезно продлил тему конференции директор Института России и Восточной Европы Люциан Суханек: “Война в произведениях Юрия Дружникова”. Ради этого Люциан Суханек (тоже наш автор, см. “Вышгород” 1-2,2002: “Вождь на кончике пера. Образ Сталина в творчестве А. Солженицына, В. Максимова, Ю. Дружникова” и другие публикации) приехал из Кракова, где два года назад он принимал нас в знаменитом Ягеллонском университете.

Михаил Пластов, академик РАЕН, председатель Союза литераторов России, президент Международного Наградного Союза (награды были), в своем научно-поэтическом слове охарактеризовал творчество Юрия Дружникова как “новый Ренессанс в русской литературе”. Пожалуй, он прав. Недаром калифорнийским русским писателем заинтересовались и в Эстонии: его книги переводят и издают.

...В большом зале Дома литературы художница Наталия Баженова заканчивала свою двухчасовую работу - портрет Юрия Дружникова. За окнами бушевала летняя гроза, так, что выворачивала деревья. В Варшаве вышли из строя и погасли светофоры. Мы с Веславой Ольбрых не могли дозвониться ее мужу Богдану, который должен был проводить меня на автостанцию (он же и встречал, как всегда!). Но Богдан сквозь ливень прорвался, и мы успели к автобусу из Кракова на Таллинн. Моя сумка была загружена польскими книжными дарами и рукописями...

Л.Г.

Перед тем как открыть люки он еще раз просмотрел бортовой журнал и компьютер - он хотел убедиться, что все следы уничтожены. Так и оказалось. Тоннель Левинсона, этот узкий проход сквозь пространство-время, был закрыт, и обратный путь к месту старта был почти невозможен. Даже если бы он использовал весь оставшийся запас энергии, ему удалось бы попасть не дальше XVI века до нашей эры, а скорее пришлось бы остановиться где-то еще раньше. Но это его не волновало. Он не хотел возвращаться в историю человеческого общества, и меньше всего - в наше время.

Ландшафт, который он теперь видел, был более или менее таким, какой он и ожидал увидеть. Из-за этого ландшафта он в свое время и хотел попасть сюда, хотя теперь это было и не так важно. Но ему все-таки хотелось хоть раз пройтись по берегу реки там, где-то за лесом. Посмотреть на этих больших бабочек, порхающих вон там, над цветущим кустом. А может, увидеть и другие живые существа, которых он прежде не встречал, а здесь надеялся обнаружить. У него было с собой много сложнее-ших навигационных приборов, но было и еще что-то, настоящий компас, проводник по лабиринтам пространства-времени, которое его современники теперь вознамерились завоевать. По крайней мере надеялись, что это им удастся. У него же было дело поважнее, задание, долг, который предстояло исполнить. Это было важнее

Ян Каплинский (Тарту) - поэт, прозаик, переводчик со многих европейских и китайского языков. И пишет не только на родном языке, но и на русском, английском, финском. Представляет эстонскую литературу на мировом уровне. В переводе Светлана Семеновна в "Вышгороде" 4-5,2001 опубликована также повесть Яна Каплинского "Весна на двух побережьях, или Сентиментальное путешествие в Америку".

всего. В сущности, только это теперь и имело для него значение.

Машинально он сунул руку в карман - да, они были на месте. Янтарные бусы, в одной бусине какое-то насекомое, похожее на муху. Обычный кусочек янтаря, которому удалось найти в пространстве-времени точное место своего происхождения, локализовать свой дальнейший путь, свою судьбу. Еще до того, как его приняли в хрононавты и начались тренировки, это было предметом его исследований, этим он занимался и в дальнейшем. В теоретической физике нового времени было сейчас, как и в прошлом, что-то мистическое. Теорию локусов разработал блестящий теоретик родом из Бутана, живший в небольшой деревушке, последнем оплоте буддизма *махаяна*, превосходно знавший парадоксальную философию этого направления. Опубликовав свои основополагающие работы, он еще несколько лет преподавал в Принстоне, но потом распрощался с Америкой и вернулся в Азию. Никто точно не знал, что с ним стало. Говорили, что он продолжил изыскания в области теоретической физики где-то в отдаленном горном монастыре, куда ему удалось доставить самые совершенные суперкомпьютеры. Еще говорили, что он работает над синтезом наук, пытаясь создать единую теорию духа и материи, взяв за основу некоторые старинные буддийские трактаты. Но вполне возможно, что это была просто легенда, одна из многих легенд и слухов, связанных с именем этого восточного гения.

Он видел его однажды, это было на одной из его редких лекций для молодых студентов. Лекция была чрезвычайно академическая, буддист с детской улыбкой на лице играл формулами и уравнениями, как укротитель с тиграми. Говорил он только о физике, хотя вначале упомянул об одном индийском или китайском философе, который говорил так: всё во всё. Звучало это похоже на Блейка: в песчинке целая вселенная, а в цветке - небеса. Идея бутанца заключалась в том, что это изречение во многом справедливо. В любой вещи содержится невероятно много информации об остальной вселенной, хотя мы и не умеем извлечь ее, не повредив самой вещи. Однако в некоторых случаях это все-таки возможно. Лектор считал, что это возможно в случае живых организмов, в которых для ориентирования в пространстве-времени сформировались собственные молекулярные механизмы.

Это значит, что любое животное или растение, может быть, даже отдельная клетка, представляют собой своеобразный и весьма совершенный навигационный инструмент, в любой момент определяющий свои координаты. Даже тогда, когда мы не знаем, где мы находимся и который сейчас час, наше тело это все-таки знает. Многие его сотрудники впоследствии открыли те самые механизмы, которые он предсказал. Это был настоящий прорыв, обусловивший рождение новой биофизики и физики жизни, и в конечном счете он привел сюда и его, одного из первых пилотов машины времени.

Идея “всё во всём” показалась ему очень заманчивой, и он подумал: а нельзя ли применить эту теорию к некоторым окаменелостям, в которых могли сохраниться их “путевые журналы” в пространстве-времени? Окончив обучение, он присоединился к одной группе исследователей и вскоре стал специалистом в области палеофизики. Это позволило ему позднее, когда Агентура Пространства-Времени запустила свой грандиозный проект путешествий во времени, приступить к пятигодичной подготовке хрононавтов и стать одним из первых, кому удалось преодолеть барьер между настоящим и прошлым.

Проект был задуман и финансировался целым консорциумом компаний, которых интересовало в первую очередь то, что они называли “исследованием и развитием ресурсов пространства-времени”. В широкой прессе, находившейся большей частью в руках тех же компаний, публиковались захватывающие статьи о том, как теперь удастся вновь отыскать затерянные в глубинах палеозоя и мезозоя гены, заполучить сокровища, принадлежавшие инкам и этрускам, прежде чем они попали в руки грабителей и были переплавлены; узнать, что случилось с колониями викингов в Северной Америке, спасти некоторые рукописи, сгоревшие в пожаре Александрийской библиотеки. Эти доставленные из глубины веков сокровища могли стоить миллиарды долларов, так что инвестиции на путешествия во времени окупили бы себя довольно скоро.

Конечно, нашлись и такие, кто жестко критиковал проект: многие ученые указывали на опасности, поджидающие тех, кто пытается воздействовать на прошлое. Согласно теории хаоса, даже малейшие отклонения, самые незначительные события могут вызвать весьма серьезные последствия. Активисты экологического движения

опубликовали на своем сайте научно-фантастический рассказ XX века о том, как отправившийся в путешествие по времени турист отклоняется от изолированной траектории, попадает в девственный лес и убивает там бабочку. Вернувшись в настоящее, туристы обнаруживают, что все кругом изменилось, страной правит кровожадный диктатор. Однако подобные предостережения публиковали лишь некоторые академические журналы и редкие издания анархистов и зеленых, которые, кроме них самих, никто не читал, широкая пресса их полностью игнорировала. Да и он читал много подобного, но предпочитал держаться в тени и своего мнения не высказывать. Еще меньше он был расположен высказывать хоть какие-то сомнения в отношении проекта. Он с детства привык думать в одиночку и не открывать другим свои мысли и настроения.

Первый экспериментальный полет не удался. К счастью, модуль и тяжело раненного хрононавта удалось вернуть назад из Палестины времен крестовых войн. Пилот окончательно так и не пришел в себя и отказывался рассказывать о том, что видел и испытал. Пришлось воспользоваться помощью лучших психиатров, и наконец в состоянии глубокого гипноза он все же заговорил. То, о чем он рассказал, оказалось столь ужасным, что даже у историков, знакомых с описаниями массовых убийств, не выдержали нервы.

Он тоже знал о рассказах пилота, и они лишь углубили осмысление мира, в котором он родился, укрепили желание вырваться из него, из состояния скуки и неприятия, возникшего еще в детстве, когда он услышал воспоминания старших о последней мировой войне. Только вот куда бежать, где спрятаться, как найти такое место, где люди не мучат и не убивают друг друга и других животных?

С детских лет он с болью воспринимал убийство животных и издевательства над ними. Дважды он видел, как старшие мальчишки убивают птиц из духового ружья. Он выходил из себя и бросался на более сильных. Один раз ему удалось вырвать ружье и разбить его о каменную стену, в другой раз его сильно избили и бросили в парке, где он остался лежать, весь в крови и слезах. После этого потрясения он еще больше замкнулся в себе, стал скрывать от других свои тайные мысли, страхи и все, о чем он мечтал. В школе он понял, что ближе всего ему естест-

венные науки, и начал усердно заниматься. Начал с палеонтологии, потом перешел к экологии и физике. Ему казалось, что эти науки указывают путь туда, куда стремилась его душа.

Подростком он мечтал попасть куда-нибудь в девственный лес, жить там среди индейцев, но быстро понял, что ни девственных лесов, ни настоящих дикарей уже не существует в природе, что они сохранились разве что в виде диких поселков в голливудском духе, где туристов угощают экзотическими танцами, экзотической едой, а иногда и полуприкрытым экзотическим сексом. По воскресеньям. А в будние дни все эти индейцы, негритосы и прочие пьют, шатаются по округе и скандалят друг с другом. Они уже не аборигены, не естественные люди, а просто рабочие туристской индустрии, а клочки девственного леса, где они живут, выкуплены или арендованы у лесных компаний. Это совсем не то, чего жаждала его душа.

У него было мало друзей, хотя он бывал порой весьма компанейским малым, мог посидеть в баре, а то и отправиться по девицам. Так и было, пока он не встретил девушку родом из какой-то северной европейской страны, в прошлом находившейся под властью то России, то Германии. Нет, он не был влюблен в эту девушку, просто они сидели в барах, танцевали, провели вместе несколько ночей. Поначалу у него сложилось впечатление, что она в восторге от всего американского, даже говорить пытается с техасским акцентом и по любому поводу говорит *fantastic*, *great* и *marvellous*. По всему было видно, что она счастлива, что сошлась с таким классным парнем, настоящим американцем. В один из вечеров его взгляд остановился на бусах, которые она носила, вернее на одной янтарной бусине, внутри которой застыло какое-то насекомое. Он подумал, что ювелирные украшения, бусы, браслеты и прочее - это знаки, имеющие определенное значение. Если девушка надела янтарные бусы, это, видимо, что-то значило для нее. И он пригласил девушку не в бар танцевать, а в маленькое итальянское кафе и попросил рассказать об этих бусах.

В кафе они сидели долго. Сперва больше говорила девушка - о бусах, потом о себе, потом и он разговорился, почувствовав к своему удивлению, что впервые встретил человека, который готов так внимательно его слушать. Да, бусы были знак, знак ему, он был в этом почти уве-

рен, хотя и не придавал особого значения всей этой оккультнистской ерунде, столь распространенной в молодежных лагерях.

Девушка была под стать ему - очень чувствительная и одинокая с детства. Она говорила о том, как сильно переживает за всех и за всё, как глубоко чувствует, что жизнь и мир вокруг невероятно прекрасны и вместе с тем невыносимо суровы - из-за людской глупости и жестокости. У нее все сердце изболелось за них, она даже думала о самоубийстве, но потом раздумала и решила повременить, она решила быть как все, жить нормальной жизнью, ну для того хотя бы, чтобы попытаться понять других и себя.

Потом, с лукавой усмешкой и легким укором, добавила, что она ждала какого-нибудь знака, какого-то случая, ждала, что встретит кого-нибудь, кто сможет объяснить ей все то, о чем она догадывалась с такой болезненной ясностью и что, за неимением других определений, называла таинственностью мира.

С того вечера они стали неразлучны. Через три месяца они поженились и перебрались в небольшую квартирку неподалеку от того же молодежного лагеря. Она пополняла свои знания в медицине - она считала медицину прежде всего наукой о человеческих страданиях, а он закончил докторскую диссертацию по палеофизике, содержание которой он теперь с удовольствием пересказывал своей молодой жене, вновь и вновь испытывая невероятную радость от того, как прилежно она слушала и какие замечательные вопросы задавала ему по ходу дела.

- Значит можно, например, отыскать то самое дерево, где вот эта муха еще барахтается в капельке смолы? - спрашивала жена.

Он считал, что теоретически это возможно. Жена рассказала ему историю, слышанную от ее прабабки, простой женщины с побережья. Речь там шла о женщине, их далеком предке. Она была еще молодая и вдруг неожиданно умерла. Заснула, а утром не проснулась. Ее положили в гроб и сели вокруг нее, и вдруг кто-то заметил в окне ночную бабочку, которая изо всех сил билась в стекло и старалась попасть в комнату. Тот, кто заметил ее, возможно, слышал старые сказания. Во всяком случае, он пошел и открыл окно. Бабочка, попав в комнату, слетела напрямиком на лицо умершей и исчезла. А мертвая вдруг стала дышать, открыла глаза, увидела, что лежит в

гробу, а вокруг горят свечи, и стала громко кричать и звать на помощь. Похороны не состоялись, а потом эта женщина вышла замуж и имела много детей. Потом она так рассказывала о том, что пережила. Она видела странный сон. Она побывала во многих незнакомых местах, даже в большом городе за несколько верст к югу отсюда, описала богатые дома и высокие церкви в этом городе. И хотя она раньше не бывала в этом городе, люди, которые там бывали, признали точность ее описаний. Местный пастор разрешил ей рассказывать о своем сновидении и даже собственноручно записал его, но рукопись, как говорят, затерялась, а всю эту историю помнили только в их семействе.

- Иногда я думаю, что эта муха в янтаре - чья-то душа, - как-то ночью в постели сказала жена. - А не может ли быть так, что это моя душа? Эта мысль выглядит абсурдной, но не может ли душа преодолеть однажды границы времени и пространства? Знаешь что, милый... Если со мной что-нибудь случится, то ты, может быть, сумеешь вызволить ее оттуда?

Это было сказано не всерьез, как и все, что говорится ночью в объятиях. Но ему запомнились эти слова.

На следующее лето они поехали к ней на родину и пару недель прожили в деревне, в старом доме, который ее отец перестроил под дачу. Семья давно перебралась в город, родители работали, потом вышли на пенсию и жили в столице. Дом ему понравился - он находился на побережье, где раскинулось прохладное и серое северное море, а люди были серьезны и немногословны. Они могли часами сидеть вместе, изредка обмениваясь скудными впечатлениями. Эти люди с побережья, подумал он, наверно, самые немногословные в целом в мире, но у него не было материала для сравнения, чтобы делать какие-то выводы. Да, они немногословны, но у них есть свой язык, который, как ему объяснили, не состоит в родстве ни с одним языком в Западной Европе. И звучал этот язык, по крайней мере в устах его жены и ее матери, очень красиво. Жена читала ему вслух стихи на этом языке и переводила, насколько могла. Ему запомнилось одно стихотворение, выбранное женой явно из-за содержания. Там автор, имени которого он не запомнил, с тоской писал об исчезнувших деревьях, о флоре доледникового периода и заканчивал стихотворение почти что заклинанием: *вернись, метасеквойя, вернись, янтарная сосна.*

Эта тоска по исчезнувшим мирам наверняка звучала в свое время несколько экзальтированно. Но теперь, с появлением теории локусов и возможностью путешествий во времени, появилась надежда возродить исчезнувшие и добытые из прошлого виды, над чем и шли горячие споры. Самым проблематичным казалась, разумеется, доставка обратно в современный мир древних животных большого размера - динозавров и мамонтов, хотя энтузиасты жарко отстаивали эту идею, а более трезвые ученые считали опасной и недопустимой затеей. Он сам относился к этой идее скептически. Он считал, что мечты так и должны оставаться мечтами, а сказки не следует выдавать за реальность. Жена сказала, что автор стихотворения сам написал эссе, в котором утверждал буквально следующее: исполнение древних мечтаний человечества может привести к нежелательным, даже губительным последствиям. Он же не мог не думать о проекте, почва для которого он сам, хотел он того или нет, подготовил своей научной работой. С другой стороны, результаты его исследований показали многое, что служило предостережением для тех, кто мог и желал смотреть дальше. Однако от компаний, готовивших проект по эксплуатации ресурсов пространства-времени, вряд ли можно было ожидать осторожности: безжалостная конкуренция заставляла их спешить и рисковать. Первым делом надо было действовать, а думать, в лучшем случае, можно было и потом.

Он попытался немножко подучиться языку, который казался ему очень сложным; основательно заняться им он решил на следующий год, когда будет готова докторская диссертация и у них будет больше времени. Они мечтали, что купят там же на побережье старый дом и сделают новую пристройку. Тогда у них и у детей - с детьми они тоже решили повременить до защиты диссертации - всегда будет место, где можно будет жить. Может быть, потом удастся найти и какую-нибудь работу; если же он выучит язык, то можно будет на правах приглашенного профессора преподавать палеофизику в университете. Эта мысль о покупке дома и лекциях в местном маленьком университете особенно понравилась жене. Народ здесь был довольно бедный, особенно вдалеке от столицы, и многие иностранцы, пользуясь этим обстоятельством, покупали на побережье дома и участки земли.

- Капиталистическая оккупация, - сказала жена. - Мне

кажется, она еще более опасна, чем нацистская или коммунистическая оккупация. Проданную землю нам уже никогда не вернуть, а все-таки это наша земля, и сколько крови и пота пролили за нее наши предки...

Он понял и был уверен, что сможет помочь. Он наверняка получит место с хорошим окладом в каком-нибудь университете и сможет предложить за дом хорошую цену, не меньше, чем какой-нибудь шведский бизнесмен или немецкий пенсионер. Он все готов был сделать, чтоб же не было хорошо.

Весной он защитил докторскую диссертацию, и они решили взять отпуск и все лето провести в деревне у нее на родине. Жена уехала уже в начале июня, а он ненадолго задержался, чтобы устроить дела, и намеревался приехать следом. Когда он отвез жену в аэропорт, обнаружилось, что янтарные бусы остались дома на ночном столике. Потом жена позвонила, и он сказал, что бусы нашлись. Жена сказала, что в этих бусах заключена ее душа и что у него в руках ей будет надежнее.

Через неделю, когда он как раз сидел за компьютером, заканчивая статью о своей работе для одного популярного научного журнала, зазвонил телефон. Чужой голос на плохом английском языке сказал, что его жена, поехав в местную лавку, попала под машину. Водитель из какой-то скандинавской страны оказался пьян. Жену доставили на самолете в университетскую больницу, и она лежит там в коме. Он позвонил в бюро путешествий, заказал билет на ближайший рейс через Копенгаген, оставил сообщение своему университетскому руководителю и поехал в аэропорт. Когда он вошел в палату интенсивной терапии, жена была еще жива, но без сознания. Всю ночь он просидел возле нее, сжимая в руке янтарные бусы. Утром жена умерла.

Ее кремировали, она однажды сказала ему, что не хочет, чтобы ее похоронили на кладбище. Он развеял ее прах над морем и уехал в Америку. Просидев неделю дома в одиночестве, он решил больше не принимать снотворного, подумав, что так у него, пожалуй, больше надежды увидеть ее во сне. И она явилась и сказала, смеясь, чтобы он не печалился, может быть, они еще встретятся. “Наперекор пространству и времени, - сказала она. - Не забудь выпустить мою душу на волю”. Таковы были ее последние слова.

После этой встречи во сне он постепенно пришел в

себя и снова погрузился в научную работу. Когда Агентство развернуло свой проект, он был уже в форме. Или по крайней мере так всем казалось. Психологи, интервьюировавшие претендентов, остались им довольны и сообщили руководству проекта, что он справился со своими проблемами, он уравновешен и мотивации нормальны. Коллеги не замечали в его поведении ничего особенного: он ко всем доброжелателен, выпить тоже не отказывается, а порой даже флиртует с местными девушками. С выпивкой и девушками, конечно, далеко не заходило: во время тренировок всё подчинялось строгой дисциплине и за пределы Центра подготовки они почти не выходили. К тому же он смог продолжить свои исследования по локализации окаменелостей; боссам, заседавшим в комитете, это нравилось. Таким образом он сумел извлечь из своего куска янтаря и заключенной в нем мухи важную информацию.

В полет он должен был отправиться в одиночку. Модуль на двоих был слишком сложен и дорог. Первое задание было чисто экспериментальным: он должен был исследовать один вымерший вид быстро растущей секвойи, который представлялось заманчивым привезти из прошлого и реинтродуцировать; он должен был привезти семена, а по возможности и саженцы для опытной посадки. Были и другие задания, связанные большей частью с самим полетом. Одна крупная туристская фирма была заинтересована в том, что он, вернувшись, сможет дать ценные советы для устройства парка юрского периода.

Свои истинные цели он не открывал никому.

Воздух, которым он дышал сейчас, был влажный, теплый, пропитанный запахом хвойных растений. Ему вспомнились заросли туи в штате Вашингтон и в Британской Колумбии, но здесь запах был сильнее. Хорошо было им дышать после кондиционированного воздуха в тесном модуле. С собой у него были карта, электронный локализатор (частично сконструированный им самим) и лазерный пистолет. Потом он займется другими делами. А сейчас надо идти и искать дерево. И немного оглядеться.

Он вылез из модуля. Земля была покрыта густым мхом и папоротниками. Приземлился он на небольшой поляне. Два гигантских дерева лежали на земле, вокруг них было свободное пространство, еще не заросшее кустарником и молодыми деревьями, хотя он видел кругом много семенных коробочек. Большой частью это были

деревья с мягкой хвоей, скорее всего пихты и секвойи, а может, и что-то другое. Ведь многие виды он знал только по справочникам палеоботаники, а многих и там не было.

Приземление модуля, видимо, отпугнуло животных. А сейчас они начали возвращаться. Пара птиц-стервятников села на упавшие стволы, белка вылезла из гнезда и разглядывала пришельца. Он проверил место, где находится, и пошел. Стервятники и белка даже не двинулись. К реке, куда он намеревался пойти, вела тропа. Видимо, животные ходили по ней на водопой.

Ботаника и орнитология всегда интересовали его, но то, что он увидел, было, пожалуй, слишком даже для самого эрудированного биолога. Птицы, белки, крысы, какие-то животные, одновременно напоминавшие маленькую лошадь и свинью, совсем не боялись его, так что он смог без помех разглядеть их вблизи. Ему пришлось сойти с тропы, чтобы пропустить небольшое стадо оленей. На подходе к реке он увидел саблезубого тигра. Тот принадлежал к не крупному виду, но явно был достаточно силен, чтобы убить оленя. Или человека. Тигр шел в противоположном направлении, и ему снова пришлось сойти с тропы, чтобы дать хищнику дорогу. Он был здесь не властелин природы, а просто одним из животных среднего размера. Тигр остановился, понюхал воздух, посмотрел на человека и двинулся дальше. Он подумал, что тигр не заинтересовался им, видимо, потому, что не был голоден, а может, потому, что он слишком отличался от его обычной добычи. Возможно, и запах человека показался тигру слишком сильным и непривычным. Пластик, химикалии, человеческое тело наверняка пахло совершенно иначе, чем все, с чем тигр сталкивался до сих пор.

Река оказалась шире, чем он представлял себе, а вдали сверкало в солнечных лучах море, его соленый запах доносил сюда ветер. Он свернул направо и пошел к морю. На берегу реки не было тропы, и ему пришлось пробираться сквозь поваленные деревья или обходить их. Некоторые из них - видимо, болотные кипарисы и секвойи - были поистине гигантских размеров. Их много росло по берегам реки, были также крупные папоротники и пальмы. Какого вида были эти пальмы, он не захотел устанавливать. Кругом, в воде и на земле, было множество птиц, некоторых он назвал бы утками - их много было там вместе с выводками. В воде можно было заме-

тить крупных рыб. Рыбы как будто боялись его - возможно, уже имели дело с двуногими рыбаками. Воздух был полон свиста, щебета, криков и шорохов. Ни одной знакомой птичьей песни, ни одной знакомой ему птицы. Вверху парили кругами два орла.

На небольшом холме возле реки росло большое дерево, вокруг него были заросли папоротника и каких-то цветов, каких - он не смог определить. Он вынул из кармана лупу. В самом низу, в коре, он рассчитывал обнаружить насекомое, которое искал. Расчеты оправдались: там была муха. Муха была разноцветная - черная с оранжевым, как пчелы или осы. Но это была муха, у нее было только два крылышка. Тремя лапками и крылышком она застряла в смоле. Она отчаянно барахталась, но освободиться не могла. Он вытащил из кармана нож и осторожно высвободил муху вместе со смолой и кусочком коры. Да, дерево было *Pinus succinifera* - янтарная сосна. Капли смолы этих деревьев река уносила в море, а там со временем они превращались в янтарь.

У него была с собой небольшая бутылочка со спиртом и кусок ваты. Он осторожно высвободил лапки мухи одну за другой, почистил их спиртом и то же сделал с ее крылышком. Оно не было повреждено. Сперва муха не взлетала, может быть, спирт опьянил ее, но потом расправила крылышки и улетела.

Он вынул из кармана янтарные бусы. Они светились тем же мягким светом, но насекомого в одной из бусин уже не было, муха бесследно исчезла.

Он сел на камень и огляделся. Теперь он был спокоен. Далеко в воде прилива он увидел дельфинов, они изредка выпрыгивали из воды. Вверху кружились орлы, их стало больше. Да, скоро он вернется сюда, но прежде надо будет избавиться от модуля. Он закрыл глаза, чтобы лучше слышать голоса природы. Пенье птиц было другое, чем в привычном ему мире, а вот шум леса (к которому примешивался и слабый шум моря) был такой же, как и десятки миллионов лет спустя.

На обратном пути, прежде чем свернуть на звериную тропу, он услышал доносящийся из леса тяжелый топот. Он остановился и увидел их - это были маленькие мохнатые слоны, скорее всего мастодонты. Они тоже шли к реке на водопой. Была там и самка с маленьким слоненком. Слоненок беспрепятственно бросился в воду, стал плескаться и трубить, а потом направился к противополож-

ному берегу. Тогда и мать поспешила в воду, поспешила к малышу и преградила ему путь своим телом. Потом они оба выбрались на берег и отряхнули воду с мохнатых спин. Потом самка вдруг остановилась, подняла уши кверху, явно чем-то обеспокоенная. Другие животные тоже стали прислушиваться и собрались вокруг слоненка тесным кружком. Причина тревоги была понятна - он тоже заметил в кустах подкрадывавшегося к слонам саблезубого тигра. Слоны стали трубить и трамбовать землю ногами. Тигр понял, что его заметили, прекратил подкрадываться, поднял голову, злобно зарычал и, дергая хвостом, скрылся в зарослях папоротника. На человека слоны вообще не обратили внимания. Он не принадлежал к этому миру, не играл в нем никакой роли. Да, то, что он увидел, действительно было раем. Это был рай, в котором не было мира. Так примерно и звучало название книги о дикарях Амазонии, которую он прочел когда-то в детстве. Но любой рай закрыт для человека, в лучшем случае мы можем увидеть это издали лишь спустя какое-то время.

Он залез в модуль и еще раз проверил направление. Модуль должен был направиться к действующему вулкану, из которого позднее образуется Атлантический океан, и упасть в кратер. Температура там достаточно высокая для того, чтобы он полностью расплавился и сгорел, так что в будущем, в его времени, уже никто ничего не найдет. Он достал дневник и маленькую коробочку, сунул их в сумку и написал на экране последний приказ.

- Действительно желаешь направить модуль в пункт ВУЛКАН? - спросил бортовой компьютер. Он дважды написал ДА, включил таймер и вылез наружу. Через три минуты, когда он был уже в безопасном месте, модуль стартовал с оглушительным ревом. Он проследил за ним взглядом, пока модуль не исчез в синем небе, и направился назад к своему дереву.

Слоны были на прежнем месте, а неподалеку от них он заметил большое смешное животное, на первый взгляд напоминавшее гориллу, однако голова у него была гораздо меньше. Он догадался, что это не обезьяна, а большой ленивец. Он медленно вытянул лапу, ухватился за ствол небольшой пальмы, на верхушке которой виднелись плоды, и пригнул эти плоды прямо ко рту.

Он снял свою пилотскую куртку, расстелил под деревом и сел, прислонившись спиной к стволу, потом дос-

тал из сумки карманный календарь. Там была фотография жены, приклеенная на то число, когда они сидели в итальянском кафе.

- Я сделал то, о чем ты просила, - сказал он. Потом достал из коробочки две таблетки и сунул в рот. Долго ждать не пришлось, скоро им овладела сонливость. Вид на реку, на лес и сверкающее вдали море стал мешаться с другими картинами. Потом он увидел жену. Жена вышла из-за деревьев, она была в знакомой красной кофте, подошла к нему, положила руку ему на плечо и сказала:

- Наперекор пространству и времени... Ну, пойдем.

Это было последнее, что он видел и слышал.

Бурый мохнатый зверь, похожий на маленького медведя, подошел проверить: зверь, лежащий под деревом, уже умер или нет, и когда им можно будет полакомиться. Он потрогал лежащего лапой - тот шевельнулся и тихо застонал. Значит, еще жив и может быть опасен. Лучше подождать, пока он совсем перестанет двигаться и дышать. От умиравшего зверя исходил странный незнакомый запах, но медведь привык поедать даже разлагающиеся трупы, так что запах был для него не помеха. Неподалеку сидела пара мелких животных, напоминавших кошек. Они ждали, что медведь оставит что-нибудь и на их долю.

*Перевел с эстонского
Светлан СЕМЕНЕНКО*

Светлан Семеновна - поэт-переводчик, благодаря которому и по-русски переданы духовные токи и стиль эстонской поэзии и прозы, поскольку в круг его собственного творчества вписаны многие эстонские авторы.

НИЛ
НЕРЛИН
ДОМОЙ

стеклом
оконным
скомканные огоньки
магелланова скального берега
перемигиваются

с корабликом
наобгонки

скоро зелень осоки
занывающий
звон
комарий
Рокка-аль-Маре

капилляры
детски тонки

сладок вкус
драгоценной
рубиновой
уплывающей капелькой
крови

затоскуешь
теснинами кровель

мокрый снег

Нил Нерлин - автор восьми книг стихов и прозы. Член Союза российских писателей (Москва). Живет в Таллинне с 1980 года. Постоянно печатается в периодике.

РОЖДЕСТВО

мерцание кафеля
вскрики баклана
скрипят переборки
бетона-бахвала
подземной планеты
вал огненной влаги*

о тайны метана ----

Титаном**-----

-----о флаги
2005 январь 14

* 26.12.04 Ю.-В. Азия

** зонд Гюйгенс

ВЧЕРА

1

сор творения

2

метеорит
воздух взрыл
озарил болотце

3

болевой
оболочкой
бьётся

4

человек

5

и твердь материт
сентябрь 1999

ДЕТИ МИРА

свыше видим
свой камешек
бездной клубясь

ветхим саваном
зябко
небесную бязь

дискоболами
космоса
каверзного

распинаемых Друг
исчезающих вдруг
ужас вызнает жизнь

возносимых
пишу это слово
скафандром

Дискавери
28 июля 2005

УЧИТЕЛЬ

Поезд ушёл. Насыпь черна.
Час тишины где ещё я добуду?
Гамлет нагана. Маг чугуна.
Той гекатомбы. Чудища. Чуду.

1990

УЗНИК

лезвия
вроде
заныли
нежно

нет же

двери
железа
музыка
влезла

2002

ТРИПТИХ

I

под ночником
очнулася тетрадь
и в ней
ничком
дыханье губ
чуть влажных

шорх-шорх
волна

и эхо ли
терять
янтарной тропкой
меж материй важных
2002

II

исчезло время фраз
особенно красивых
наверно в самый раз
любить лошадок сивых
так хочется на юг
Возничего повозка
умчит изнывших вдруг
с их визой цвета воска
2004

III

хруст черепков
тропа кентавра

храм
колыхаемых
колонн
йод моря лёгок
лунный
склон

соль Таврии
сон Минотавра
1979

истлевшей птицы
крохотная кость

спроси чей череп
корабельный гость

страна сурова
только ветер дунь

и обнажит погосты
этих дюн

1972

околицей

закатов
солнца
возвратно
вспучивало шар

в ночь солонцами

нёсся жар
к мальцу
саманного

оконца

29 авг 1979

прииртыше

З.А.

замурованных уст
нашей верою
страха

зазвучи
той травой-горлицей
отравленный
голос

попущением полупустынь
горло сжав твоё
малая птаха

12.6.04

от сглаза
укрыт
компьютер
я в ту же могилу лягу
лоза ищет
звёздную влагу
пишет письмо
кому-то

2005

свобода духа
тает лед
семь пар нечистых
с неба льет
застенная
рыдает дрель
наверно март
или апрель
прохлюпал
слышу лимузин
хозяин этих
душ и зим
цепной видать
опущен мост
свобода мести
давит мозг
могучий огонь
взметнув к луне
оттиснутых
на колуне

2000

ВОЛК
изведён

ДОНН ДОНН ДОНН

век
чёрной крови
Земли
слипшихся век

финти не финти
самосожженец нефти
беженец неба
невидимок-иуд

вглядись
в зеркала
сибирских
цирюльников

у! тут
мокрушная
безотчётная клика
свинцовых белил

сопричислена

к Ликам
2005
страстная пятница

К***
музам
алмаза
угольной
мглою

знойная
Venus
волшба лишь
игрою

камня
короны
Солнца
корою
2004
июнь 8

КРЕЩЕНИЕ. СОРОТЬ

вкруг
попыньи
замёрзшим

сквозь
очки

серели пеплом
красных роз
клочки

ты мой
ты мой
железной робы
услышан тьмой
чистейшей пробы
Земля в горсти
кому ж грести
домой домой

RESÜMEE

Numbri projekt: Kahekordne mäng ja kirjaniku ainuvalik.

Karl RISTIKIVI (1912-1977) romaani "Kahekordne mäng" on paleeintriigide ohtlikkusest (Eesti keelest tõlkinud Ljudmilla SIMAGINA).

Jaan KAPLINSKI kangelase ainuvalik (novell "Helmemänd", tõlkinud Svetlan SEMENENKO) on samasugune nagu iga kirjaniku ainuvalik.

Rein VEIDEMANN tutvustab meile Islandi kirjanduse tänast seisu ja vanu traditsioone (tõlkinud Tatjana TEPPE).

Mihhail PLASTOV (Moskva) pöördub oma miniatuurides kaugesse lapsepõlve.

Sergei ISSAKOV kirjutab Karl von Herschelmanni arhiivi tagasitoomisest Tartusse ja 1930. aastate vene poetidest selles arhiivis.

Puškini Maja teadur Larissa IVANOVALT on Igor Severjanini kirja uus tõlgendus.

Tänapäeva poetide Rimma KOZAKOVA (Moskva), Jelena JELAGINA (Peterburg), Mihhail JUPPI (Philadelphia), Nil NERLINI luule.

Varssavi *vers libre*: Marek WAWRZKIEWICZ, Krzysztof GONSIEROWSKI, Aleksander NAWROCKI, Zbigniew JERZINA, Zbigniew MILEWSKI (Poola keelest tõlkinud Viktor MAKSIMOV).

Kaasaja pop-lauludest räägib Aleksander ŠTŠUPLOV (Moskva). Tatjana ŠAPIRO (Tel Aviv) riimib luulet mudilastele.

Meie Kalifornias resideeriv autor Juri DRUZHNIKOV väidab, et plagiaat on üks Pavlik Morozovi müüdi reanimeerimise vorme.

Viktor SUVOROV (Suurbritannia) jätkab teise maailmasõja ajaloo falsifitseerimise teemat.

Sotsioloog Juhan SILLASTE analüüsib negatiivse Eestimaa kuju modelleerimist Venemaal.

Hans Christian Anderseni 200. juubeliks: Lola ZVONARJOVA ja Lidia KUDRJAVTSEVA (Moskva) olukirjeldus taani geeniuse illustreerimistest.

Professor Boris JEGOROV (Peterburg) väidab, et lõhnadel on ka ajataju.

Vadim BARANOV (Moskva) käsitleb naiste osatähtsust Maksim Gorki elus (katkend uue raamatu käsikirjast).

Samuti heidame pilgu Galina Štšerbakova, Juri Druzhnikovi, Mihhail Potjomkini ja Rene Guerra loomingulisse kööki.

Teeme ka ülevaate meie osavõtust rahvusvahelistest sündmustest.

SUMMARY

Double Bind and the only Choice of a writer - the idea around which the issue is woven.

Chapters from a detective novel by Karl Ristikivi (1912-1977) "*Double Game*" about "palace intricacies" with their inevitable tragic end (translated by Liudmila Simagina).

Yan Kaplinsky story's "*Amber Pine*" character - like the author himself - made his only choice (translated by Svetlan Semenenko).

Publicist Rein Veidemann tells us about century-old traditions and status of Iceland literature (translated by Tatiana Teppe).

Michail Plastov (Moscow) allows us to penetrate the period he was a child.

Sergey Isakov has discovered some Russian poetry of the 1930s in the archives of Karl von Herschelmann and brought it back to Tartu.

Pushkin House researcher assistant Larisa Ivanova reads afresh a letter by Igor Severyanin.

Modern poetry is represented by Rimma Kozakova (Moscow), Elena Yelagina (St. Peterburg), Michail Yupp (Philadelphia), Nil Nerlin (Tallinn).

Warsaw *vers libre* - Marek Wawrzekewicz, Krzysztof Gonserowski, Aleksander Nawrocki, Zbignew Erzina, Zbignew Milewski (translated Viktor Maksimov).

Aleksander Shchuplov (Moscow) shows the background of modern pop-song.

Tatyana Shapiro (Tel Aviv) indulges us with some rhymes.

Yuri Druzhnikov (California) claims that plagiarism is a kind of Pavlik Morozov myth's restoring.

Military historian Viktor Suvorov (England) has written another of his riveting studies on the hidden story of W.W.II.

Sociologist Yuhan Sillaste analyses how the negative image of Estonia is being created in Russia.

Lola Zvonarieva and Lidia Kudriavtseva (Moscow) write about Russian illustrators of Hans Christian Andersen (to the 200th birthday of a great Dutch).

Professor Boris Yegorov (St. Peterburg) reveals a suprising ability of smells to keep past alive.

Vadim Baranov (Moscow) explores the part women played in the life of Maxim Gorky.

This issue also includes:

Some words on creative ways of Galina Shcherbakova, Yuri Druzhnikov, Michail Potyomkin, René Guerra, and public events we have participated.

СОДЕРЖАНИЕ

КАРЛ РИСТИКИВИ (1912-1977).

Двойная игра.

Главы из романа.

Перевела с эстонского ЛЮДМИЛА СИМАГИНА.

5

РЕЙН ВЕЙДЕМАНН.

Могучая традиция “Эдды”.

Эссе.

Перевела с эстонского ТАТЬЯНА ТЕППЕ.

30

РИММА КАЗАКОВА.

Невеста.

Баллады отечественной войны.

33

СЕРГЕЙ ИСАКОВ.

Сквозь “гибель жизней и надежд”.

Возвращенный из Германии в Эстонию архив К.К. Гершельмана.
В приложении к очерку стихи: Е.А. РООС-БАЗИЛЕВСКАЯ,

Е.А. БАЗИЛЕВСКАЯ, И.В. БАЗИЛЕВСКИЙ,
Б.Х. ТАГГО-НОВОСАДОВ, И.К. БОРМАН (ИрБор).

36

ЛАРИСА ИВАНОВА.

“...уплачу Вам свой должок”.

Письмо Игоря Северянина В.Е. Гушику.

50

ЛОЛА ЗВОНАРЕВА, ЛИДИЯ КУДРЯВЦЕВА.

Господин профессор и рыцарь.

К 200-летию Ханса Кристиана Андерсена.

55

ВАРШАВСКИЕ ВЕРЛИБРЫ.

МАРЕК ВАВЖКЕВИЧ. КШИШТОФ ГОНСЕРОВСКИЙ. АЛЕКСАНДР
НАВРОЦКИЙ. ЗБИГНЕВ ЕЖИНА. ЗБИГНЕВ МИЛЕВСКИЙ.

Перевел с польского ВИКТОР МАКСИМОВ.

66

МИХАИЛ ПЛАСТОВ.

Оптимист.

15 миниатюр.

76

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ.

Катриона Келли, Павлик Морозов и Лубянка.

85

ЛЮДМИЛА ГЛУШКОВСКАЯ.

На кухне Юрия Дружникова.

99

ТАТЬЯНА ШАПИРО.

Смехолёт.

Стихи для детей.

106

БОРИС ЕГОРОВ.

Запахи.

Продолжение воспоминаний "Далекое-близкое детство".

111

МИХАИЛ ЮПП.

Серебристая живопись.

Латвийский цикл.

123

ЮХАН СИЛЛАСТЕ.

Детектив с "нацистским" акцентом.

129

ВИКТОР СУВОРОВ.

Держи фальсификатора!

139

ЕЛЕНА ЕЛАГИНА.

Кардиограмма желаний.

Стихи.

148

ВАДИМ БАРАНОВ.

Горький в роли Казановы?

Документальное расследование.

150

АЛЕКСАНДР ЩУПЛОВ.

Форс-мажорные обстоятельства.

О современной песенной поп-поэзии.

160

АВТОРСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР.

165

СОБЫТИЯ.

176

ЯАН КАПЛИНСКИЙ.

Янтарная сосна.

Рассказ.

Перевел с эстонского СВЕТЛАН СЕМЕНЕНКО.

182

НИЛ НЕРЛИН.

Домой.

Стихи.

196

На стр. 3, 54, 60-62 первые рисунки художников А. и В. Трауготов.

На обложке: Борис Диодоров. Иллюстрации к сказкам Ханса Кристиана Андерсена "Русалочка" и "Снежная королева".

см. также:

www.veneportaal.ee/vyshgorod

НАД
НОМЕРОМ
РАБОТАЛИ

Людмила Глушковская

главный редактор

Юрий Зотов

зам. гл. редактора

Владислав Станишевский

художник

Олег Костанди

технический редактор

Алла Маловерьян

корректор

ЭСТОНСКИЙ
КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР
•РУССКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ•

АДРЕС

а/я 1016, "Вышгород", 10302, Таллинн

ТЕЛЕФОН

6 403 945

Е-МАИЛ

Nil.Vysgorod@mail.ee

Напечатано в Таллиннской книжной типографии